
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 27 (2296)

Основан
1 апреля 1923 года

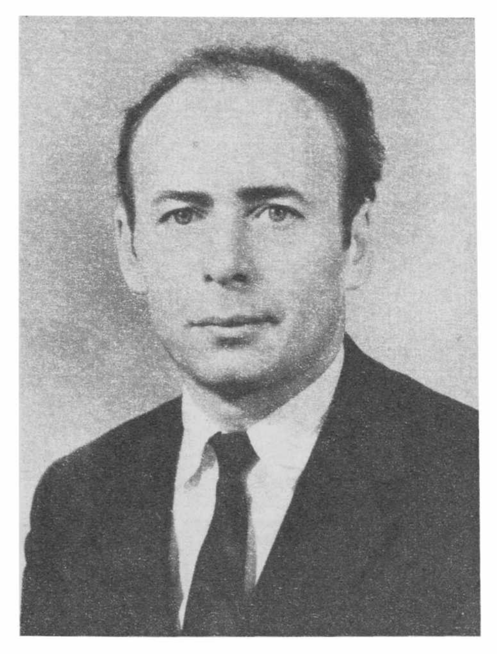
3 ИЮЛЯ 1971

Георгий Тимофеевич Добровольский.

Владислав Николаевич Волков.

Виктор Иванович Пацаев.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 30 июня 1971 года после завершения программы полета на первой пилотируемой орбитальной станции «Салют», являющейся новым крупным этапом в развитии космических исследований, при возвращении на Землю на корабле «Союз-11» погибли отважные космонавты, члены КПСС командир корабля подполковник Добровольский Георгий Тимофеевич, бортинженер Герой Советского Союза Волков Владислав Николаевич, инженер-испытатель Пацаев Виктор Иванович.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР вместе с партией и всем советским народом глубоко скорбят в связи с утратой замечательных сынов нашей Родины и выражают искреннее соболезнование их семьям.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС — **ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР** — **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

СООБЩЕНИЕ ТАСС

О ГИБЕЛИ ЭКИПАЖА КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «СОЮЗ-11» ПОДПОЛКОВНИКА ДОБРОВОЛЬСКОГО ГЕОРГИЯ ТИМОФЕЕВИЧА, БОРТИНЖЕНЕРА ВОЛКОВА ВЛАДИСЛАВА НИКОЛАЕВИЧА, ИНЖЕНЕРА-ИСПЫТАТЕЛЯ ПАЦАЕВА ВИКТОРА ИВАНОВИЧА

29 июня 1971 года экипаж орбитальной научной станции «Салют» полностью завершил выполнение программы полета и получил указание совершить посадку. Космонавты перенесли материалы научных исследований и бортжурналы в транспортный космический корабль «Союз-11» для возвращения на Землю.

После выполнения операции перехода космонавты заняли свои рабочие места в корабле «Союз-11», проверили бортовые системы и подготовили корабль к отстыковке от станции «Салют».

В 21 час 28 минут по московскому времени корабль «Союз-11» и орбитальная станция «Салют» расстыковались и продолжали дальнейший полет раздельно. Экипаж корабля «Союз-11» доложил на Землю, что операция расстыковки прошла без замечаний и все системы корабля функционируют нормально.

Для осуществления спуска на Землю 30 июня в 1 час 35 минут после ориентации корабля «Союз-11» была включена его тормозная двигательная установка, проработавшая расчетное время. По окончании работы тормозного двигателя связь с экипажем прекратилась.

В соответствии с программой после аэродинамического торможения в атмосфере была введена в действие парашютная система и непосредственно перед Землей — двигатели мягкой посадки. Полет спускаемого аппарата завершился плавным приземлением его в заданном районе. Приземлившаяся одновременно с кораблем на вертолете группа поиска после вскрытия люка обнаружила экипаж корабля «Союз-11» в составе летчиков-космонавтов подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Волкова Владислава Николаевича, инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича на своих рабочих местах без признаков жизни. Причины гибели экипажа выясняются.

Своим самоотверженным трудом в области испытаний сложной космической техники — первой пилотируемой орбитальной станции «Салют» и транспортного корабля «Союз-11» — летчики-космонавты Добровольский, Волков, Пацаев внесли огромный вклад в дело развития орбитальных пилотируемых полетов. Подвиг мужественных летчиков-космонавтов Георгия Тимофеевича Добровольского, Владислава Николаевича Волкова, Виктора Ивановича Пацаева навсегда останется в памяти советского народа.

◀ Кубанская степь сегодня...
Фото А. Жигайлова. ТАСС.

Президиум V Всесоюзного съезда писателей. Фото А. ГОСТЕВА.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В Большом Кремлевском дворце 29 июня открылся V Всесоюзный съезд писателей. Более пятисот делегатов, избранных на республиканских съездах и общих собраниях в областях, краях и автономных республиках, гости, деятели культуры, представители общественности заполнили зал заседаний.

10 часов утра. Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

Съезд открыл старейший советский писатель Герой Социалистического Труда Н. С. Тихонов. По предложению С. С. Наровчатова избирается президиум съезда. А. А. Сурков предлагает избрать почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС. В зале снова возникают бурные, продолжительные аплодисменты.

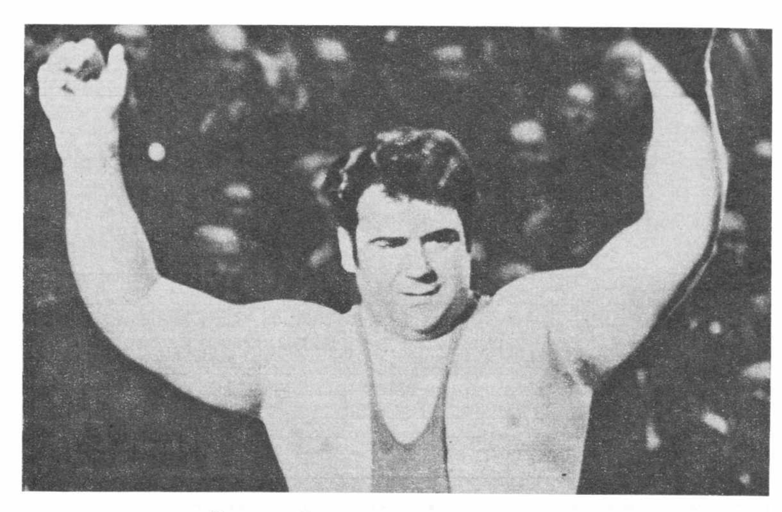
Делегаты избирают секретариат, мандатную и редакционную комиссии, утверждают повестку дня. Теплыми аплодисментами встречают сообщение, что на съезд прибыли делегации союзов писателей братских социалистических стран, писатели из многих стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Обращаясь к делегатам съезда со вступительным словом, Николай Семенович Тихонов говорит о том, что писатели пришли в этот исторический зал под неизгладимым впечатлением знаменательного события в жизни страны — XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Огромные перспективы развития Страны Советов, провозглашенные этим съездом, план новой пятилетки, новые трудовые подвиги советских людей призывают писателей быть активными участниками великих дел советского народа, всемерно способствовать своей работой, всем своим творчеством претворению в жизнь ближайших и перспективных планов коммунистического строительства.

С отчетным докладом о работе Союза писателей выступил секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

В зале заседаний.

Сильнейший атлет мира Василий Алексеев.

МОГУЧАЯ ДРУЖИНА

Виктор Куренцов, Геннадий Иванченко, Давид Ригерт, Валерий Якубовский, Василий Алексеев... Повторяешь имена пяти советских силачей и с гордостью думаешь о том, что нет сейчас страны, которая могла бы выставить такую могучую дружину. Итоги чемпионата Европы по тяжелой атлетике в Софии говорят об этом с неопровержимой силой.

В тот день, когда на помост вышел Виктор Куренцов, были заложены основы нашей большой спортивной победы. Атлет полусреднего веса в седьмой раз завоевал титул чемпиона Европы. Геннадий Иванченко, сменивший его у штанги, всего лишь второй раз стал обладателем золотой медали, но наш средневес чувствовал себя на помосте не менее уверенно.

Давид Ригерт, молодой штангист полутяжелого веса, был дебютантом европейского первенства, но и он проявил редкое мастерство и самообладание.

Так же уверенно выступил в Софии и другой дебютант чемпионата Европы, штангист первого тяжелого веса Валерий Якубовский, а рядом с ним на пьедестале почета, завоевав бронзовую медаль, встал его товарищ по команде эстонский спортсмен Карл Утсар. И наконец свое веское слово сказал Василий Алексеев. То, что он станет чемпионом Европы, было ясно, конечно, всем, но кто мог предполагать, что при этом Алексеев установит в один день пять мировых рекордов!

Алексеев поднял в жиме 225 килограммов, в толчке сперва покорил штангу весом в 231 килограмм, а затем и в 232,5 килограмма. И дважды переходил рекордный рубеж в троеборье. Отныне мировой рекорд для атлета второго тяжелого веса в сумме трех движений — 630 килограммов!

К пяти золотым медалям присоединили свои серебряные Геннадий Четин, Дито Шанидзе и Станислав Батищев.

ЗЕРНО

См. 2-ю стр. обложки

Давно ли, казалось, ушли с полей тракторы с сеялками, только-только отцвела акация и пчелы собрали майский мед, а вот уже вызрела южная хлебная степь. Заколосились нивы Туркмении, Азербайджана, Ставрополья, Кубани... И потекло зерно — теплая золотая река, пропахшая солнцем!..

В новой пятилетке это первый урожай. На XXIV съезде КПСС было сказано, что, как и прежде, одной из главных задач в сельском хозяйстве остается увеличение производства зерна. И это понятно: потребности в нем растут из года в год. Выполняя решения XXIV съезда КПСС, колхозы и совхозы должны довести производство зерна как минимум до 195 миллионов тонн. В год! Вот почему так важно в темпе и без потерь собрать первый урожай пятилетки. Кубанцы рассчитывают намолотить по 35 центнеров пшеницы с гектара. Хлеборобы Подмосковья прилагают все силы, все умение, чтобы вырастить по 24 центнера зерна с гектара. Делом отвечают хлеборобы на решения партийного съезда.

Труд на жатве — всегда праздник. Грохочет ли молотилка, жжет ли солнце или пот заливает глаза и мешает всматриваться в степь, пропахшую бензином, а все равно праздник! Сеятель был терпелив и упрям, он ждал своего часа — и дождался. В его руках, на широкой его ладони побывали за год и сырая весенняя земля, и гаечный ключ, и живительная соль удобрений, и вырванный с корнем сорняк, и вот теперь он захватил полную горсть зерна и любуется им и не может никак налюбоваться. Растут хлебные курганы на полевых станах, и бегут, бегут машины с новым урожаем к элеваторам по жарким дорогам Ставрополья и Кубани. Жатва поднимается на север. Значит, будет трудно, значит, будет праздник!

Н. БЫКОВ

СКАНДАЛ НОВЫЙ, ПОЛИТИКА СТАРАЯ

Владимир НИКОЛАЕВ

Перед всем миром еще раз приоткрылся лицемерный оскал так называемой буржуазной демократии, которую В. И. Ленин уже более полувека назад называл «узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной». Разоблачая преступления демократии доллара, Владимир Ильич упоминал и о том, как американский империализм «... в 1898 году душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их...».

И вот год 1971-й. Неожиданно приподнята завеса тайны, скрывавшая до поры до времени истоки американской агрессии во Вьетнаме, предпринятой, кстати, все под тем же предлогом «освобождения». Американские газеты опубликовали секретные документы Пентагона о политике США во Вьетнаме. Официальные власти, напуганные скандальными разоблачениями, пытаются заткнуть прессе рот, наплевав на свою же так называемую свободу слова. Но так же, как закономерен поступательный ход истории, закономерно и неизбежно и это новое разоблачение агрессивной и одновременно фарисейской сущности американского империализма.

Сегодня невольно еще раз вспоминаются и другие ситуации, при которых бурный ветер современности срывал маску лицемерия с лика монополистической Америки. Самолет-шпион «У-2» был поспешно объявлен «метеорологическим» самолетом. А вскоре весь мир узнал об истинной миссии этого ястреба. Вашингтонские лжецы снова себя высекли! Сегодня можно припомнить и агрессию на Кубе. Официальный Вашингтон поначалу поспешил откреститься от этой авантюры. И снова оскандалился... Еще более свежий факт — вторжение в Лаос и Камбоджу в целях якобы... скорейшего прекращения войны в Индокитае. Сколько сил приложено было, чтобы заглушить правду о зверствах американской военщины во Вьетнаме! А сколько в США наговорено лжи, сколько пролито крокодиловых слез в связи с израильской агрессией! И, наконец, недавно стали известны разоблачения, связанные с деятельностью радиостанции «Свободная Европа», которая, как оказалось, находится на довольствии американской разведки. Нет, недаром американский сенатор Макговерн пришел к следующему выводу: «Мы бы совершили серьезную ошибку, если бы предположили, что методы обмана в том виде, в котором они были вскрыты в этих документах, начались и закончились на джонсоновской администрации».

Да, нынешний скандал — это всего-навсего типичный пример извечной политики империализма. Как следует из уже опубликованных документов Пентагона, в феврале 1965 года Джонсон принял решение начать широкую воздушную кампанию и приступить к интенсивной эскалации войны во Вьетнаме. И всего через четыре дня после этого Джонсон и тогдашний вице-президент Хэмфри заявили: «Мы не хотим расширения войны». А чего стоит разоблачение, связанное с так называемым «инцидентом в Тонкинском заливе»! Оказывается, это была провокация, разработанная в Белом доме и Пентагоне для того, чтобы развязать руки американской военщине. Ох, как чешутся эти руки! Из уже опубликованных документов Пентагона мы узнаем о совещании в Гонолулу в июне 1964 года. В нем участвовали министр обороны Макнамара, государственный секретарь Раск, директор ЦРУ Маккоун и другие представители военных и государственных верхов США. Согласно воспроизводимым документам, «на совещании был поднят вопрос о применении ядерного оружия во Вьетнаме». Газета «Бостон глоб», сообщившая об этом факте, подчеркивает, что курс на эскалацию агрессии США в Юго-Восточной Азии, проводившийся правительством Джонсона, продолжается сейчас правительством Никсона.

Вдохновители и организаторы агрессии США в Индокитае пойманы с поличным. Перед всем миром предстали они как самые отъявленные лжецы и лицемеры. «О Вьетнаме все лгали» — так озаглавила передовую статью генуэзская газета «Лаворо». «Документы, — говорится в газете, — ярко подтверждают, насколько грязной была и остается война во Вьетнаме».

Три тысячи страниц насчитывает секретный доклад Пентагона, ставший теперь достоянием гласности. Четыре тысячи страниц официальных документов приложены к нему. Но это всего лишь одна страница из бесчисленных преступлений американского империализма. «Нет таких преступлений, на которые не шли бы империалисты, пытаясь сохранить или восстановить свое господство над народами бывших колоний или других стран, вырывающихся из тисков капиталистической эксплуатации... — сказал на XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — И главное из злодеяний современных колонизаторов, позор Америки — это продолжающаяся агрессия США против народов Вьетнама, Камбоджи, Лаоса».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДРУЖБА

В Кремле 28 июня состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Заседание вел Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Заседание начинается с рассмотрения вопроса о визите Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в Объединенную Арабскую Республику. Этот визит, предпринятый по приглашению Президента ОАР, Председателя Арабского социалистического союза Анвара Садата, внес большой вклад в развитие и укрепление дружбы, сотрудничества между обеими странами. В итоге визита был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и ОАР.

Президиум единогласно одобрил деятельность Н. В. Подгорного во время визита в ОАР.

Затем Президиум приступает к рассмотрению вопроса о ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ОАР. От имени Советского правительства по этому вопросу выступил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

От имени комиссий по иностранным делам выступил председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

Выступившие затем в прениях член Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, член Президиума Верховного Совета СССР, старший мастер Среднеуральского медеплавильного завода В. И. Большухин и другие члены Президиума Верховного Совета СССР полностью поддержали ратификацию Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ОАР.

Подводя итоги обсуждения, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный отметил, что заключение советско-египетского договора означает новый серьезный удар по планам международного империализма, который всячески пытается ослабить дружественные отношения Советского Союза, братских социалистических государств с арабскими странами, нарушить их сплоченность, разобщить прогрессивные силы. Договор содействует укреплению позиций ОАР, других арабских государств, наращиванию их возможностей в борьбе за ликвидацию последствий агрессии Израиля, за вывод его войск с оккупированных арабских территорий.

Н. В. Подгорный оглашает проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Объединенной Арабской Республикой.

Указ принимается единодушно.

Н. В. Подгорный подписывает Указ и ратификационную грамоту.

Президиум Верховного Совета СССР принял также Указ о ратификации Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

На снимке: Москва, Кремль. 28 июня 1971 года. Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Фото А. УСТИНОВА.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА» ИЗ ПАРИЖА

ТРИ

Лев КОРОЛЕВ

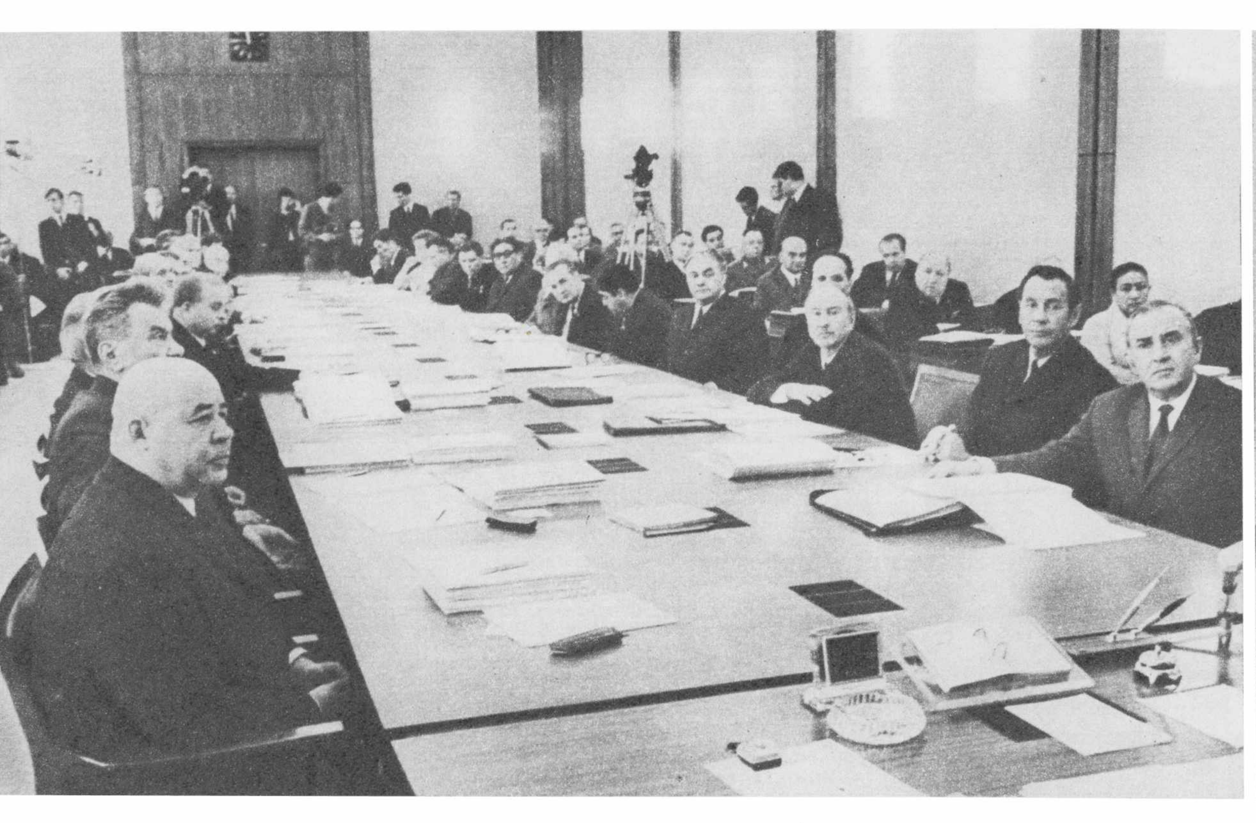
...Бурбонский дворец в Париже — резиденция Национального собрания Франции. Депутата от коммунистов (его зовут Луи Одрю) я не застал в Национальном собрании. Сразу же после заседания, на котором он от имени коммунистической группы сделал запрос в парламенте в связи с разоблачением секретных документов Пентагона, товарищ Одрю уехал в свой избирательный округ — парижский пригород Монтрэ. Я позвонил ему туда и попросил дать интервью для «Огонька». Луи Одрю охотно откликнулся на эту просьбу. Через час я сидел в кабинете депутата в мэрии Монтрэ.

— Почему наша коммунистическая группа решила обратиться с запросом в Национальном собрании? Ответ на этот вопрос совершенно ясен, — говорит товарищ Одрю. — Опубликованные секретные документы Пентагона со всей очевидностью демонстрируют, что ради достижения своих преступных целей Белый дом без малейшей доли колебания прибегает к откровенной лжи и провокациям. Запрос, который коммунисты сделали в Национальном собрании, является составной частью движения солидарности французского народа и всех миролюбивых сил земли с борющимися за свою свободу и независимость народами Индокитая. Американское правительство пытается силой оружия подавить борьбу патриотов. Надо положить конец этому. И мы решительно требуем безоговорочного и самого быстрого вывода всех американских войск с индокитайской земли.

...Авеню Клебер в Париже. Одна из двенадцати широких улиц, веером расходящихся в разные стороны от Триумфальной арки. В четвертый раз распустились каштаны на Авеню Клебер напротив большого Дома международных конференций с тех пор, как во французской столице открылось совещание по Вьетнаму. Почти 120 заседаний прошло за эти три с лишним года. Но из-за обструкции американских делегатов и их сайгонских марионеток совещание фактически находится в тупике. Об этом мне говорил представитель делегации Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Зыонг Динь Тхао:

— «Секретный доклад Макнамары» принес новые неопровержимые доказательства расширения эскалации и агрессии Соединенных Штатов против Вьетнама и всего Индокитая. Американские президенты, потратившие немало сил на создание басни о так называемой «агрессии Севера против Южного Вьетнама», в свете опубликованных документов предстали перед всем миром подобно ворам, которые кричат «Держи вора!». «Доклад Макнамары» показателен еще и в том смысле, что он продемонстрировал лишний раз, как передающие друг другу власть различные администрации в Вашингтоне идут от ошибки к ошибке, от провала к провалу в результате продолжения своей агрессивной линии. Именно эти люди несут ответственность за преступления, совершаемые в отношении народов Индокитая, за бессмысленные жертвы сотен тысяч жизней американцев и миллиардные расходы на войну в Юго-Восточной Азии.

И СОТРУДНИЧЕСТВО

ИНТЕРВЬЮ

Переступив порог Белого дома, Никсон дошел до того, что предпринял авантюристические действия, на которые его предшественники не рискнули пойти, такие, как агрессия против Камбоджи, посылка американских и марионеточных войск в Лаос. Всем этим Никсон только усугубил трудности Соединенных Штатов. Вряд ли можно сомневаться в том, что Никсону удастся уйти от ответственности за продолжение и расширение войны в Индокитае. Не сможет уйти он от ответственности и за то, что Парижское совещание по Вьетнаму уже столько времени находится в тупике.

...Шуази-ле-Руа. Небольшой городок под Парижем. Здесь находится резиденция делегации Демократической Республики Вьетнам, которая принимает участие в Парижском совещании. Один из ее руководителей, товарищ Нгуен Тхань Лё, принял меня.

— Летопись агрессивных действий Вашингтона не ограничивается фактами, которые стали известны общественности в последние дни,— заявил товарищ Нгуен Тхань Лё.— В течение тридцати последних лет различные администрации Соединенных Штатов не прекращали своего вмешательства во Вьетнаме. Сначала они помогали оружием французским колонизаторам в их войне против вьетнамского народа, а в 1951 году уже послали во Вьетнам свою большую военную миссию. Затем Соединенные Штаты всячески саботировали Женевское соглашение. Американцы посадили у власти в Южном Вьетнаме своих марионеток, которые по указке из Вашингтона делали все, чтобы не допустить объединения нашей страны в соответствии с Женевским соглашением. После 1965 года лидеры Соединенных Штатов усилили процесс массового ввода американских войск в Южный Вьетнам. Этот процесс шел параллельно с началом авиационной и морской войны США против Демократической Республики Вьетнам. Таковы факты, которые нынешний хозяин Белого дома хотел бы скрыть от общественности.

Никсон,— сказал дальше представитель делегации ДРВ,— несет лично большую ответственность за расширение агрессивной эскалации против народов Индокитая. Его администрация из кожи вон лезет, чтобы замаскировать с помощью лжи эту агрессию. Яркой иллюстрацией этого являются опубликованные секретные документы Пентагона. То, что Соединенные Штаты — агрессор, уже давно было доказано вьетнамским народом, правительством Демократической Республики Вьетнам. Оно опубликовало еще в мае 1965 года доклад, в котором говорилось о том, что Соединенные Штаты решили годом раньше распространить войну на Северный Вьетнам. Сегодня об этом пишет сама буржуазная печать, и Белый дом стремится заставить ее замолчать.

Мы знаем,— отметил далее Нгуен Тхань Лё,— как широко освещают советские газеты и журналы, радио и телевидение скандал, разыгравшийся в Соединенных Штатах в связи с опубликованием секретных документов Пентагона. Мы выражаем вашей печати искреннюю благодарность за ее огромные усилия по разоблачению в глазах мирового общественного мнения истинных истоков «грязной войны» США в Индокитае. Мы выражаем свою большую благодарность за ту великую помощь, которую советские люди повседневно оказывают вьетнамскому народу в его борьбе против агрессора, за справедливое дело свободы и независимости.

На прошлой неделе в столичном аэропорту Домодедово можно было увидеть необычное зрелище: у опушки березовой рощи выстроилась эскадрилья краснозвездных «Мигов», а рядом с ними — группа истребителей, украшенных задорным петухом на хвосте и трехцветными кольцами — символами Франции.

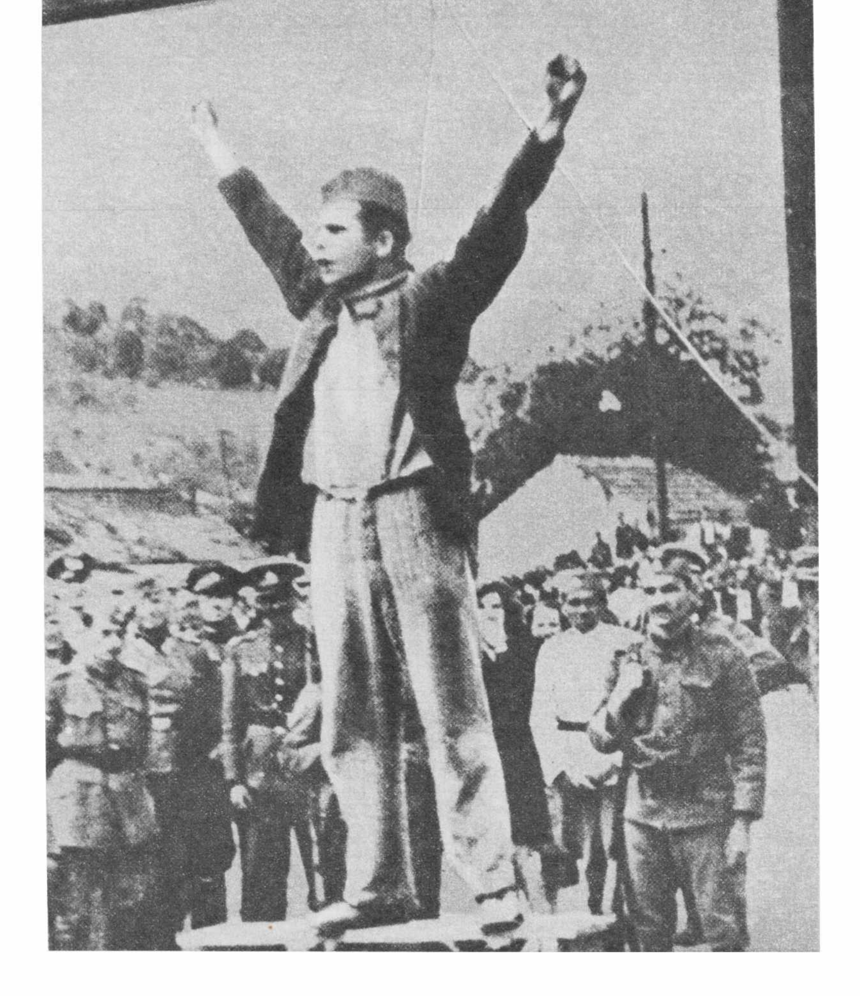
По приглашению главнокомандующего Советскими Военно-Воздушными Силами СССР, маршала авиации П. С. Кутахова в Москву с официальным визитом прибыл начальник штаба Военно-Воздушных Сил Франции армейский генерал авиации Г. Готье. С ним в гости к советским военным летчикам прибыли французские авиаторы, наследники боевых традиций прославленного полка «Нормандия — Неман».

В небе Домодедова советские и французские летчики продемонстрировали друг другу и многочисленным зрителям мастерство пилотажа и возможности современных самолетов-истребителей.

Французские гости ознакомились с Москвой, возложили венок на могилу Неизвестного солдата.

На снимке: командир французской эскадрильи майор Жерар Арнодек и мастер пилотажа на истребителе «Мираж» капитан Жильбер Паньо.

Фото Г. МАКАРОВА.

ДЕНЬ БОРЦА

Эта фотография известна в Югославии каждому. Партизанский командир Стеван Филипович, перед казнью обратившийся к народу с призывом продолжать борьбу против фашистских захватчиков, стал символом непокоренной, сражающейся Югославии.

30 лет минуло с тех пор, как в стране вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание. Начало Отечественной войны советского народа в июне 1941 года послужило как бы сигналом для югославских трудящихся, преисполнило их верой в победу над врагом.

Организатором и руководителем вооруженного восстания была Коммунистическая партия Югославии во главе с Иосипом Броз Тито. 4 июля 1941 года на заседании Политбюро ЦК КПЮ был разработан план партизанских операций.

Вспыхнув в Сербии, пламя восстания тогда же, в июле 1941 года, разгорелось в Черногории, Словении, Боснии и Герцеговине, Хорватии, затем в Македонии. «Рабочие, крестьяне, горожане, молодежь Югославии! В бой! В бой против фашистских оккупантов...— призывал Центральный Комитет КПЮ.— В бой, потому что это наш долг перед советским народом, который борется и за нашу свободу». Югославские патриоты уходили в леса и горы. Партизаны стали грозой для врага. В первых шеренгах бойцов против фашизма шли коммунисты. Коммунистом был и Стеван Филипович, не дрогнувший перед казнью. Таких героев, как Филипович, были тысячи, десятки тысяч.

С первых дней Великой Отечественной войны Советского Союза и вооруженного восстания в Югославии народы обеих стран стали братьями по оружию.

К концу 1941 года в партизанских отрядах насчитывалось уже около 80 тысяч вооруженных бойцов. Было сформировано первое регулярное воинское соединение — Пролетарская бригада — и тем самым положено начало созданию Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). «Югославия уже становится малопохожей на оккупированную страну,— писала «Правда» 23 марта 1942 года.— Она все больше превращается в страну, ведущую борьбу с противником».

Борьба народов Югославии за национальное освобождение была одновременно борьбой и за освобождение социальное. В освобожденных районах создавались органы новой, народной власти. В ноябре 1942 года был образован общеюгославский политический орган— Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). А спустя год, 29 ноября 1943 года, АВНОЮ стало временным представительным, законодательным и исполнительным органом Югославии. Был учрежден Национальный комитет освобождения Югославии — первое народное правительство страны, которое возглавил маршал Тито. АВНОЮ декретом лишило эмигрантское правительство всех прав. И как ни стремились англо-американские покровители, особенно Черчилль, сохранить югославский трон, королю Петру пришлось пополнить число безработных монархов.

20 октября 1944 года Москва салютовала доблестным советским и югославским воинам, которые совместно освободили от фашистских оккупантов столицу Югославии Белград. В мае 1945 года югославские народы вместе со всем свободолюбивым человечеством праздновали победу над фашизмом. К концу войны Народно-освободительная армия насчитывала 800 тысяч солдат и офицеров. Югославия внесла большой вклад в дело разгрома фашизма.

Трудящиеся, руководимые коммунистической партией (ныне Союз коммунистов Югославии), вступили на путь социалистического строительства. За минувшую четверть века они изменили облик своей родины. Стерлись черты, характерные для старой, отсталой Югославии, забывается тяжелое прошлое. Но никогда не сотрутся в памяти народной суровые годы борьбы с фашизмом, подвиги героев.

В эти годы в боях против общего врага была скреплена кровью советско-югославская дружба. Выступая на торжественно-траурной церемонии перезахоронения останков советских воинов, павших в боях за освобождение Сербии, Л. И. Брежнев говорил: «Здесь, у братских могил советских и югославских героев-воинов, в нашей памяти вновь оживают яркие страницы истории боевой дружбы советского и югославского народов. Плечом к плечу с советскими воинами против озверевших гитлеровских фашистов сражались и наши югославские братья. Своей беззаветной храбростью и мужеством они снискали всеобщее уважение.

Наши народы боролись под одним священным знаменем. Нас вдохновляли идеи освобождения родной земли, спасения человечества от фашизма, великие идеи социализма».

4 июля — день, когда Югославская компартия приняла решение начать антифашистское восстание, стал всенародным праздником в Югославии — Днем борца. Тридцатая годовщина восстания ныне широко отмечается по всей Югославии.

В День борца советские люди с глубоким уважением вспоминают югославских героев, павших в борьбе за общее дело, шлют наилучшие пожелания своим югославским друзьям и выражают уверенность, что советско-югославская дружба будет развиваться и крепнуть во имя мира и социализма.

Г. М. СЛАВИН,
кандидат исторических наук

ПОЛКОВОДЕЦ И УЧЕНЫЙ

Павел Алексеевич Ротмистров всю войну командовал крупными танковыми соединениями, танковой армией. Редкое сочетание высокой образованности с огромным опытом ведения боя, широкая эрудиция позволили ему в годы войны внести много нового в военную науку. На фронт, в танковые соединения, которыми командовал Ротмистров, то и дело приезжали инженеры и ученые, чтобы при его участии внести необходимые коррективы в конструкции машин и их вооружение. Все знали, что Павел Алексеевич всегда поможет найти верное решение, отвечающее требованиям тактики, которую он еще в мирное время читал в военной академии, и требованиям техники. Война — первый судья оружия. Кировский завод, например, направил к Ротмистрову вместе с танками тех, кто их строил, монтировал, обкатывал. Это помогло внести затем важные изменения в конструкцию боевых машин.

Вместе с другими военачальниками, боевая деятельность которых стала частицей военной истории нашего Отечества, Павел Алексеевич немало потрудился для воспитания в танкистах высоких боевых качеств. Бесстрашие стало нормой их поведения в бою. Под Москвой, в районе Калинина, на Брянском фронте и под Сталинградом, в донских степях и на Курской дуге, под Харьковом и во время форсирования Днепра, при освобождении Минска... Всех фронтов, где со своими питомцами сражался генерал П. А. Ротмистров, не перечесть. И не раз действия танкистов под его командованием оказывали решающее влияние на исход крупных сражений.

И вот ныне Главному маршалу бронетанковых войск, Герою Советского Союза, профессору, доктору военных наук Павлу Алексеевичу Ротмистрову исполняется 70 лет. За заслуги перед Советской Армией и в связи с семидесятилетием он награжден орденом Октябрьской Революции. Юбилей застает его в строю. Спрашиваю Павла Алексеевича, какой из фронтовых дней считает он для себя самым знаменательным.

— Самым знаменательным был для меня тот день войны, когда Ставка приняла решение о создании танковых армий. Эту идею я вынашивал много лет. И вот наконец наступил момент, когда можно было сказать самому себе: «Твой труд не пропал даром!» Теория применения больших танковых масс получила полное признание. Одной из вновь созданных танковых армий — 5-й гвардейской — поручили командовать мне. Гвардейское звание нам присвоили авансом. Боевое же крещение получили мы на Курской дуге, под Прохоровкой, где, как известно, с той и другой стороны вступили во встречный бой примерно 1 200 танков. Результат прохоровского сражения ныне всем известен. Прохоровка прочно вошла на страницы военных учебников. Причем не только в наши учебники, но и в те, что изданы за рубежом.

— Можно ли считать, Павел Алексеевич, что ваша теория получила подтверждение под Прохоровкой?

— Да, конечно... Но громадные масштабы сражения превзошли все наши теоретические расчеты.

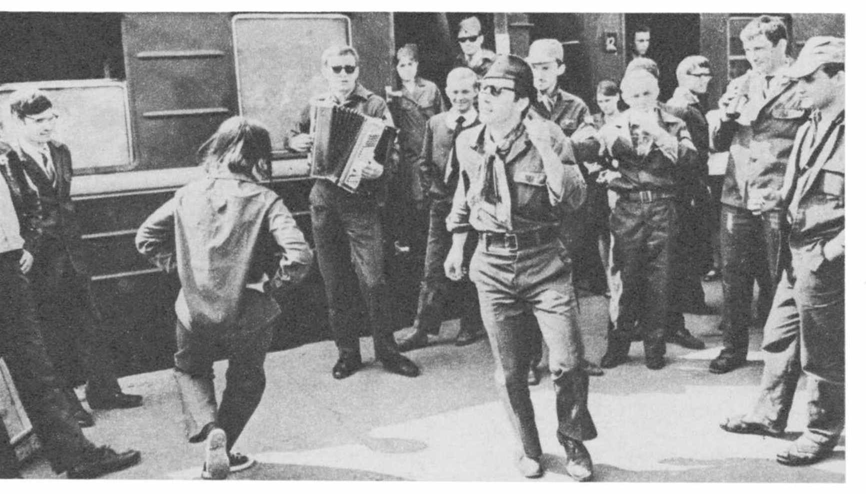
Слушая прославленного военачальника, я старался вспомнить, каким был Павел Алексеевич зимой сорок первого года, когда я впервые встретился с ним. Было это в дымящейся от пожаров подмосковной деревеньке, только что отбитой у врага танковой бригадой Ротмистрова. Я как бы снова вижу его — сорокалетнего полковника. Он сидит в красном углу полуразрушенной крестьянской избы. В очках в тонкой железной оправе он более похож на учителя или на врача, чем на кадрового военного. Но его разгоряченное боем лицо пышет радостью только что одержанной победы. И, может, эта радость делает его разговорчивым. Пользуясь короткой передышкой, полковник Ротмистров с жаром рассказывает мне — нет, скорей мечтает! — о том, как на врага обрушатся гигантские бронированные кулаки из тысяч и тысяч советских танков...

Все, что он говорил тогда, казалось мечтой, фантазией. Но жизнь, как я очень скоро убедился, превратила эту мечту в грозную реальность. На войне имя Ротмистрова означало — танки, много танков, которые вел в бой мастер вождения танковых войск.

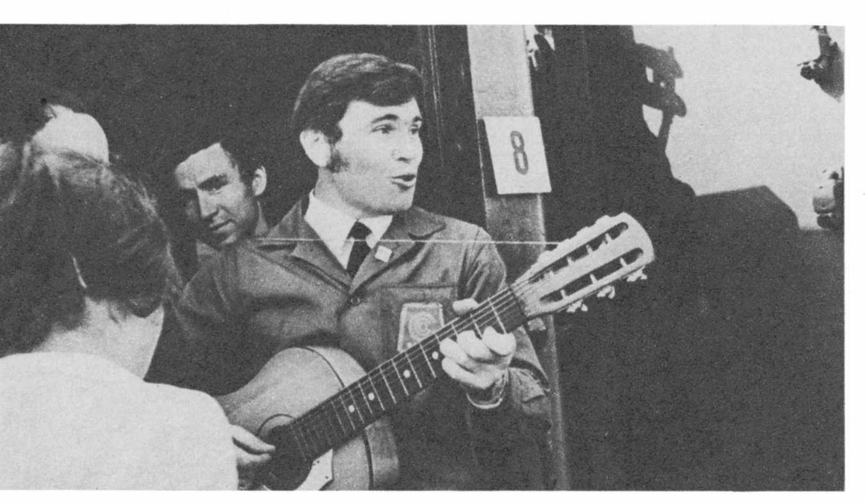
З. ХИРЕН

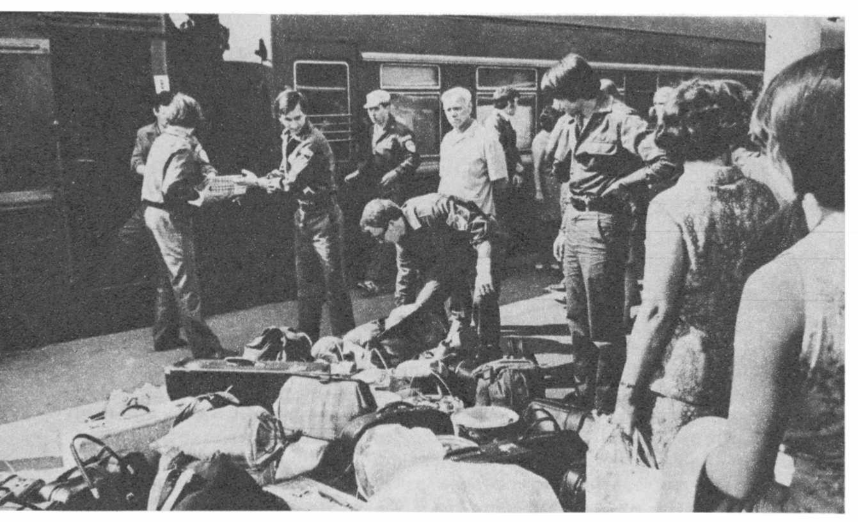
Будущие журналисты...

Физики не только лирики.

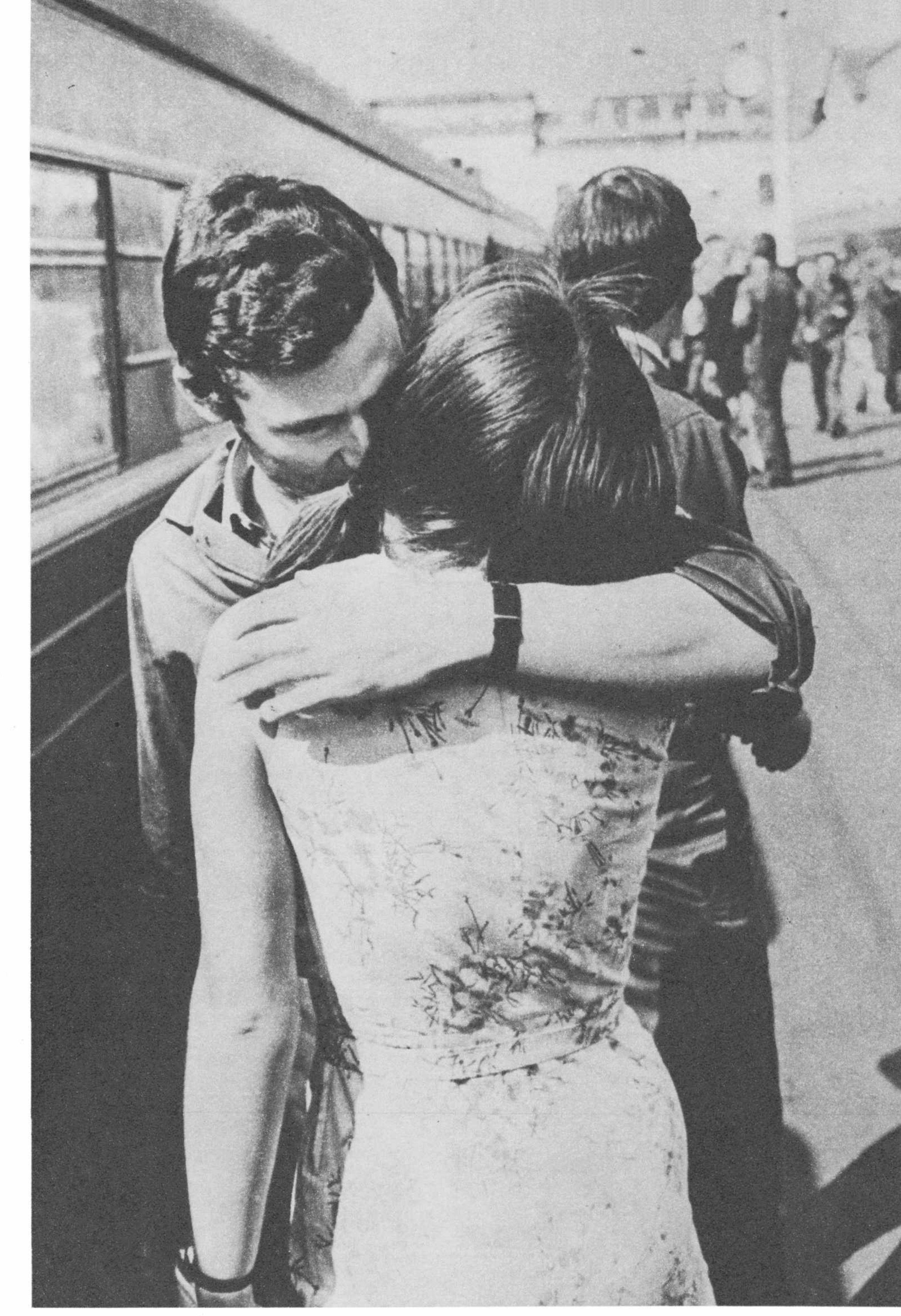
Из вагона песни не выкинешь.

У экономистов и тут «малая механизация».

До осени!

— Ну что ты, Майка!

ЮНОСТЬ ДЕРЗАЕТ

Как это бывает в конце июня каждого лета? Шумные, переполненные перроны, предотъездная суета на вокзалах и поезда, звенящие песнями... Это сама юность, готовая к свершениям, направляется в дальние края. И быстрее встают с ее помощью новые города, заводы, поселки, легче становится строителям дорог и нефтепроводов, скорее одеваются в бетон плотины...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1971 года 500 наиболее отличившихся участников студенческих строительных отрядов награждены орденами и медалями. Высокая оценка партией и правительством трудового вклада советских студентов — большой праздник для всей нашей молодежи, вдохновляет ее на новые подвиги.

И снова юноши и девушки в походе. И снова шумно на перронах... Эти снимки сделаны нашим фотокорреспондентом Д. Ухтомским в минувшее воскресенье на Казанском вокзале в Москве. В путь-дорогу отправляется один из строительных отрядов Московского университета. Называется он «Целина-71».

ГОЙЯ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

«...Мы находим у Гойи везде на первом плане, в лучших его созданиях, такие элементы, которые в наше время и, быть может, особенно для нас, русских, всего драгоценнее и нужнее в искусстве.

Эти элементы — национальность, современность и чувство реальной историчности».

В. Стасов

Кто хоть раз слышал «Арагонскую хоту» великого Глинки, тот никогда ее не забудет. В ней вся Испания! «Арагонская хота»... Как свежи ритмы и инструментовка, как страстны звучания — то меланхолически нежные, то мажорные до буйства. В мелодии «Хоты» слышится шум потоков, родившихся в теснинах Пиренеев и рвущихся в долину Эбро, голос «бочарроса» — ветра, гуляющего по просторам древней земли Арагона. И над всем этим богатством гармонии царствует лейтмотив танца и нехитрого припева: «В Малаге есть крепость, в Гренаде есть Алькасар, а в Сарагосе — Косо, на Косо — сарагосцы, в Сарагосе знамениты сами сарагосцы». В этом припеве сверкающий юмор народа Испании. Глинка сочинил «Хоту» в Мадриде в 1845 году, она родилась под стук кастаньет, под звон гитар, под цокот каблучков девушек, плясавших любимый танец. Композитор путешествовал по Испании, восторгался огневым темпераментом плясок и песен, в которых раскрывалась душа народа — честная, прямая и гордая.

Знал ли Глинка, путешествуя по земле Арагона, что сто лет тому назад именно здесь, на родине хоты, в маленьком местечке Фуэндетодос под Сарагосой, родился малыш, который впоследствии стал выразителем своего времени и самым большим художником Испании, что его звали Франциско Хосе Гойя-и-Лусиентас, или просто Гойя? Едва ли, ибо живописца основательно забыли на родине, которая получила прах художника, умершего во Франции, по существу, в изгнании, лишь в 1898 году.

Так бывает...

Но вернемся к истории. 30 марта 1746 года, под неистовый рев разбуженного весною «бочарроса», ветра, несущего жизнь и смерть Арагонии, раздался крик маленького Франциско — Франчо, как ласково звала его мать.

Кто мог подумать, что сын арагонского «батурро», простолюдина и бедняка, будет почти на равной ноге с королями и герцогами, будет дерзить инквизиции и, главное, останется самим собой в течение восьмидесяти с лишним лет, что довольно трудно в такой стране, как Испания, полной пережитков давно ушедших дней.

В 1773 году в Саламанке состоялся диспут на животрепещущую тему: «На каком языке говорят ангелы между собой и из чего сделано небо — из металла колоколов, или оно текуче, как самое легкое вино?» В этом на первый взгляд курьезном вопросе — вся Испания середины XVIII века — страна, над которой простерты черные крылья средневековья. Страна, где горят зловещие костры, где инквизиция правит умами. Вот картина аутодафе:

«Бесчеловечная банда! — пишет Хуан Мелендес Вальдес.— Как пылают лица, что за вопли! Как возбуждают они друг в друге страсть к уничтожению! И в громовом шуме взвивается, колеблясь на ветру, звенящее пламя, и к богу милосердному среди всех ужасов взывает...»

Мрак, ненависть, костры нужны власть предержащим. Так проще было грабить, насиловать народ, удел которого — нищета, невежество, тяжкий труд. Маленькая горсть аристократической элиты Испании жила в роскоши. Паразитизм и разврат царили при дворе Бурбонов. Таков самый грубый абрис эпохи, в которую суждено жить и творить Гойе.

Но по-настоящему ощутить всю «прелесть» средневекового атавизма в Испании предстоит великому художнику лишь в будущем. А пока, как гласит банальнейшая легенда, юный Франчо рисует углем на белой стене овчарни свинью. И дальше (как и полагается в банальной легенде) появляется меценат, которому понравился этот набросок, и... дальше идет все как по маслу... Четырнадцатилетний Гойя приезжает в Сарагосу и поступает в ученики.

Но тут юный Гойя несколько нарушает плавное течение своей биографии. В Сарагосе — столице Арагонии, куда он приехал обучаться высокому мастерству,— Франциско с годами успевает не только усваивать тонкие секреты искусства, но с еще большим тщанием приобщается к пению серенад, исполнению арагонской хоты и фанданго — искрометных народных танцев, и, что естественно для молодых испанцев, вспыльчивых и гордых до щепетильности, наш Франциско не раз хватается за наваху, столь необходимую во многих спорах. Все это приводит к тому, что двадцатилетнему Гойе, имевшему огромный опыт в вопросах лихих уличных побоищ (скажем для полной ясности, проходивших не без кровопусканий), приходится бежать в Мадрид, оставив без особого сожаления мастерскую Хуана Люсана Мартинеса, премудрого академиста, привившего с юных лет ученику отвращение ко всяким схоластическим канонам.

Мадрид встретил молодого арагонца милостиво. Его взял под покровительство старший товарищ по мастерской Люсана — Франциско Байе... Впоследствии Гойя женится на сестре Байе... а пока... наш герой снова бросается в омут ночных серенад, жарких и кровавых поединков. На четвертом году жизни в Мадриде Франциско подбирают ночью на улице с навахой в спине. Арагонская закваска спасла юношу — он выжил. Гойе ясно — надо бежать. Цель — Рим. Но нет денег... Франциско молод и силен. И вот он в труппе бродячей корриды. Несколько месяцев боев, и молодой тореро в Риме. Он гордо подписывает свои письма «Франциско де Лос Торос», что значит «Бычий».

Рим... Жизнь пока ничему не научила Гойю. Приехав в столицу Италии, он снова свершает там ряд «подвигов», которые совсем не к лицу скромному художнику. Невзирая на смертельный риск, он взбирается на купол собора св. Петра, ходит по ветхим карнизам гробницы Метеллы и в довершение многих безумств похищает из монастыря некую красавицу... Ему грозит суровая кара. Спасает посол Испании... И вот двадцатипятилетний Гойя снова в родной Сарагосе.

Однако напрасно было бы представлять себе молодого Франциско эдаким бретером — искателем приключений. Конечно, он молод, пылок, влюбчив, вспыльчив, но все эти «беды» лишь продукт великой избыточности темперамента Гойи. У художника огромный заряд энергии, и на первых порах он не находит ей достойного приложения. Но постепенно живописец формирует волю и характер.

Через полвека с лишним восьмидесятилетний Гойя пишет: «Мне не хватает здоровья и зрения... и только воля поддерживает меня». Эта воля и неуемная жажда к творчеству — основа жизни Гойи.

«Великая судьба — великое рабство». Эти слова Сенеки полностью подтверждаются всей жизнью живописца. Взяв в 14 лет кисть и карандаш, он семьдесят лет не выпускает их из рук. Гойя отдает всего себя без остатка одной лишь страсти — искусству. Это, конечно, не значит, что ему были недоступны иные увлечения. Напротив. Но то был лишь фон! В этом загадка колдовского успеха Гойи, который, подобно Рембрандту и Тициану, творил до поздней старости.

Гойя накануне смерти изобразил ветхого старца, бредущего на костылях, и подписал лист: «Я все еще учусь». А учителя у Франциско были, по его словам,— природа, Веласкес, Рембрандт!

Вся жизнь Гойи — «великое рабство». Его кумиром стала живопись. И в этой своей привязанности художник предельно честен. Вот девиз мастера: «Честь художника — очень деликатная вещь. Он обязан хранить ее чистоту, ведь от этого зависит все его существование. В тот день, когда хоть бы малейшее пятно ляжет на нее, исчезнет его счастье».

Гойя стал придворным художником — первым художником короля. Многие соблазны окружали его. Было очень легко разменять себя, потерять лицо. Но мастер остался верен себе. Человек из народа, он всегда помнил слова матери: «Франчо, ты луком родился — луком, не розой помрешь!» Арагонский «батурро», гордый и независимый Франциско Гойя, отлично знал истинную цену королям и вельможам. Его глаз и рука были неповторимы в верности и точности ощущения мира. Он видел как никто.

«Короли без ума от Гойи»,— писал живописец другу. И в этих словах нет ни на йоту преувеличения. Единственно, что поражает,— как добился этой королевской любви мастер. Ведь его заказные портреты поражают нас сегодня своей неприкрытой правдой. Художник разоблачал модели настолько, что их изображения стояли на грани крамолы, гротеска.

Феноменально, если не забывать эпоху, когда немилость властелина влекла за собой весьма крупные неприятности!

Глядя сегодня на галерею порфироносных дегенератов, оставленную Гойей, поражаешься чуду их создания. Как получилось, что эти почти карикатуры восторженно принимались двором и самими высокими заказчиками? В чем здесь «секрет»?

Уместно вспомнить мудрую сказку Андерсена «Новое платье короля»... Да, слишком самозабвенно были влюблены в себя господа Бурбоны. Они, конечно, не допускали мысли, что их облик и поведение граничат с фарсом. Зловещим, но фарсом. А вельможи молчали. Некому было сказать, что король-то голый! И потребовалось огненное дыхание революции, вмешательство самого народа, чтобы обнаружить меру ничтожества, подлости, лицемерия правителей Испании, цену их предательства и трусости...

Но вернемся к Гойе. Обретя после долгих скитаний спокойствие, женившись на сестре художника Байе, Франциско наконец получает почетный заказ на серию эскизов — картонов к дворцовым гобеленам.

Картоны гобеленов. Это, по существу, великолепные станковые композиции. Гойя создал их сорок, начав писать тридцатилетним в 1776 году и окончив последний картон в 1791 году. Эти работы мастера отражают полнокровный, бьющий через край темперамент талантливого живописца. Перед нами предстает некая несколько идиллическая, мажорная Испания — яркая, напоенная музыкой, танцами, празднествами. Можно часами любоваться колоритом этих композиций, очаровательными девушками и их кавалерами. Но Гойя в этих картонах далек от галантных пасторалей, которые писались до него. Испанская улица, простолюдины, махо и махи — герои его композиций. Палитра Гойи предельно свежа и ясна, как и его душа той поры, душа эпикурейца, радующегося жизни. Художник пока не проникает в суть явлений, он, подобно птице, поет песню радости и счастья.

Мудрая поговорка гласит: «Счастье бежит, а несчастье летит». Казалось, Гойя вступил в полосу непрерывных успехов. Он пишет серию великолепных портретов испанской аристократии и становится необычайно популярным. Его считают первым портретистом Мадрида. Король Карл IV в 1789 году назначает его придворным художником. Это

Ф. Гойя. РАССТРЕЛ ПОВСТАНЦЕВ В НОЧЬ НА 3 МАЯ 1808 года. Музей Прадо. Мадрид.

Ф. Гойя. ЗОНТИК.

Музей Прадо. Мадрид.

МАХА ОДЕТАЯ.

был триумф! Но грозный рок подстерегал удачника. В 1792 году Гойю поразил тяжкий недуг. Лишь через два года художник вновь возьмет кисть. Но след болезни неизгладим. Гойя оглох. Невообразимое безмолвие навек окружило живописца. И вот, стоя на пороге пятидесятилетия, мастер как бы заново пересмотрел свой путь. Безоблачное эпикурейство уступило место мудрости бывалого человека, имевшего время подумать, зачем он живет и зачем он пишет. Гойя, по словам Льва Толстого, может быть, и рад бы был не мыслить и не выражать того, что заложено ему в душу, но не мог не делать того, к чему влекут его две непреодолимые силы: внутренняя потребность и требование людей.

Вот тут-то и вступает воля и честность Гойи! Он отлично видит тяготы народа, безумную роскошь и фальшь двора. Его близкие друзья, писатели и поэты, укрепляют его на новом пути. Это нисколько не означает, что Гойя, потеряв слух, стал мизантропом. Нет, в его творчестве навсегда останутся великолепные утверждающие образы людей из народа — красивых, темпераментных, гордых. До самой глубокой старости он не устанет воспевать обаяние и чары испанских женщин. Он, подобно Тициану, Рубенсу, Генсборо, создает собирательный образ испанской красавицы, которая останется в веках.

Новый Гойя создаст серию офортов «Капричос», в которой покажет другую Испанию. Испанию пыток и аутодафе, власти инквизиции и тупых вельмож. Страну мракобесия и пороков.

«Капричос» войдут в историю мировой культуры как величайший разоблачительный документ, созданный в годы тяжелой реакции. Этот гигантский труд — 72 офорта — был не только феноменален по объему, он был опасен, ибо обличал могущественные силы, правившие страной. Однако Гойя совершил этот подвиг!

Накануне нового, XIX века, в 1799 году, Гойя получил звание «первого живописца короля». Он исполняет дополнительно еще 8 листов «Капричос», но под угрозой преследования инквизицией отдает всю серию из 80 эстампов королю.

Начался новый век. Победоносные армии Наполеона, завоевав Европу, вторглись в пределы Испании. На престол взошел брат Бонапарта — Жозеф.

Народ Испании в отличие от раболепствующей аристократии не принял новую власть. 2 мая 1808 года в Мадриде разыгрались события, которые послужили прологом к народной войне с захватчиками.

Мадрид... Ночь на 3 мая 1808 года. Город спит. Черное небо душным пологом прикрыло столицу. Зыбкая тишина. Где-то грянул выстрел, хлопнула ставня... Пропела гитара... Рассыпался смех. И снова тихо. Процокали копыта патруля. Громыхают тяжелые палаши. В лунном свете сверкают высокие кивера с длинными конскими хвостами. Драгуны Мюрата.

— Ваши документы! Пропуск!

Плотный мужчина с массивной головой льва не спеша показывает патрулю бумагу.

— «Пинтор де камара»,— по складам читает молодой драгун.

— «Первый живописец короля»,— переводит другой. Его хвостатый кивер развевается на свежем ветру.

— Прошу, сеньор Гойя,— вежливо возвращает пропуск всадник, и через минуту только топот коней напоминает о ночной встрече.

Гойя снял высокую шляпу-боливар и вытер фуляром лоб. Хлопнул по спине оробевшего слугу:

— Пойдем, время уходит.

Мадрид спит. Древние храмы с высокими шпилями, остроградые дома под светом луны напоминают старинный корабль-каравеллу, плывущий по черному небу.

Навстречу Гойе спешил священник и с ним мальчик-служка со святыми дарами. Кто-то, видно, умер.

— Им хватает сегодня работы,— пробурчал художник. Неспешно вынул фуляр, расстелил на тротуаре и преклонил колени, как требовала церковь.

— Дурная примета,— прошептал слуга.

Площадь Монклоа... Вот куда спешил Гойя.

Громовым эхом раскатился первый залп на пустыре площади Монклоа. Его гул услышала Испания, Франция... Европа.

Шестьсот испанских жизней окончили свой путь у лысого холма Принсип Пио черной ночью на 3 мая 1808 года. Но они будут отмщены!

Герилья... Партизанская война народа Испании. Это она перемолола хваленые когорты маршалов Наполеона. И когда через пять лет интервенты покидали страну, в топоте бегущих эскадронов был отзвук майских залпов в Мадриде.

Гойя был глух. Но сердце великого мастера ощутило масштаб трагедии, и он создает холст, непревзойденный по напряженности и драматизму. «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 г.». Эта картина — вершина творчества Гойи.

Рубеж жизни. Последняя тайна. Мера всему. Как поведет себя смертный человек, сотканный из слабой плоти? Как встретит этот час?

Черное небо траурным саваном окутало место трагедии. В призрачном свете луны частоколом вонзились ввысь острые шпили башен домов, окружающих пустырь. У пологого холма группа людей, освещенных трепетным светом фонаря. Напротив них — немая, спаянная приказом шеренга солдат. Ружья вскинуты. Сейчас грянет залп. Напряжены ссутулившиеся спины. Лиц не видно. Черные тени солдат уродливо бродят по жесткой земле.

Земля Мадрида. Земля Испании. Как горестно приник к тебе твой сын, широко раскинув руки! Не сыновняя радость, а смертная тоска застыла в последней судороге, на омраченном болью лице. Он мертв. Как будут через миг мертвы его товарищи, поставленные на колени у лысого холма на пустыре Монклоа.

Земля Испании. Как не любить тебя сыну Арагонии — Франсиско Гойе — «батурро». Он исходил ее, эту непокорную, жестную, суровую землю, и он-то знает, какого пота и мозолей стоит заставить ее родить пшеницу или виноград.

В эту ночь кровью крестьян, ремесленников, простых людей была обильно полита родная земля. Но их святая кровь даст свои всходы. Пусть шестьсот братьев никогда не увидят восхода солнца. Их удел — вечная ночь. Но они верят в утро Испании... И об этом яростно кричит в лицо врагу непокоренный, молодой парень в белой рубахе. Кажется, он вобрал в себя весь свет этой страшной ночи и сам стал факелом накаленного добела народного гнева. Глубоко вобрав в себя последний глоток воздуха, он бросает в лицо ненавистным захватчикам слова правды. Эти слова страшнее пуль.

Бьют барабаны. Лязгает металл. Воет ночной пронзительный ветер. Он доносит стоны раненых, вопли отчаяния, крики живых. Кошмар этой ночи.

Гойю окружало безмолвие. Но тем сильнее звучат его картины. Порою кажется, что слышишь шепот молитвы монаха, призывающего кару на голову врага; до нашего слуха долетают звуки гортанного проклятия у стоящего рядом с монахом усатого крестьянина, бросающего свое презрение навстречу огню... Вздохи, скрежет зубовный, рыдания...

Можно часами рассказывать о той бездне переживаний, сложнейших психологических состояний, которые заключены в картине Гойи.

Всмотритесь в детали. Руки. Руки казнимых или ожидающих казни. Как ласково ощупывает землю смертельно раненный, как мощно и сдержанно взывают к богу руки монаха. Как до крови сжаты кулаки проклинающих. В каком безотчетном ужасе прильнули ладони, закрывая лица перед неизбежным. Как закушены до боли пальцы. Как вяло опущены руки у слабых и как, наконец, победно взметнулись, широко распахнулись у молодого испанца...

Гойя достиг в своей картине небывалой до него экспрессии, он довел контрасты характеров и положений до накала истинной исторической правды, до подлинной жизненности. Не бескрылая формула натурализма «как в жизни», дающая простор серости, а проникновение в самую суть явления, в глубину жизненных процессов.

«Гойя должен был писать эти картины,— говорил де Амичис о картинах восстания 1808 года и расстреле,— с яростью одержимого. Это последняя точка, которой может достигнуть живопись, прежде чем превратиться в действие; пройдя эту точку, отбрасывают кисть и хватают кинжал; нужно совершить убийство, чтобы сделать нечто более потрясающее, чем эти картины; после таких красок следует кровь...»

Франсиско Гойя. Простой овал лица. Приплюснутый нос. Под набухшими веками черные глаза. Толстые губы... Вглядитесь пристальней в «Автопортрет», написанный в 1815 году.

...Легкие тени бегут по высокому буграстому лбу. Тяжелый, острый взгляд приковывает. Вы вдруг замечаете глубокие борозды морщин в углах чуть брезгливого рта, видите мощный подбородок, говорящий об огромной воле... Словом, перед вами встает образ художника-философа, испытавшего все, что может дать и не дать судьба. Повидавшего близко, и не раз, смерть. Гордо смотревшего в глаза королям и вельможам. Рано узнавшего цену жизни, верности друзей и жарких объятий. Это он сказал: «Мир — это маскарад: лицо, одежда, голос — все подделка». Но это не значит, что он ни во что не верил.

«О народ! Если бы ты знал, что ты можешь!» В этом восклицании скрыта беспредельная вера и любовь. Гойя был плоть от плоти испанского народа, сын своего времени, времени бесконечно сложного. И он отразил его в творениях, жестоких и нежных, где борются свет и мрак. Вчера и Завтра Человека...

Гойя создал за свою долгую жизнь 700 картин, 500 рисунков, 250 офортов, в которых вечно живут революции, войны, дегенеративные и жестокие короли, лживые и жадные аристократы, зловещие молодящиеся старухи, храбрые тореро и прелестные махи, все самое героическое и честное и все ничтожное и фальшивое в человеке. Гойя почти половину творческой жизни был глух, но всмотритесь в его работы... и вы услышите перезвон гитарных струн и вздохи влюбленных, до вашего слуха донесется ритмичный перестук каблуков танцующих хоту, вас увлекут веселые и задорные песни народных празднеств. Вы содрогнетесь от рева коррид, вам станет жутко от скрипа гарроты и стонов удушаемых.

Художник бросит вас в бездну своих «капричос», и вы познаете блаженство ночного полета и ужас тайных кошмаров, теснящих душу.

Замечательный французский художник Эжен Делакруа, посетив Испанию, писал: «Весь Гойя трепетал вокруг меня». Настолько великий испанский живописец художественно и энциклопедично отразил жизнь своей страны, своего народа. Ярко, гениально... И это, однако, не помешало королю Испании Фердинанду, только что взошедшему на престол, заявить Гойе: «Вы достойны петли!» Это был конец 1823 года. И вот художник на пороге восьмидесятилетия, в 1824 году, испрашивает разрешение уехать «лечиться» во Францию. Его милостиво отпустили.

Два года старый, глухой мастер прожил в Бордо и Париже. Но настал день, и Гойя затосковал. Вот что пишет один из его друзей: «Гойе засело в голову, что у него много дел в Мадриде. Если бы мы его отпустили, то он сел бы на мула и пустился бы в путь один, в своей охотничьей шапке, со своим мехом для вина и своими деревянными стременами».

Судьбе было угодно, чтобы Франсиско Гойя увидел вновь родину. Неуютно, жутко показалось ему в Мадриде. Несмотря на внешние почести и громкую хвалу, он покидает вскоре Испанию. Теперь навсегда...

Гойя умер в Бордо 16 апреля 1828 года. Его хоронил весь город. Лишь через семьдесят лет его прах накануне XX века торжественно перевезут в Мадрид.

...И снова звучит «Арагонская хота». И снова волшебник Глинка переносит нас в Испанию, на родину Гойи, и снова мы слышим, как шумит «бочаррос» в оливковых рощах Арагоны, как поет пастуший рожок. Наш слух чарует чеканный ритм танца, сухой цокот кастаньет и гортанные аккорды гитар. Мы словно снова видим смуглое лицо самого Гойи — великого арагонца.

Искусство вечно. Творения Гойи продолжают жить, рождая все новые и новые ассоциации.

Канули в Лету Бурбоны и тысячи, тысячи других сановных и сиятельных лиц. Уйдут в небытие и иные правители Испании. Останется народ, его гений, труд, творчество. Останется искусство Гойи, образы, созданные им, останется правда времени, показанная художником в гениальных «Капричос» и «Ужасах войны», в неподражаемых портретах, в «Махах», «Водоноске», в «Расстреле».

Каждый офорт, каждый холст, каждый рисунок Гойи — окно в жестокое время, в котором он творил, любил, ненавидел. Шедевры мастера говорят сегодня больше, чем сотни томов писаной истории. Говорят остро, непримиримо, честно. Такова неумирающая сила пластических открытий, созданных художником. Такова их вечная, неугасающая жизнь.

Гойя жив!

П О

Антонина КОПТЯЕВА

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Был уже конец марта, а в степях белым-бело. Солнце не спешило начинать генеральную уборку: зима сидела на сугробах, холодным дыханием гнала прочь перелетную птицу. Только подтаяли дороги да ледяными карнизами обросли края крыш южной стороны. Среди дня начиналась капель, звонко всхлипывала в лужицах, будто плакали сосульки: то ли зиму жалели, то ли устали ждать весну, когда можно литься, гулькая, по дорожным колеям, по оврагам и береговым откосам и дальше, набирая силу, круша и ломая лед на реках.

Но вечерняя смугло-розовая заря еще не успевала заиграть в сизом небе, а уже хрупали по станице подмерзавшие тропки-дорожки, и новые ряды стеклянных свечей сухо блестели под крышами. До завтра. До нового полудня.

— Да где весна-то запропастилась? Об эту пору сроду столько снегу не лежало,— ворчала маманя Домна Лукьяновна, отворачивая ножом тяжелые желтые скибки от спелой тыквы.— Под пасху-то на буграх зелень уж пробиватся и на улке завсегда теплынь. Неделя до Христова воскресенья осталась, может, ишо оттепелит. Ранняя пасха-то ноне, а все одно быть бы уж и грачам и скворушкам...— Выскребая на тарелку крупные семечки, Домна Лукьяновна нахмурила в раздумье реденькие брови, выпяченные губы сморщились в оборочку, придав лицу брюзгливое, старушечье выражение: — Год от году жизня тяжельше: и спокою душе нету, и радости в курене нету, и весь белый свет мраком оборачиватся. То дождик на введенье ломат леденье, то средь зимы буран стекла выдавливат. Вот семечки!.. Бывалоча, обсыпят стол ребятишки, кажный ручонку тянет. Смеху-то! Крику-то! А теперь? Кому? Внуков, и тех Аглаида, подлячка, на хутор увезла!

«Вместе обеим тесно казалось, теперь скука одолевает,— подумала Фрося, протирая глубокие узоры деревянной формы-пасочницы.— А вот еще мы с Нестором уйдем... Сразу после пасхи отделимся».

Ей представилось, как они с Нестором будут жить в своем маленьком доме на краю станицы. Сначала поставят кухнешку под тростниковой крышей, а к зиме войдут в теплое жилье. Здесь строятся не так, как в Нахаловке: съездит Нестор в Соль-Илецк, наймет плотников...

«Будем с Харитиной варить им борщ или кулеш, помогать Нестору в поле да на покосе. А в августе, в самую страду, родится у нас маленький.— Фрося посмотрела на Харитину, молчком отбиравшую изюм для творожной пасхи и куличей.— Вот и в богатом курене, как говорит маманя, а радости, правда, нету. Тихая стала Харитина, бледная и похудела, ладони на свету просвечивают. У нас с Нестором ей, конечно, веселей будет, чем дома. Отправимся летом в степь... Кругом тюльпаны — нарядный ковер раскинутый. Каждый цветок, словно камень-самоцвет, на солнышке горит. В небе жаворонки заливаются, а у Нестора в руках мальчик беленький, кудрявый, на него похожий, к цветам тянется, хохочет...»

— Фрось! Ты о чем? — тихонько окликнула Харитина.

— Что? — Фрося встрепенулась, поставив чистую пасочницу на стол, подсела к золовке.

— Стоишь и лыбишься, будто не ящик для сыра держишь, а подарок дорогой.

— Думала...

— О нем? — Харитина взглянула на живот невестки, совсем еще неприметный под кофтой навыпуск.

— Да, и о Несторе тоже.

Фрося подтянула завязки нарядного фартука, сегодня приоделась: ждали Нестора из Соль-Илецка, до которого он ехал на поезде, возвращаясь из Оренбурга.

То, что Нестор был на съезде Советов, тоже наполняло Фросю ощущением праздничной торжественности: она гордилась им. Зато папаня Григорий Прохорович ходил все эти дни туча тучей, должно быть, боялся, как бы Нестора не переманили на свою сторону большевики.

Думая об этом, Фрося сразу представила себе большущий зал, осененный красными знаменами, а на трибуне Александра Коростелева, каждое слово которого понятно и нужно слушателям, или Цвиллинга с его речами, то грозными, то веселыми, с шуточками, от которых враги так и корчатся.

Нестор не враг, ему обязательно понравится Александр Алексеевич, и Цвиллинг найдет дорожку к его сердцу.

«Папанька и Харитон тоже, наверно, в делегаты съезда выбраны. Может, встретились с Нестором по-доброму. Может, помирились. Теперь все равно помирятся. Как хорошо-то, господи!»

Фрося тоже взялась перебирать изюм, изредка замирала, прислушиваясь к шевелению своего первенца, с сестринской нежностью поправляла платок, съезжавший с плеч Харитины. Чем развеселить ее? Как развеять печаль, изглодавшую жизнерадостную степнячку?

Женщины приготовили обед к приезду Нестора, настряпали печенья, но в предпраздничной суете упустили встретить его у ворот. Только заслышав топот лошади и мужские голоса во дворе, все дружно вскрикнули и бросились к дверям.

— Вот ведь грех какой! — говорила, запыхавшись, Домна Лукьяновна.

— Ладно, не с походу возвернулся! — сурово осадил ее Григорий Прохорович, сам принимая поводья лошади и крепко оглаживая широкой, грубой ладонью потный ее бок.— Ишь как торопился к дому, чуток коня не запалил. Кабы ты этак гонял по делам войскового круга...

Нестор молча принял беззлобный пока укор, ожидая серьезного разговора после встречи отца с Тихоном Семеновичем, с чувством неизъяснимой радости прижал к груди Фросю, продлевая ощущение счастливой близости к ней, сказал заботливо:

— Что ж ты так налегке выскочила? Простудишься! — Он отвязал лежавшую в тороках позади седла дорожную суму, торопясь и торжествуя, с помощью подоспевшей Харитины вынул серебристо-белую шаль-паутинку и, широко развернув легчайший узор пухового кружева, накинул его на черненькую (без отринутого теперь молодежью волосника) головку Фроси, окутав и плечи и руки ее искусной пряжей городской мастерицы.

— А, баа! Красота кака!— изумленно вскрикнула Харитина, стряхнув путы горестной отрешенности.— Ты глянь, маманя, до чего тонка вязь против нашего-то рукоделья!

— Тоже ручна работа! — сказала маманя, разглядывая край шали с женской завистливой дотошностью.— Вот этаки-то шали и проходят в подвенечно кольцо, токо рядятся в них не для тепла, а форсу ради. Наскрозь продует в нашей степи.— Корявые пальцы зацепили невесомую шелковисто блестевшую вязь, тонкую, как паутина бабьего лета, и женщина опять свела губы в оборочку, отдувая ее.— Ты бы, отец, хоть раз потешил меня, привез бы мне этаку шаль.

— И без потехи ладно! Козы во дворе — свои, руки — свои. Можете путать чего душе угодно.— Про себя подумал с закипевшим раздражением: «Губы, ровно кисет на шнуровке, а придуриват, будто моloденька: потешил бы! Много ль я от тебя удовольствия видел? Верно говорят: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Ох, уж эти бабы — чертово семя!». И сам повел Несторова скакуна на выстойку, а домочадцы разом заспешили домой, в тепло.

— Ну, как ты там? — спросила Фрося, разбирая вместе с Нестором покупки на постели Харитины и любуясь ими.

Шаль, бережно свернутую, она положила на подушку, но то и дело брала в руки и, тихонько прижимая к щеке, сияла из-за нее черными глазами.

Отрывок из второй книги романа «На Урале-реке». Полностью роман будет печататься в журнале «Молодая гвардия».

Б Е Г

— Девчонка моя, дай я еще раз посмотрю, как она тебе идет.— Нестор снова обвил ее руками.— А ведь могли бы мы и не встретиться! Вдруг бы разминулись тогда в Форштадте и даже не узнали бы никогда ничего друг о друге.— Не оглядываясь на открытую в горницу дверь, он стал целовать запрокинутое лицо Фроси, прелестное своей смуглой красотой в белоснежном уборе.— Я тебя одну никуда не пущу, а то умыкнут сразу.

— А у меня защита растет!

Нестор притих, отстранился с задумчивой серьезностью:

— Я все время о нем думаю. Ведь это чудо, когда двое вот так связаны: и я с тобой и в тебе всегда. Я, знаешь, должен тебе сказать... Софья Кондрашова...

— Ой! — невольно вырвалось у Фроси, но это не остановило Нестора, и он уже торопливо продолжал:

— Она ко мне привязалась там, в Оренбурге. Просто бессовестно лезла.

— Где? — Фрося сразу сникла.— Неужто она на съезде была?

— Не на съезде, а у себя дома, и на улице, и в магазине.

— Зачем же ты к ней домой заходил?

— Она меня обманула. Налетела сама на улице и прикинулась, будто я ногу ей повредил. Пришлось домой ее сопровождать. И тогда она вздумала... Стала меня затаскивать в постель.

Фрося густо покраснела, неожиданно сердито рассмеялась:

— А еще благородная барышня называется! Ты ведь не остался с ней, правда?

— Конечно, не остался. Убежал, как Иосиф Прекрасный от своей мачехи, когда она так же стала соблазнять его.— Нестор заулыбался сначала смущенно, потом радостно.— Я измучился, пока ехал домой: сказать тебе — боюсь расстраивать, умолчать — вроде мы с Софьей заодно это в секрете держать будем. А я не могу ни в чем от тебя отделяться. Даже в самой малости!

— Хорошенькая малость! Чуть не переспал с другой, а говоришь малость! — Фросе захотелось плакать от охватившего ее страха, возмущения, обиды, губы ее задрожали, но в это время третий, самый близкий для нее человек, тоже заволновался и сильно, раз и два, так торкнул ее в бок, что у нее перехватило дыхание. Она замерла, широко открыв глаза.

— Чего ты? — испугался Нестор.

— Маленький... толкается!

— Тесно ему там! — Нестор наклонил голову, будто тоже прислушивался.— Ты не сердишься на меня?

— Нет! — Она посмотрела на него глазами собственника, нашедшего потерянную любимую вещь.— Ну ее, эту Софью! Не будем про нее вспоминать.

— Долго вы тут еще прохлаждаться будете? — бросил им Григорий Прохорович, словно ненароком проходя мимо двери.— Обед простынет. Айда за стол! — Он все-таки сочувствовал молодым, которые, конечно, соскучились за две недели разлуки, но его прямо распирало от нетерпения услышать из первых уст, что там происходило на съезде.

Если бы он услышал признание Нестора о не совершенном им прелюбодеянии, то вряд ли одобрил бы его: муж, полагал он, должен иметь власть в семье и отчитываться перед женой не обязан. А бегство от такой девушки, как Софья, матерый есаул принял бы за позор для уважающего себя мужчины. Отчего бы не познать прелесть свежего, молодого греха, не насладиться нежной красотой девушки, ее нетронутой, чистой плотью без всякой ответственности за дальнейшее? А жене об этом докладывать не обязательно. Не испытавший любви, Григорий Прохорович не мог понять, какую гордую радость дает одно сознание ее безраздельной цельности.

— Где отец? — Нестор придвинулся к Михаилу, снова куда-то уезжавшему на целый день, но не верхом, а на паре лошадей.— Куда он закатился? И что ты мотаешься, как атаманский гонец?!

Михаил не ответил, утирая полотенцем лицо, распаренно-багровое после недавней поездки и сытного ужина, и Нестор, уже не впервые обнаруживший в нем отчужденную скрытность, вдруг удивился тому, как он опять изменился внешне за последнее время. Поразившая Нестора летом суровая мужественность веселого прежде брата-фронтовика, внушавшая чувство доверия и желания дружить, исчезла. Будто вынули теперь из казака душу, озлобленную непосильными тяготами фронта, но сильную, и вот он сдал. Беспокойно бегающий, скользкий взгляд, кудрявый висок зачесан ухарски, а в чертах потемневшего лица, в понуро опущенных могучих плечах непомерная усталость. Даже кончики пышных усов его как бы увяли и обвисли.

— Почему ты такой чудной стал? — Нестор оглянулся на женщин, занятых каждая своим делом в просторной кухне, понизил голос: — Зачем ты вчера ускакал в Буранное?

Вместо ответа Михаил встал, небрежно накинул полушубок, взял папаху и, пригибаясь под притолокой, в которую уже не раз торкался лбом, шагнул за порог.

Нестор с тошнотным холодком в сердце потянул следом. Так, молчком, и прошли на дальний скотный баз, где волы, шумно отдуваясь, гоняли жвачку в своих крытых стойлах, заботливо утепленных соломой с глиной, где особенно пахло теплым навозом и вовремя накошенным и убранным зеленым сеном.

— Ну? — Нестор тревожно вгляделся в лицо брата.

— Что ну?— Михаил привалился широким плечом к добротно свитому плетню из колючей чилиги, потянул отставший пруток и, наколовшись, почесал зубами заскорузлый палец.— Как это раньше пороли чилигой? — задумчиво сказал он, казалось бы, опять увиливая от разговора.— Смочат ее, да так урезисто получается. Она ж еще колючая!..

— Чего ты крутишь вокруг да около? — вскипел Нестор.— Спрашиваю — молчишь... Вроде бы пригласил на разговор по секрету, и опять уклоняешься. К отцу, что ли, гонял вчера?

— Я тебя не допрашиваю, об чем ты толковал у нас на базу с этим одноглазым ревкомовцем.

— Спроси... Скажу.

— Об чем же?

— Предупредил, чтобы он уехал от греха со своими красногвардейцами. Я ведь видел, каким чертом смотрел на него каждый из наших есаулов и полковников!

— Во-во! Предупредил. А кто тебе давал право идти против своего казачьего круга?

— Стой, браток, не вместе ли мы с тобой говорили бате, что нет у нас охоты служить снова атаману Дутову, что не согласны мы идти в кабалу к чужеземцам?

— Что было, то прошло. А теперича всем командует съезд объединенных станиц при штабе фронтов.

— При каком штабе? — И только тут Нестор подумал о том, кто же сказал Михаилу о его разговоре с Персияновым.— Когда вы это успели обмозговать и устроить?

— Тогда, когда вы на съезде Советов лясы точили и ты руку там тянул по указке Цвиллинга.

— Брось болтать! — возмутился Нестор.— Я еще ни по чьей указке не действовал!

— Прижмут покрепче, так будешь действовать и по указке.

— Тебя, видно, прижали?

— Как видишь.— Михаил подавленно вздохнул, глаза его снова воровато забегали.— У меня семья... Дети малы. И сам я весь у бати в кулаке. Тут уж которых выпороли на тайном заседании съезда и молчать наказали намертво.— Михаил болезненно усмехнулся.— Вот этакой чилигой и пороли, чтоб памятно было.

— Пороли?!

— Эдак. Всыпали. И, между прочим, я тоже к этой каре руку приложил под общим принуждением. Ну, чего ты на меня воззрился? Чего уставил белые свои гляделки? Тут податься некуда: либо пори, либо сам сымай штаны да ложись! Дело таково — всем кругова порука нужна. Про Персиянова и про тебя, когда это я убежал в Буранное, передала мне утром у прорубей Дорофея Ведякина. Она доглядела. Слов, грит, не слыхала, а видеть видела скрозь плетень дружеску иху беседу.

— И Дорофея! — Нестор усмехнулся, но горло у него вдруг перехватило.

— А что ж ты думашь? Жива душа обиду помнит! А может, за своих старается, задабриват. Демиду-то мало не будет за то, что дал согласье Персиянову стать членом станичного Совету.

— Видно, вы с батей совсем уж ополоумели,— резко сказал Нестор.— Вот он объявится, и я предъявлю ему требование о выделе. Уйду от вас. Хоть на самый малый надел, но буду жить своим умом.

— Опоздал нащет выдела-то. Вы с Демидом да с Антошкой Караульниковым думаете всех умней быть. А сила такая поднялась на нашей казачьей земле! Сломит.

С лица земли сотрет.— Михаил откачнулся от плетня, взял Нестора за плечи, встряхнул грубо, нервно, скаля злобно здоровые, прокуренные махрой зубы: — Персиянова твово со всей его бандой мы седня ночью в Ветлянке порубали в капусту и под лед спустили. А хозяина, приютившего их, Федора Андреева распотрошили да на воротах повесили.

— Окаянные! — Нестор почти с отвращением вывернулся.— Теперь из-за вас разбомбят, сожгут наши станицы!

— Сожгут, ежели вразброд держаться станем. А будем, как один кулак, хрен тогда возьмет нас Советская власть!— Михаил снова положил тяжелую руку на плечо Нестора, стараясь обернуть его к себе.— Слушай, братушка, мы с тобой под одной крышей взросли. Одной матерей вскормлены... И хоть заспотыкался ты по младости, но еще не поздно стать на твердую стезю. Спотыкатся и конь, да поправлятся. Мы с батей поручились за тебя перед кругом, дескать, успеет ишо послужить казачьему войску. Мы чуем, кто тебя супротив своих наускиват! Но, раз уж дали маху, сами и расхлебывать будем. Пускай она подумат о том, что казачье дите под сердцем носит, да и о твоей голове раскинет бабьим своим умишком. Вот я тебе все и выложил, обсказал.— Михаил неожиданно улыбнулся, распрямился, заглянул в лицо Нестора подобревшими глазами.— Я уж и так и эдак прикидывал, с какого боку к тебе подступиться. Нахватался ты всякого вздору от плохих дружков, а все-таки родна кровинка. И папане тоже нелегко было. Знашь ведь: какой палец ни укуси,— все больно.

— А вам не больно было, когда вы своих русских людей, которые к нам с добром пришли, в капусту рубили?! — стряхнув с плеча руку Михаила, а вместе с нею и оцепенение охватившей его подавленности, бешено крикнул Нестор.

Вдруг представилось ему вдохновенное лицо Цвиллинга на съезде Советов, голос его, проникнутый страстной убежденностью: «Триста лет казачья нагайка гуляла по русской земле, по нашим спинам. Но теперь, когда свергнуто самодержавие, мы забыли все обиды. Мы простили вам все истязания, потому что вы не знали, что делали». Тугая петля снова захлестнула горло Нестора, и он задохнулся от горя, от отчаянной злобы на главарей казачества, которые опять оттолкнули этот призыв к мирной, дружной жизни. А чего ради? Если так надо богатым казакам, то отчего должна пострадать вся казачья громада, все средние и маломощные казаки, которые против войны с Советской властью, несмотря на клевету, обрушенную на нее приверженцами белого атамана. Не зря ведь сказал Цвиллинг: «Или идите вместе с нами, или берите винтовки и сражайтесь под флагом Дутова. Середины нету». Точно: нету середины!

Теперь и отец, и Михаил, и все, кто устроил какой-то тайный делегатский съезд при штабе фронтов, стали ярыми сообщниками атамана. Чудное дело: с одной стороны громадная российская земля, с другой... да и не с другой, а в ней, под самым сердцем ее, точно дитя в утробе матери, оренбургское казачье войско! Куда ему податься? Как отделяться? Уйти разве за дальние степи, за голодные пустыни, за горные азиатские хребты в Китай или в Турцию?

— Дураки вы, дуботолы! — сказал Нестор глухо, не глядя на брата.— Дали себя одурачить черт знает кому! Видно, опять с золотопогонниками схлестнулись, которые честь свою офицерскую давно в вине утопили да по бардакам растрясли. Хороших союзничков нашли, нечего сказать! Не надейтесь с папаней, что я ради кровного родства пойду на ваши подлости. Круговая порука вам нужна, а я плевал на нее! Я лучше свою собственную кровь пролью, чем с вашей волчьей стаей буду рвать глотки русским матросам.

— Гляди! — мрачно пригрозил Михаил, удивленный, даже потрясенный словами и всем видом Нестора.— Свою кровь ты могешь пролить не дрогнув... В это я теперь очень даже поверю: ногу ты умудрился сломать лихо. Знать, и головы не пожалешь, не говоря уж о прочих местах! Но ежели твою Ефросинью у тебя на глазах казаки распнут...

— Не смей, сволочь! — Нестор схватился за шашку, но, прежде чем Михаил успел глазом моргнуть, овладел собой, двинул ее обратно в ножны и сказал с омерзением: — Если... Если уж вы на такое способны, то лучше бы нам не рождаться вместе в этом проклятом доме!

Повернулся и пошел вдоль стойл и конюшен, скрипя воротами базов, чужой всему этому кулацкому богатству, нажитому открытым казачьим разбоем. Михаил, покусывая исколотые чилигой пальцы, провожал его угрюмым, недобрым взглядом.

* * *

— Нестор, миленький, проснись! Мне страшно.

— Что, моя хорошая? — хриплым спросонья голосом спросил Нестор, обнимая Фросю и прижимая ее к себе.— Я с тобой. Чего ты боишься?

— Ты так закричал сейчас, будто тебя убивали...

— Приснилось что-нибудь...— сказал он тихонько, боясь проговориться, хотя понимал, что надо рассказать ей все, надо немедленно вместе решать, как быть дальше.

Весь вечер он провел в лихорадочном волнении, то представляя себе страшную картину ночной трагедии в Ветлянской, то мечась в поисках выхода из тяжелого положения. Медлить и раздумывать было уже нельзя, слова Михаила о Фросе прозвучали не простой угрозой: Нестор знал, как жестоко расправлялись казаки с населением во время карательных походов.

Чтобы хоть немного собраться с мыслями, он вышел перед сном на улицу. Темная весенняя ночь после душного тепла в казачьем курене так и охватила свежей прохладой. Уже не хрупало под ногами, слышно капало с крыш. Из поймы, все еще тонувшей в снегу, тянул влажный ветер, нес запах дыма от скотных загонов, где тускло мерцали огоньки в саманушках кормельщиков, отдавал сладостным дыханием пробуждающихся тополей и осокорей. Погода, необычно для Оренбуржья холодная в конце марта, похоже, переломилась к теплу, но какой мрачной оказалась эта весна!

«А ведь как хорошо все могло бы сложиться! — думал Нестор, шагая по смутно белевшей улице, прислушиваясь к затихавшему гомону во дворах, к еле слышному журчанию первых робких ручейков, пробиравшихся где-то под снегом к береговым овражкам.— Что нужно людям для счастья? Любовь. Гордое сознание своего достоинства. Радость дружного труда в родной семье. Как славно зажили бы мы с Фросей! А теперь выход один — бежать отсюда...»

Недалеко от дороги у оврага Джеренксай, где шумела мельница и чернела на снегу густая чаща яблонь Масалинова сада, Нестора нагнал верховой. Несмотря на темноту, Нестор сразу узнал его по вольной посадке в седле, по мешковато сидевшему на нем казачьему обмундированию.

— Антоша! — окликнул он, когда тот наметом проносился мимо, далеко бросая влажную ископыть.

Антошка и сам признал непривычно праздно шагавшего приятеля, круто повернув коня, спрыгнул наземь.

— Что ж ты уезжаешь, не простясь? — укорил его Нестор, разглядев притороченные у седла дорожные сумки.

— Все, браток, отгулял я на воле. Решили меня старики заарканить. Завтра должон я предстать перед их ясными очами в станичном правлении. Разговор этот мне заране не по нутру. А тут вдруг срочная оказия: папане в Линевку деньжата потребовались. Чего-то он там ищо высмотрел — мучит его грех! Подлюбливат старый хрыч дородных молодушек да киргизских иноходцев. А дедуня Тихон Захарыч сроду рубля в чужи руки не доверял. Вот и приказал мне бежать в Линевку с тем, чтобы завтра вечером быть перед стариками, как лист перед травой.

Антона эти дни трепала лихоманка, и только раз видел его Нестор на улице, желтого, уныло опустошенного. А вот собрался с силами... Скачет.

— Ты слышал о вчерашнем? В Ветлянке? — в упор спросил Нестор.

— А чего там? — Антошка, держа в горсти поводья, провел свободной рукой под краем потника, что-то поправил, потрогал подпругу...

— Да брось ты возиться!— нервно одернул его Нестор.— Слушай...— И он в слово передал приятелю услышанное им от брата Михаила.

— Мать честная! — только и промолвил Антошка и с минуту стоял, угнув голову в плечи, точно прихлопнутый на месте тяжким известием.— Надо немедля уходить из нашей офицерской станицы. Тут сопротивляться невозможно,— сказал он приглушенным голосом.— Смотри, как хитро нас обвели эти бородаты сычи! Днем их не видно, так они в потемках орудуют! Нет, я завтра сюда не вернусь, не на дурака напали! Прямым ходом двину сейчас на Краснохолм. Благо, деньжонки с собой — пригодятся. Там много казаков, которые против войны с большевиками. Если будет отряд красных казаков, поступлю в него. А как же вы-то с Фросей?— спохватился он.

— Уедем завтра в Соль-Илецк, будто за покупками, а сами в поезд — и на Оренбург, а оттуда еще дальше. Россия большая. Авось не пропадем...— Нестор умолк, вспомнив о беременности Фроси, но, упрямо тряхнув головой, закончил: — Живут ведь другие. Миллионы людей... Мы молодые, здоровые, пригодимся где-нибудь.

— Дай вам бог! — по-стариковски истово пожелал Антошка.— А я в Краснохолм к Кучугуровым. Их большая семьища вся за Советскую власть. Во время Дутова никто из них против большевиков не выступал, а теперь подавно.

Друзья обнялись. Степной скакун, приневоленный натянутыми поводьями, тоже прислонил шелковистую морду к голове Нестора. Ощутив теплое дыхание и трепетание конских ноздрей у самого уха, Нестор с болью в сердце вспомнил своего красавца Белонога. Как он расстанется с ним? И вдруг ощутил, что жаль расставаться с формой казачьей, с джигитовками, полетами конных сотен, песнями удалыми, оружием. Ведь могли бы сохраниться казачьи части при красной гвардии!.. Воевали бы вместе против внешних врагов России. Но это все уже невозможно теперь.

Нестор в отчаянии махнул рукой:

— Не Федора Андреева повесили ночью на воротах казачьего дома в Ветлянке, а надели петлю на шею всего казачества. На этом ему и конец придет.

Когда Нестор вернулся домой, Фрося встретила его так радостно, что у него не повернулся язык омрачить ее настроение. Не мог он говорить с нею о Персиянове: боялся взволновать, навредить и ей и будущему ребенку. А если заговорить об отъезде, заволнуется сам, и она по ниточке вытянет, узнает про все остальное.

Так и не сказал ничего, отложив разговор до утра, а когда она заснула, лежал, оберегая ее легкий сон, и думал о другой своей любви — со стригунка выращенном, выученном коне. Мучился до скупой, ядовито-горькой слезы, пока не решил, что возьмет Белонога с собой, неужели не найдется нигде места для степного скакуна? На том и уснул. И вдруг почувствовал, что холодна, пуста рядом постель... Не было Фроси и в жарко натопленной с вечера кухнешке. Он выскочил на баз и увидел Белонога, ползущего, как собака, с перебитыми ногами. Кровью был залит снег, перетолченный с сенной трухой и мелким навозом. Красно, низко светилась заря. А Фрося в одной рубахе, мотая длинными косами, бежала в глубь распахнутых настежь базных дворов, а за нею тяжело топало до десятка казаков. Уже догоняли, и Нестор закричал...

«А что же я-то смотрел?» — дрожа всем телом от холодного озноба, успел подумать он и чуть не заплакал, ощутив теплоту обнимавшей и тормошащей его руки Фроси.

— Проснись! Мне страшно.

— А мне сейчас так хорошо! — Он сжал ладонями ее щеки и стал целовать в нос, в глаза, радуясь тому, что она, любимая, любила его и была еще с ним.

— Ты сегодня печальный пришел. Мне показалось — вы поссорились с Михаилом. Но ты молчал, и я не стала спрашивать. Мало ли! Иной раз, если не бередить, скорей заживет.

— Нет, такое не заживет. Мы с ним теперь в полном разладе и с папаней тоже...— Нестор повернулся на спину, закинув за голову руки и, вытянувшись во весь рост, задумался.

Фрося приподнялась на локте, тревожно глядя на него, но в ночной темноте очертания его лица на цветной наволочке подушки были неясны, расплывчаты; только помаргивали темные ресницы, и это медлительное их движение подсказало Фросе, что сейчас он сообщит ей что-то ужасное.

Ей сразу вспомнилась затаенно-подспудная возня в доме, которая началась в феврале после поездки ее с Нестором и работниками в степь за сеном: ночные наезды неизвестных конников, таинственные отлучки Григория Прохоровича, появление в курене Михаила, жившего до сих пор на особицу в хуторе, и странное его поведение. Что-то привозят, что-то увозят, и все крадучись от людей, от своих домашних.

«Неужто опять к войне готовятся?» — Сердце Фроси сжалось в кулачок и сразу будто вспухло, переместилось, затрепыхалось, гоня к горлу удушье.

Нестор почувствовал острую тревогу жены, повернулся к ней:

— Дольше оставаться в Изобильной нам нельзя. Казаки наши опять затеяли гиблое дело — восстают против Советов и всех, кто попробует мешать им, уничтожат. Сплоховали мы с Антошкой и Демидом Ведякиным, долго я приглядывался к делам, а время ушло, не успели сговориться с фронтовиками против наших живодеров. Да и станичники в Изобильной большинством к Дутову тянутся. Как же: полковники, есаулы, богатые куркули! Одним словом, пришло время бежать отсюда. Михаил опять угнал то ли в Буранное, то ли в Линевку (старики наши сейчас там заседают вроде на съезде — делами вершат). А мы утром заложим парой сани и махнем в Соль-Илецк, вроде на базар...— Нестор запнулся при воспоминании о растерзанных в Ветлянке председателе Соль-Илецкого ревкома Персиянове и его отряде, но Фросе об этом говорить не стал.— Что нужно, уложи в мои дорожные сумки. Белонога я решил с собой взять. Погрузимся в теплушку и айда.

Фрося слушала, скрадывая дыхание, боясь высказать свою радость, чтобы не задеть ею горько опечаленного, расстроенного Нестора. Наконец-то он решился! Наконец-то они уедут из этого прочного гнезда, свитого степными коршунами. Любая нужда была лучше злобы, прижившейся здесь.

— Как ты думаешь? — нетерпеливо спросил Нестор.

— Я с тобой на край света... Работы никакой не боюсь, нужда мне не в диковину, а вдруг да и так обернется, что заживем в другом месте без горя-нужды.

— И то правда! Ну, давай спать, а утром пораньше выскочим отсюда.

* *
*

— Ты разве не пойдешь со мной коров доить? — удивленно спросила на зорьке Харитина, собираясь идти на баз.

— Мы с Нестором хочем в Соль-Илецк съездить, чтобы на базар поспеть, и завтра — хоть в ночь — обратно.— Фрося покраснела, добавила, старательно подбирая слова: — Пасха ведь на днях... Святая неделя идет, а мы с работой-то и про обновы забыли.

— Ин ладно,— одобрила Харитина,— купите и мне чего-нибудь: платок попроще да платье черно. Мерку... по себе возьми. Мы с тобой ростом одинаки.

Она сунула подойник на лавку и побежала в дом за деньгами. Фрося, зная, что сейчас всполошится маманя Домна Лукьяновна, торопливо затискивала в сумки белье Нестора, свои платья, ботинки.

Руки у нее дрожали, противный холодок сквозил по спине, а лицо огнем горело. Прислушиваясь к шагам Нестора во дворе, к скрипу ворот на базах, она представляла себе, как он выводит лошадей, как бросает в кошевку сена и кошму.

«Скорей бы... Скорей! Надо было ночью, пока все спали, уложить вещички, а то Домна Лукьяновна начнет тянуть за душу — допытываться, что да к чему. Харитина, милая, и заметит, да не скажет: очень любит она Нестора, гордится им. И меня теперь жалеет и бережет лучше родной сестры. Другая озлобилась бы, оставшись молоденькой вдовой, а эта ласковей стала, но о себе думать забыла. Вот и к празднику просит «попроще да потемней». Совсем в монашку превратилась».

Фрося затянула баул, куда Нестор наказал положить и его свадебный черный костюм, и растерянно остановилась: много всего набралось! Как выносить на глазах свекрови? Вот уж верно, будто дети малые — не сообразили затемно уложиться!

Вдруг вспомнилось, как ночью, при свете фонаря, увязывал Михаил сумы в торока, как вороватo ползали вокруг седла покачивавшиеся на нетерпеливо переступавшей лошади его большие, страшные теперь Фросе руки.

«Хоть бы не принесло его, пока мы не уедем! — в смятении подумала Фрося, без радости ощущая сейчас шевеление и подталкивания своего первенца, должно быть, учуявшего ее волнения.— Начнет привязываться. Да еще сам свекор не налетел бы!» — От одной этой мысли Фрося сразу почувствовала слабость в ногах, присела на лавку.

Задетый ею подойник, звякнув ручкой, упал на пол, покатился. Фрося поймала его и бросилась надевать пальто. Сверху Нестор и на себя и на нее наденет тулупы.

Так и есть: бежит Харитина, а за ней, слышно, что-то приговаривая, поспевает Домна Лукьяновна. У Фроси похолодело в груди и пальцы на руках заледенели, перестали слушаться, будто онемели.

— Чего это вы надумали вдруг? Не поговорили вечор, не посоветовались...— еще с порога заговорила свекровь, сразу заняв со своими широкими юбками столько места в кухнешке, что заслонились при скудном свете пятилинейной лампы баул и сумы, уложенные Фросей возле двери.— Что молчали-то? Мало ли чего прикупить надо к празднику?.. Ни с того ни с сего сорвались. Уж и оделась! Чай и лба перекрестить не успела! Добрые люди поедят, чайку попьют перед дорогой. А они выбодрились ни свет ни заря.

— Ехать-то далеко ведь, маманя! — осмелев от страха, возразила Фрося.— Мы в Ветлянку заедем лошадей покормить, там и чайку напьемся, либо в Мертвецовской.

— Ближний свет — киселя хлебать! До Ветлянки-то не рукой подать, покуда дотрюхаете, живот подведет.

— Погодите вы, маманя, со своими побасками.— Харитина просунулась к Фросе вперед матери, подала деньги, завернутые в тряпицу.— Некогда мне тут...— Схватила подойник, другой рукой обняла Фросю, звонко, по-девичьи чмокнула в щеку.— Гляди там, не упади. Не таскай чего тяжелого. Пусть Нестор сам...

А Нестор тут как тут, распахнул широко дверь: вылетай на волю душа. За попреками свекрови не услышала Фрося, как подкатила кошевка, а маманя и обернуться не успела тяжелым, неповоротливым станом, Нестор уже взял баул и сумы и выскочил обратно во двор. Харитина, конечно, промолчала: раз так надо, пусть делают, как хотят. А может, у них там постели! А может, не успеют обратно да заночуют!

Маманя еще что-то говорила, потом в ее руке тоже оказались деньги, завернутые в тряпицу, и она, усевшись на лавку, взялась наказывать Фросе насчет покупок. Нестор тем временем вернулся, оболок на себя поверх шинели тулуп и, неся другой в растопыренных руках, молчком подошел к Фросе. Видно, и он очень волновался, но зато Фрося сразу приободрилась, повеселела, только деньги от свекрови приняла с чувством неловкости: вроде хитростью выманила.

Харитина вдруг вбежала, как встрепанная, у Фроси и Нестора даже лица вытянулись, побелели, но та, оставив где-то подойник, притащила из дома целый короб разной снеди: хлеба, и сала, и масла, и даже горшочек меду сунула к чаю.

— А то не вижу я в ваших сборах заботы об еде! — опять, как прежде, весело застрекотала она, довольная тем, что позаботилась о них, успев и сообразить и собрать на скорую руку дорожный харч, чтоб достало и с запасом чуть не на неделю! Может, встретят кого на дороге. Может, кто в чем выручит! Не дома за печкой. Степь-матушка широкая, и хоть оттеплело малость, но враз налетает здесь буран; не только первого апреля, но и в мае, бывало, валил снег на зеленые травы, и в степи замерзали люди.

— Спасибо, сестреночка! — сказал Нестор, оболакивая и Фросю в тулуп, чтоб не нахолодал на улице.— Спасибо за все, родная моя.

— А матери так и доброго слова нет! — обиженно вскипела Домна Лукьяновна, и сама заключила в объятия милого сына, должно быть, сердце матери вещало: неладное творится в доме, глядит опять черная беда во двор через прясло, норовит занести на крыльцо косматую лапу.

Нестор высвободился не вдруг.

— Что вы, маманя, будто я в поход собрался,— невесело пошутил он и, взяв Фросю за руку, поспешил во двор.

Едва шагнув за порог кухнешки, он услышал дружную побежку скачущих по дороге лошадей, когда так и возникают мысленно перед глазами, словно влитые в седло, фигуры конников. Ох, этот топот, отменный от утреннего топота стад и табунов, идущих на водопой, как в смутном гомоне птичьих стай на озерах, вдруг особняком прорезается гортанный клекот беркута...

Нестор еще шел спеша, еще подсаживал Фросю и садился сам, забирая вожжи, но уже увидел удивленное лицо Харитины, распахнувшей ворота и ожидающе прильнувшей к воротному столбу. Не выезда Несторовой упряжки — с Белоногом за пристяжную и рысистым мерином в корене — ожидала она сейчас, нет, смотрела на тех, что мчались к воротам по улице, темной тучей заслоняя их широкий просвет, только что слабо розовевший в синих утренних сумерках.

Нестор упрямо приподнялся, взмахнул кнутом, и упряжка рванулась навстречу конникам. Рванулась и заметалась на месте: Михаил и еще два казака — а было их до полусотни,— вытягиваясь на седлах, хлестали нагайками по мордам лошадей, заложенных Нестором.

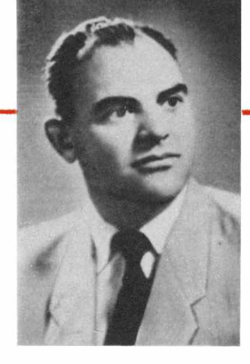
— Что вы делаете, ироды! — закричала озадаченная было, разгневанная Домна Лукьяновна.— Мишка, ты, подлец, чего своих коней по мордам лупишь? А ну глаза им выхлестнешь! Пьян, так проспись!

Был бы это сам Григорий Прохорович, и не пикнула бы она, хоть забей он скакунов до смерти, но сын — другое дело, ею рожденный, ею вскормленный. Да и не привыкла она к таким выходкам всегда степенного старшего сына.

— Пьян, так проспись сперва! — наседала она на него, выступив неожиданно проворно вперед упряжки в одной шали поверх кофты и сильной, привычной рукой хватая под уздцы коренного.

— Уйдите, маманя, и ты, Харитина, иди к себе! — Михаил поставил своего коня поперек выезда, кивнул ближнему казаку: — Запирай ворота!

Нестор, бросив вожжи, не обращая уже внимания на сутолоку у ворот, закупоренных прибежавшим — должно быть, из Буранного — головным отрядом белых казаков, молча склонился перед Фросей, потерявшей сознание.

Петря КРУЧЕНЮК

ЯСНОСТЬ

ИЗ КНИГИ ДЕСЯТИСТИШИЙ

АКАЦИЯ

Поглядите, что за оказия?
Заблудилась в степи акация!
И поет ей в кудрях седин
песни ветер — степной акын.

Мы знакомы с тобой, оказывается!
Помню: лето, бои, жара.
Но склонялась над нами акация,
милосердная, как сестра.

А теперь она словно мать
тем, кто здесь остался лежать...

МИТРИДАТ

Четыре или сорок раз подряд
мы шли на этот чертов Митридат?
И все ж я уцелел среди огня,
и моя мама дождалась меня.

Покой и счастье возвратились в дом.
Но чем же я утешу матерей,
чьи сыновья почили вечным сном,
чтоб быть счастливой матери моей?

На Митридат взбираюсь налегке...
Слеза или дождинка на щеке?..

ЛЕС МОЙ — ОЧАГ МОЙ

Думка моя — на висках седина,
думка моя, по глазам угадаю,
что неприкаянна, что голодна,
что стосковалась по отчему краю.
Край мой лесной за рекой Днестром,
думку мою он накормит, напоит.
Лес мой, очаг мой, стол мой и дом,
песнь напоет и о стольком напомнит
песней, прозрачней лесного ручья.

Лес мой, очаг мой, юность моя!

* *
*

Посулила мне кукушка на дубу
много весен — чуть не целую арбу.
А дорога вновь от дома увела.
И мечта ее погонычем была.

Ах, кукушка! Не шути над нами впредь!
От твоих посулов можно захмелеть
и поверить, что дороге нет конца,
а в кувшине есть хоть капелька винца.

Поделюсь с моей любимой — и судьбой
и годами, что обещаны тобой...

ОЖИДАНИЕ

Уж и не знаю, придет ли она?
Время ползет наподобье улитки.
Даже сирень ожиданья полна,
даже тропа от крыльца до калитки.
Боже, терпеньем меня награди,
жить научи меня трезво и здраво,
больно уж сердце бунтует в груди —
не перескочит ли слева направо?
Чьи-то я слышу в себе голоса:
«Ждал сорок лет — потерпи полчаса!»

ХУДОЖНИК

Там, где птица, там риск,
там, где скалы,— тамариск.
Подружись с тамариском,
черпай для своих страниц
нежность — в сердце материнском,
мастерство — в полете птиц.

Скалам твердость убеждений
придает природа-мать.
Для своих произведений
ей ума не занимать.

ЯСНОСТЬ

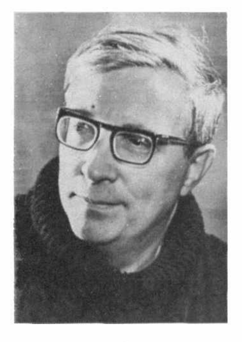
Предаемся мы порой самообману,
хоть нечасто, но случается порой —
напускаем мы словесного туману,
увлекаемся словесною игрой.
Неужели стали ясности бояться?
Неужели не на то нам жизнь дана,
чтобы цель была ясна и дело ясно,
ясен взгляд на мир, позиция ясна?
Плохо, если ты в неведеньи, в неясности,
где враги твои, откуда ждать опасности!

СЛОВО ПАРТИИ

Слово просится в песню,
но готово и в бой,
слово Красную Пресню
вело за собой
и на пламени флага
врывалось в рейхстаг.
Есть ли выше отвага?
Слава слову, коль так!
Хоть расстреливай слово —
оживет оно снова.

**Перевел с молдавского
Евгений Елисеев.**

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Лев ОШАНИН

1

Помнишь, все было странным и диким:
Нежданные ландыши и гвоздики...
До свиданья скорого
В середине города
Под весенний свет!
Это очень дорого,
Это очень здорово —
Восемнадцать лет...
Все стало запутанным и летящим,
А надо быть вместе все чаще и чаще...

2

Прогоняя тени прочь,
Бродит солнце по подушке.
Я опять не спал всю ночь:
Рисовал тебе веснушки.

3

Ласка? Конечно, судьбе назло,
С полной оглаской и без огласки.
Но нечто звонче и выше ласки
Входило в жизнь, светилось, цвело.
Волга нам душу свою открыла.
Мурманск звал нас в морскую даль.
К востоку — на Сахалин и Курилы,
К западу — в Лондон и Монреаль.
На пути за дымные горизонты
Верстам мы потеряли счет.
...По вечернему Торонто
Галка в тапочках идет...
Версты — это не блажь, не причуда...
Где же случилось оно, это чудо?

4

Завтрашний день еще непочат —
Все неизведанно и подспудно.
Два сердца разом в тебе стучат...
А тут и с одним-то справиться трудно.
Новое видится в нашей судьбе
Сквозь дождь московский и полусугробы.
Два сердца разом стучат в тебе.
Сбереги их, пожалуйста, милая, оба.

5

Взлетела шторка, ветер хлопнул дверью.
Попробуй лунный свет останови!
Все началось с молекулы доверья,
Все началось с молекулы любви.
Все началось с зеленой круговерти —
Кольцо, кольцо, еще полукольцо...
И новою ступенькою бессмертья
Явилось миру новое лицо.

6

Дождик идет, или солнце светит,
Или ветер пронизывает насквозь —
Все, что лучшего есть на свете,
Все уже, милая, родило́сь.
Не без боли, не без труда
Родилось и выросло потихоньку.
...А мы с тобой
выдали миру девчонку,
Которой не было никогда.

Б. СМИРНОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ГОРОД СМЕНИЛ ПРОФЕССИЮ

Степан Илларионович Шестопалов, депутат областного Совета, ведет прием избирателей.

Степан Илларионович Шестопалов вернулся с работы домой в плохом настроении: молча переоделся, долго и задумчиво вытирал полотенцем руки после мытья, а за столом в ожидании обеда не шуршал газетой, как всегда, а неподвижно смотрел куда-то поверх строк, на белую оконную занавеску.

— Вот что, нам надо посоветоваться,— сказал наконец глава семьи.— Руды, говорят, мало осталось, так что делать нам в Майли-Сае вроде нечего...

— Может, домой тогда поедем, в Казахстан? — оживилась жена.— Здесь, конечно, жить было хорошо, но зато там места-то родные. Я наши степи часто вспоминаю...

Степан Илларионович думал сейчас не про степи — он почему-то вдруг вспомнил лица своих товарищей по работе, которые на той неделе уезжали из города. Зашли они перед отъездом к друзьям, шутили, смеялись, а глаза у всех были какие-то виноватые. Будто прощения просили. А за что прощения просить? Десять лет вместе здесь жили, рудник поднимали, город строили. Работали, что называется, на совесть — и в передовиках не раз ходили и в президиумах бывали. Считали, что осели здесь, в киргизских горах, уже навсегда,— и вот на тебе, разъезжаются. А как же город, что своими руками, можно сказать, построили? На кого теперь все это бросать?

— Нет, неправы они! — неожиданно для себя выпалил Шестопалов и осекся, увидев изумленные глаза жены.— Это я так, ребят вспомнил, которые уехали. А нам чего ехать? Я считаю, что наш Майли-Сай и без рудника хуже жить не станет, да и мы тоже. Квартира у нас просторная, сад свой. Для меня Майли-Сай давно стал родным. И для детей... Разве хорошо школу менять, учителей, приятелей? Давай-ка не будем чемоданы доставать!

— Я и не настаиваю,— спокойно сказала жена.— За тебя только беспокоюсь. Работать-то где будешь?

— А мы уже решили: всей бригадой на «лампочку» пойдем, на электроламповый завод,— хитро улыбнулся Шестопалов.— Говорят, будто этот завод специально для горняков строят, чтобы без работы не остались.

— Вот человек! — всплеснула руками жена.— Сказал: посоветуемся,— а сам уже все решил!

Степан Илларионович и вправду все уже давно обдумал и наметил, но даже после разговора с женой где-то в глубине души осталась тревога. И его собственная жизнь и жизнь их молодого города Майли-Сая в ближайшее время должна была круто измениться. Он представлял, как это сложно, когда профессию меняет не один человек, а целый город. Ведь и вырос-то этот город вслед за рудниками: сначала появлялась шахта, а уж потом вокруг нее строился поселок. Теперь рудники закрываются, и вместо них — какая-то «лампочка»... Словно большой, мощный локомотив вдруг зашел в тупик, и его надо теперь переводить совсем на другой, новый путь. Шестопалов читал в газетах о горняцких городах в Америке, которые вымирали и разрушались после закрытия шахт. У нас такого, конечно, не допустят. Работа всегда ждет тебя. Но в зрелые годы переключаться на новую профессию сложно.

...Все это было несколько лет назад. Мы со Степаном Илларионовичем стоим там, где раньше был рудник и где когда-то работали Шестопалов и его друзья. Все тут пустынно, заросло зеленью, и бывший рудник кажется мне памятником далекой старины. Но я здесь гость, приезжий, а Степан Илларионович чувствует себя хозяином, старожилом, и эти места вызывают в нем совсем другие чувства, мысли.

— Помню, все здесь только начиналось, когда мы сюда приехали после горнопромышленной школы в Караганде. Вокруг ни одного деревца, вон как на той горе сейчас,— показал Шестопалов вдаль.— Города еще не было. Стояло несколько домиков, теснились друг к другу бараки, а вокруг ничего, даже киргизских кибитушек. Всего двадцать с лишним лет назад...

Двадцать лет для города вроде бы еще не история. Но годы в истории города еще не самое главное. Майли-Сай за свой коротенький «век» переживает вторую молодость. Она подступала к Майли-Саю еще тогда, когда почти никто здесь и не подозревал о предстоящих переменах. Но специалисты уже подсчитали: месторождения угля и руд скоро истощатся. И тогда встал вопрос о будущем Майли-Сая, который в те годы только-только был назван городом. Нет, ему не грозила печальная судьба забытых, опустошенных городов Америки. Речь шла о выборе новой профессии для майлисайцев. Очень выгодным показалось предложение построить здесь электроламповый завод: народное хозяйство нуждалось в таком предприятии, а малогабаритную его продукцию легче, чем другую, вывозить по горной дороге.

Завод был построен в очень короткий срок. Уже через два года после того, как было вынесено постановление о его создании, страна получила первые майли-сайские электролампочки, а еще два года спустя, в 1968-м, завод полностью вступил в строй, став одним из крупнейших среди подобных предприятий в Европе. Теперь и у нас, в СССР, и за рубежом известен автограф Майли-Сая: буквы МС стоят на стеклянных баллонах лампочек, освещающих наши квартиры...

— Ну, а вы сами, Степан Илларионович, довольны своей новой профессией?

Шестопалов задумался, и видно по его лицу, как ему трудно даже мысленно возвращаться к сомнениям прошедших лет.

— Помните, я говорил, что побаивался новой работы. Только все оказалось проще. Во многом нам помогли — открыли для бывших шахтеров специальные курсы по новым профессиям. Часть людей послали учиться в другие города. Ну, а я со своей бригадой почти за неделю освоил новое дело — мы пошли в шихто-керамический цех, там было что-то похожее на нашу прежнюю работу. Помню, первый месяц заработок был 98 рублей, второй — уже 115, а третий — 140. В общем, быстро на новый лад перестроились. Бывшие шахтеры большей частью

Майли-Сайский электроламповый завод. Слесарь Валерий Медянцев (слева) работает здесь недавно. Анатолий Соловьев был одним из первых, кто сменил профессию горняка на стекловара.

Планировку будущих микрорайонов обсуждают люди, стоящие «у руля» городской жизни,— первый секретарь горкома партии А. М. Малов, главный архитектор Н. Е. Прокопьева и главный инженер электролампового завода В. И. Коренев (на снимке — слева направо); на втором плане — заместитель начальника строительного управления Г. Ф. Анистратов, председатель горисполкома А. И. Власова и заместитель директора завода Б. С. Рубин.

Светится новая лампочка... На снимке — контролер ОТК Валя Усманова.

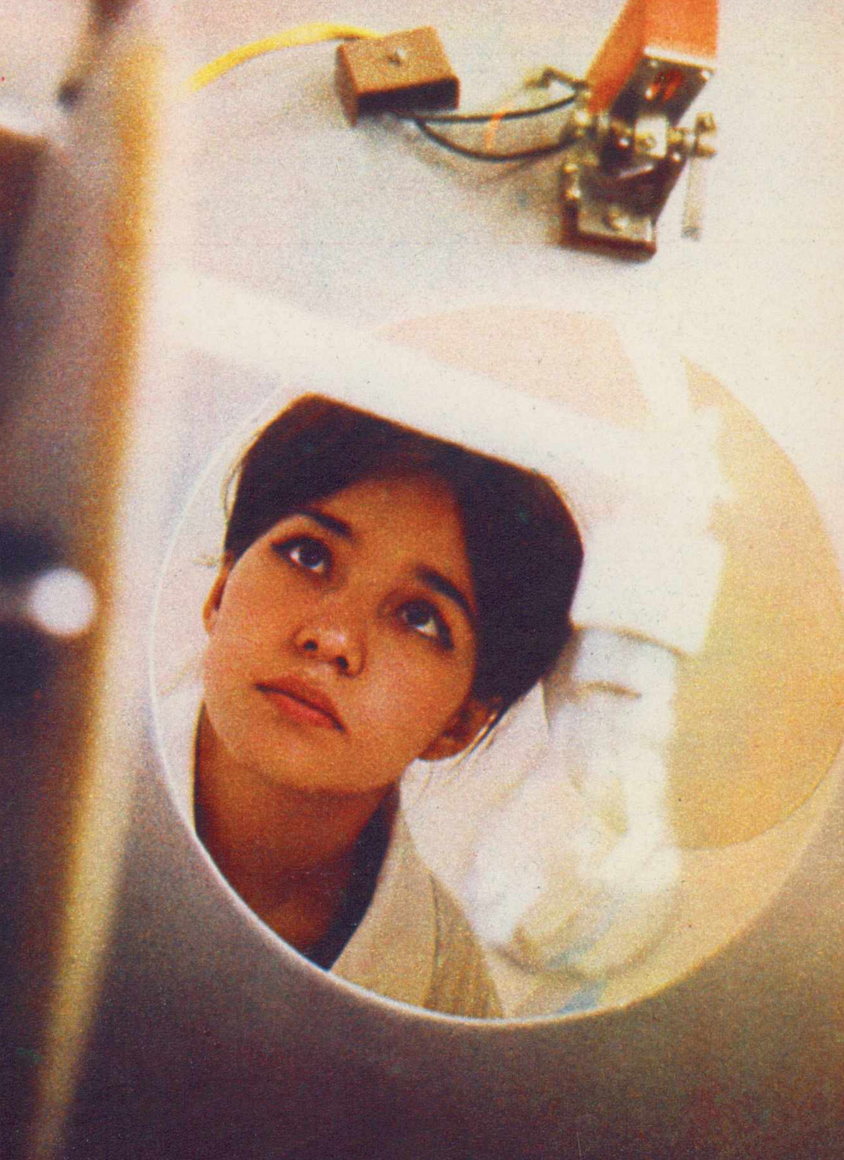
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

У каждого пятого в городе собственный автотранспорт.

Буквы МС — эмблема электролампового завода.

Свет Майли-Сая.

сейчас работают наладчиками и стекловарами. И, как правило, лучше всех работают. Ну и я не хуже других...

Такая уж у городов судьба — меняться вместе с теми, кто их населяет. Мы шли по улицам Майли-Сая, похожим на зеленые тоннели. Солнце, прорываясь сквозь кроны серебристых тополей, бросало на асфальт узорчатые тени. За живыми оградами цветущей акации прятались аккуратные двух-трехэтажные дома. Прошли мы мимо кинотеатра, Дворца культуры, миновали центральную площадь, спустились к открытому плавательному бассейну. На одной из тихих улочек Шестопалов замедлил шаг.

— Надо же, забыли стволы тополей побелить! Непорядок... Вообще-то у нас за зеленью бережно ухаживают, ведь все тут — каждое деревце, каждый кустик — своими руками посажено.

...К Степану Илларионовичу то и дело подходят знакомые, здороваются, говорят о делах.

— Вам, Степан Илларионович, видно, весь город знаком!

— Что вы, это раньше мы все друг друга по именам знали, а теперь на электроламповый столько нового народа приехало — не перезнакомишься! Раньше был мужской, шахтерский город, а теперь стал больше женский — за счет электролампового. Вечерами идешь по улице — все молодые девчата. Говорят, к заводу пристраивается цех нестандартного оборудования, чтобы мужчин дополнительно в город привлечь...

В городе, начинающем новую жизнь, появилось немало новых проблем. Главная из них — проблема роста. Майли-Сай растет так стремительно, что давно уже выплеснулся за рамки своих прежних границ. Уже построен жилой микрорайон, равный маленькому городу, возводятся дома других микрорайонов, дома совершенные, комфортабельные, тех серий, которые считаются еще чуть ли не экспериментальными. По проекту здесь поднимутся новые для Средней Азии высотные здания, здесь будут магазины и детские ясли, спортивные площадки и гаражи для индивидуальных машин. В Майли-Сае предполагается построить всесоюзного значения базу горного туризма и альпинизма, потому что прекрасный микроклимат и близость гор создают тут редкостные условия для отдыха.

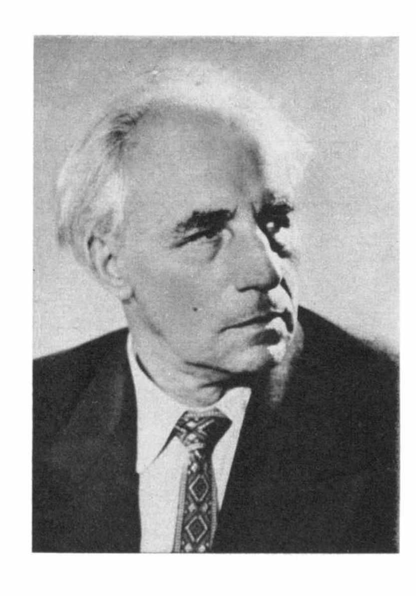
...Двадцать лет — это очень мало, особенно для истории города. За двадцать лет у Майли-Сая еще не появилось своей летописи, хотя, будь она создана, в нее уже можно внести немало памятных дат, событий, людских судеб. И все же самые главные ее страницы пока остаются чистыми.

Киргизия.

В джазе — парни с «лампочки». Эстрадный ансамбль завода спешит на репетицию.

Майли-Сай — город молодости.

В двадцати минутах от центра.

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА ХУДОЖНИКА

В. ЧАЛМАЕВ

...Весной, когда торопливо схлынут в днепровские лиманы, в соленый Сиваш недолговечные талые воды, в небе над безлесной, открытой всем ветрам и солнцу украинской Таврией, над степью восходит чудесное, диковинное марево. Вдоль всего небосвода величаво «текут» серебристые, словно налитые до краев водой реки... Сладко и заманчиво, чуть колышась, струятся их неплещущие волны. И в сердце человеческом невольно рождается вдохновенное желание дойти до этих рек, ощутить их освежающую силу, заставить эту мечту, волнующую и бесконечно прекрасную, навсегда войти в народную судьбу, «осесть» на земле.

Природа Украины, безбрежная, в дымке легенд и преданий, словно вкрепила свою струну в эпическую лиру замечательного украинского писателя Петра Иосифовича Панча, озвучила высокой романтической мечтой сложные духовные искания героев его повестей, романов, новелл. «Бунтарский дух нес меня на крыльях через овраги, долины, леса. Птицы пели мне лихие казацкие песни, головки созревших маков кивали навстречу мне гетманскими булавами, у колодцев поили казацких коней девушки в венках, и шинкари потчевали старыми медами, показывая лоскутья красной свитки, опять появившейся на Украине» — так писал Петро Панч в 1929 году об этом удивительном песенном жизнеощущении. Но отрадно было, что вместе с голосами природы, поэтическими преданиями о казачьей славе зазвучали уже в 30-е годы и в повестях и рассказах о рабочих и крестьянах («Слесарь из депо», «Муха Макар», «Ошибка Мухи Макара») и в романе «Осада ночи» (1935) могучие голоса новой жизни. Былая мечта, «голубая книга», лежавшая у отца на печи, теперь, как признавался писатель, стала сразу же богаче: «В ней город, в ней село, в ней заводы... и Днепрострой. В ней наша реальная жизнь».

Петро Панч (Петр Иосифович Панченко) родился в заштатном степном городке Валки на Харьковщине в 1891 году. Память художника, чувство его сохранили из детских лет многое. И тяжелый и сладкий запах конопли, и знойное солнце над гудящей ярмаркой, где горы меда продают прямо из корыт, и старый ветряк у дороги. Даже усатые стебли тыкв, упрямо лезущие на степную дорогу, и их запомнил художник, оживил в своих глубоко народных произведениях. Но на все эти романтические видения уже до Октября наложились суровые впечатления первой мировой войны (будущий писатель, окончив Одесское артиллерийское училище, попадает на фронт). Петро Панч участвует в Февральской революции, затем сражается в рядах Красной Армии, вновь работает по своей давней специальности землемера в деревне. И только в тридцать лет — в 1921 году — он видит опубликованными свои первые произведения («На руинах», «По-старому, по-старому...»).

В творчестве Петра Панча, по праву считающегося одним из основоположников социалистического реализма в украинской литературе, бесспорно, выделяется его серия взаимосвязанных повестей: «С моря» (1926), «Без козыря» (1926), «Голубые эшелоны» (1927), «Повесть наших дней» (1927). В этих повестях с огромной искренностью, с исторической и психологической достоверностью замечательный художник запечатлел целую эпоху от революции 1905 года, прихода в Феодосию «Потемкина», стремившегося поджечь старую Россию «с моря» (таков пафос повести «С моря»), до первого периода социалистического строительства («Повесть наших дней»).

Лучшей, заслуженно ставшей хрестоматийным произведением украинской литературы является в этой серии повесть «Голубые эшелоны», в которой на материале последних дней петлюровской директории развенчиваются антинародные деяния и цели буржуазно-националистической контрреволюции на Украине в 1918—1919 годы. Через изломанную судьбу молодого сотника Лец-Отаманова, отравленного ядом националистической демагогии, писатель показывает крах отщепенцев, предателей, готовых кому угодно продать Украину, лишь бы удержаться у власти. Лец-Отаманов, обостренно ощущающий крах былого уклада, но не находящий своего места в рядах борцов за новое, видит себя в грязном потоке вчерашних торгашей, политиканов, озверевших палачей, белогвардейцев. И это сознание, дух безнадежности, ощущение оползающего края пропасти герой «Голубых эшелонов» не может победить никакими, даже самыми истовыми молениями, снами о прошлом, воспоминаниями о детстве, о песнях и легендах. В последних редакциях повести писатель не только углубил разоблачающие черты в поведении Лец-Отаманова, но и полнее, ярче раскрыл характеры революционеров (Нины Георгиевны, Кудри). Им же, творцам новой исторической судьбы родного народа, посвятил Петро Панч и другие историко-революционные произведения — повести «Александр Пархоменко» (1939), «Сын Таращанского полка» (1938) и другие.

Годы социалистического строительства, подвиги советских людей в Великую Отечественную войну (им писатель посвятил много очерков, рассказов, среди которых выделяются книги «Отблески пожаров», «Гнев матери») необыкновенно расширили исторические горизонты творчества замечательного мастера. В 1954 году появился роман «Клокотала Украина» («Гомоніла Україна») — монументальное эпическое полотно о героическом прошлом народа, о великом времени, озаренном заревом народных восстаний, о воссоединении России и Украины. Этот роман, словно ожививший перед взором читателя могучие характеры гетмана Богдана Хмельницкого и народного вожака Максима Кривоноса, раскрывший величие братства народов-побратимов,— подвиг художника, пламенного патриота родной земли и подлинного интернационалиста.

Когда-то П. Тычина, передавая народное восприятие Октября, его созидательной мощи, обратился к образу плуга:

А будет так —
Фальшивую лазурь вдруг смех расколет.
И грянет новый мир, где Человеку — гимн!
И на степном раздолье —
Плуги, плуги...

(Перевод П. Панченко)

В творчестве Петра Панча, яркой странице советской многонациональной литературы, мы видим в динамике борьбы, схваток целую эпоху, видим, как рухнула идеалистическая, фальшивая «лазурь» реакционных верований, националистических теорий, видим, как рождался новый мир, утверждалась новая историческая судьба народа. Плуг революции, радостные всходы новых человеческих талантов... Счастлива судьба художника, ставшего певцом народных дел, вошедшего в сознание народа как неотъемлемая частица его социального и нравственного опыта. Именно такова судьба Петра Панча.

Древний и вечно юный Будапешт.

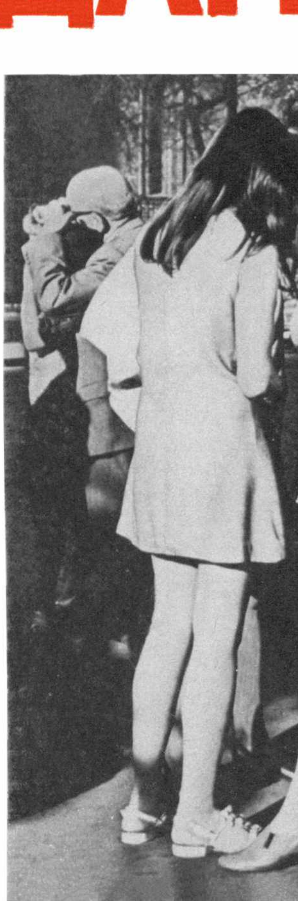
ДОБРЫЙ ДЕНЬ, БУДАП

Напряженная тишина. Все внимание — больному.

В разгаре трудовой день у сталеваров «Чепель мювек».

ЕШТ!

ВЕНГЕРСКИЙ ЖУРНАЛ «ОРСАГ-ВИЛАГ» ПО НАШЕЙ ПРОСЬБЕ ВЫСТУПАЕТ НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА»

Будапештцы, где бы они ни находились, за границей или в других городах страны, с особым волнением возвращаются домой. Они радуются, когда вновь видят огни, мосты и характерные здания города. Нас, будапештцев, пленяет родной город.

После войны Будапешт стал на ноги, возродился, похорошел и выжил. И если когда-нибудь устареют его здания, износятся его камни, он и тогда вновь возродится!

Вот таков Будапешт!

В репортажах о венгерской столице обычно всегда приводят различные статистические данные. И делают это примерно так:

— Население Будапешта за последние 100 лет увеличилось в 6 раз. Здесь проживает 19 процентов населения страны, то есть более двух миллионов человек. Город дает хлеб 38 процентам промышленного рабочего класса страны...

Для правильного понимания изменяющейся действительности статистика является очень важной. Но уроки статистики вырисовываются отчетливо лишь тогда, если они оживают. Цифры иногда могут заменить целый рассказ, но в конце концов они все же являются только подтверждающими элементами. Подтверждением к фотографиям, которые наподобие фаустовскому «Остановись, мгновенье!» запечатлевают отдельные эпизоды жизни Будапешта, отдельные минуты из жизни города на Дунае, в которых отражены утро и вечер, труд, отдых и развлечения будапештцев.

В Советском Союзе уже хорошо знают Будапешт. Поэтому нет необходимости рассказывать его историю, показывать его развитие и успехи.

Очевидно, достаточно показать один день города в фотографиях. Мы надеемся, что эти фотоснимки помогут читателям увидеть Будапешт, услышать его голоса, прочувствовать гамму его цветов, его настроение — получить представление о том, как живут будапештцы.

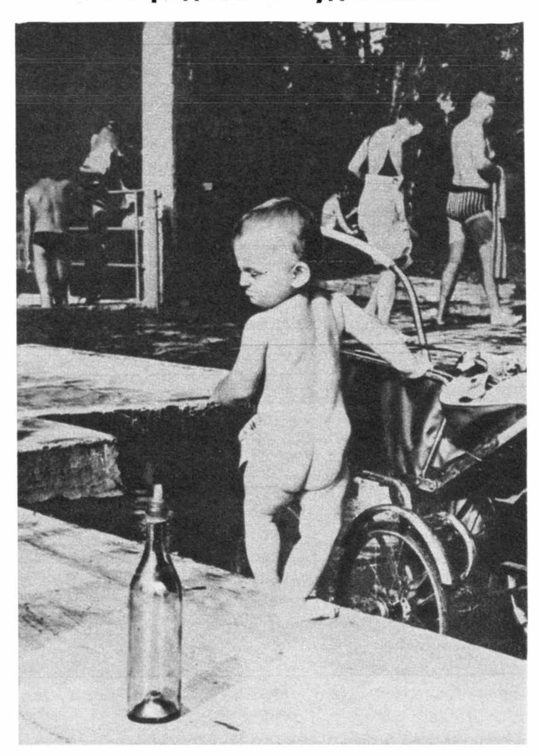
Имре КОКАН

Фотографии сделали Шандор Бояр и Кеве Эстергай.

Рынки популярны в нашем городе.

Он родился в Будапеште.

Картинная галерея.

На остановке автобуса.

В субботний день на пляже...

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАВЛА АНТОКОЛЬСКОГО

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Когда заходит речь о Павле Антокольском, его обычно характеризуют так: человек высокой поэтической и общей культуры, художник с острым чувством истории, сделавший Время главным героем своих произведений.

С первого взгляда и в общих чертах это верно. Павел Антокольский легко переходит из столетия в столетие, запросто ведет беседу, преодолевая огромные временные барьеры. Из самых дальних углов Истории по первому же зову мастера приходят действующие лица его стихов, поэм, драм, очерков, сказок, статей.

Кого только здесь нет! Пушкин и Шекспир, Архимед и Манон Леско, Петр Первый и Павел Первый, Эсхил и Франсуа Вийон, Гоголь и Пиросманишвили, ландскнехты и санкюлоты, художники и циркачи, звездочеты и бродяги...

Одни богохульствуют, другие скабрезничают, третьи изъясняются весьма галантно, четвертые витийствуют, пятые пророцают. Не много ли перечислений? Я это делаю сознательно, дабы подчеркнуть необычность явления Антокольского. Он лирик и эпик, остающийся всюду и всегда драматургом. Драматургом в широком понимании слова. Не обращаясь непосредственно к театру, он остается артистом, умеющим мгновенно перевоплощаться. За движением человеческой души ему видится действо.

В этом действе Время и История выстраиваются в некую лирико-драматическую хронику, в некую стихотворную летопись, в некую повесть временных лет, как говорили у нас в старину. Войдите в книги поэта и вы увидите эпоху, члененную самим поэтом на циклы: «Двадцатые годы», «Тридцатые годы», «Сороковые годы», «Пятидесятые годы», «Шестидесятые годы»...

Реальное мешая со сказочным, Павел Антокольский добивается доведенной до гротеска выразительности. Это тоже черта драматурга, редкая в поэзии. Этому художнику ничего не стоит столкнуть Гоголя с Хлестаковым, Пушкина с Петром Первым, мифического Орфея с нашим современником Ерофеем. Мы следим за этим с интересом и верим, что это реальность.

С давних пор поэт полюбил сказку, мистерию, легенду, театр масок. В них он черпал свою выразительность. Но не только в них. В молодые годы Павел Антокольский был режиссером в Театре Вахтангова. Он близко знал создателя театра. В поэзию он перенес озорство, пестроту, изящество, а в конечном счете, вероятно, и глубину «Принцессы Турандот». Так встретились театр и стих, встретились, чтобы подружиться надолго и накрепко.

В юности Павел Антокольский был одержим не только театром, но и живописью. Все же взяла верх поэзия. Она вобрала в себя решительно все: и умение играть и перевоплощаться, и умение живописать, и умение говорить красно.

Мой выбор сделан издавна.
Меж девяти сестер одна
Есть муза грозной правоты.
Ее суровые черты,
Ее руки творящий взмах
И в исторических томах,
И на газетной полосе.
Она мне диктовала все
Стихи любимые. И с ней
Мой труд страстней, мой путь ясней.

Это важное признание. Оно написано в виде исповеди — в форме, очень свойственной этому поэту.

«Муза грозной правоты» внушила поэту его лучшие произведения. В них убежденность и страсть, выраженные полногласно.

Художник, изваявший Время и воспевший Историю, по существу своей задачи и по стилю своему бывает риторичным. Но он преодолевает риторику. Как это ему удается? Едва ли не самая главная и самая привлекательная черта Павла Антокольского — распахнутость. Его душа раскрыта. Он доверителен на пределе. Это и есть три разных обозначения одного — накала поэтической строки.

Исповедальная манера многое определила в Павле Антокольском, в его творческом бытии. Его достоинства и его недостатки продиктованы этим страстным и постоянно действующим желанием держать отчет перед собеседником и выходить на суд современника.

Это качество подтверждают и написанная в дни войны поэма «Сын», в которой личное вырастает в историческое, и написанная в 1969 году поэма «Зоя Бажанова», в которой личное сопрягается с вечным, и новые лирические циклы Павла Антокольского.

...Семьдесят пять.

В конце-то концов много это или мало? Три четверти века — много, потому что более полувека отдано поэзии.

Три четверти века — мало, потому что новые замыслы на пороге рабочей комнаты поэта. Со старостью душевная молодость не кончается. Павел Антокольский — наглядный пример этому. Его душевная распахнутость нисколько сегодня не меньше, чем в годы молодые. И сегодня откровенность диктует поэту строки, которые становятся близкими читательскому сердцу.

Поэзия! Я лгать тебе не вправе
И не хочу. Ты это знаешь?

Поэзия отвечает коротким: «Да».

Лев ОЗЕРОВ

Юрий КОРНИЛОВ

Мыс Рока, что в пятнадцати милях от Лиссабона, считается самой западной точкой Европейского континента. Предприимчивые туристские фирмы торжественно вручают иностранцам, посещающим этот живописный уголок, охваченный полукольцом цветущих апельсиновых рощ, особый диплом, выполненный в виде старинного пергаментного свитка и удостоверяющий, что его владелец такого-то числа действительно «побывал на самом краю земли, где кончается суша и за нею уже нет ничего, только бескрайний и бездонный океан».

«АВАНТЕ» — ЗНАЧИТ «ВПЕРЕД»

На первый взгляд кажется, что самый распространенный цвет одежды в Лиссабоне — серый. Это цвет полицейского мундира, и он оттесняет на второй план все остальные цвета. Полицейских так много, что вы невольно натыкаетесь на них повсюду: в кафе, в кино, даже у входа в библиотеку. У заводских ворот круглые сутки дежурит полицейский наряд. У входа в университет — полицейский батальон. Это символ и оружие режима. Того режима, который почти полвека назад превратил Португалию в «страну за решеткой» и который даже сейчас, когда его основатель, иезуит и палач Салазар, уже покоится в земле, упорно не желает сходить со сцены.

Именно это обилие полицейских в форме и в штатском — причина того, что журналистский блокнот заполняется в Португалии чрезвычайно медленно. Доступ на заводы и фабрики закрыт. Попытаться заглянуть в университет — значит вызвать бешенство властей. Если вы отправляетесь с фотоаппаратом в рабочий пригород Лиссабона, то не успеваете щелкнуть затвором, как перед вами вырастает серый мундир: «Фотографировать запрещено! Откройте камеру». Вы заговариваете о последних политических новостях с соседом по ресторанному столику — он бледнеет и незаметно кивает на официанта: «Ради бога, тише, ведь это, возможно, агент...»

Да, журналистский блокнот заполняется в Португалии медленно, но все же заполняется. Первые записи я делаю не в центре Лиссабона, где безумная неоновая реклама пляшет вокруг бронзовых всадников в островерхих шлемах, с пиками и саблями в руках — памятников знаменитым португальским полководцам и королям. И, конечно, не в фешенебельном Эсториле, где в пышной зелени субтропических садов прячутся обнесенные высокими оградами мраморные особняки богачей. Первая запись ложится в мой журналистский блокнот в тихом рабочем предместье португальской столицы, где немощеные узкие улочки не знают, что такое шина автомобиля, а из домиков, слепленных из фанеры и жести, доносится извечный аромат южных окраин — запахи кофе и жареной рыбы. Мы сидим в крошечной полутемной таверне, и мой собеседник, рабочий-металлист по имени Жуан, рассказывает о себе и своих товарищах:

— На заводе у нас народ подобрался боевой. Помню, лет восемь назад, когда я начал свой трудовой путь учеником слесаря, само слово «забастовка», произнесенное вслух, могло привести человека в тюрьму. Забастовки и сейчас запрещены, законы не изменились, но люди стали иными! Минувшей зимой, когда цены в стране опять поднялись, мы объявили стачку и бастовали четыре дня, требуя повышения заработной платы. Полиция арестовала четырех членов подпольного стачечного комитета, нам угрожали, нас запугивали, и все же мы добились своего. Теперь люди понимают: когда мы, рабочие, действуем сообща, плечом к плечу, мы сила! И это понимают не только на нашем заводе...

НА ОКРАИНЕ ЕВРОПЫ

Верно: стоит лишь перелистать хронику рабочего движения Португалии, чтобы убедиться, что забастовочная борьба охватывает все новые отрасли промышленности, новые районы... Сегодня бастуют металлурги Маге, завтра — строители Коимбры, следом за ними — химики Лиссабона, батраки, текстильщики. Вместе с пролетариями в борьбу все активнее включается студенчество. Только в нынешнем году произошли массовые волнения в Лиссабонском университете, в столичном Высшем техническом институте, в университете города Опорто...

Труженики Португалии выдвигают весьма широкую программу требований. И это понятно: ведь Португалия — самая отсталая страна Европы, страна поистине мрачных «рекордов». Здесь рабочие зарабатывают в 4—5 раз меньше, чем в других западноевропейских странах, здесь самый высокий процент неграмотности (38), самая высокая детская смертность (59,3 на каждую тысячу новорожденных), самый высокий процент населения (52), лишенного медицинского обслуживания. Португалия превратилась практически в своего рода «неоколонию», эксплуатируемую крупными международными монополиями. Вот почему участники волнений и забастовок, прокатывающихся по «окраине Европы», добиваются не только улучшения условий труда, но и широких социальных реформ.

Да, борьба идет! В Коимбре, купив у разносчика пачку газет, я неожиданно обнаружил среди официальных изданий газету небольшого формата, отпечатанную на тонкой, но очень прочной бумаге. Такую газету легко пронести мимо охранника, нетрудно спрятать, уничтожить в случае опасности. Это подпольная газета Португальской компартии. Она называется «Аванте», что значит «Вперед»!

ЙОЗЕ ПОКИДАЕТ РОДИНУ

— Много лет от зари до зари трудились мы с женой и детьми на каменистом, выжженном солнцем клочке земли, а выбиться из нужды так и не удалось. И настал день, когда я понял: нищета из дома не уйдет, надо самому уходить от нее...

Так сказал мне Йозе, один из нескольких сотен португальцев, которые пришли в тот июньский день на узкую лиссабонскую улицу Перейро и встали в бесконечную очередь к двери, медная вывеска на которой извещала, что здесь находится «эмиграционный отдел посольства Франции в Лиссабоне». Йозе, как и большинство стоящих в этой очереди,— крестьянин. У него широкие плечи, обветренное скуластое лицо, сквозь дыры в домотканой одежде просвечивает смуглая кожа. Он родился и вырос на берегах Доуру в суровых северных краях, там, где черные скалы и крутые горы лишь изредка сменяются долинами, как бы освещенными тусклым серебром оливковых рощ. В Лиссабоне Йозе недавно, и он до сих пор чувствует себя несколько не в своей тарелке.

— Город огромный, а места для простого человека в нем нет,— говорит Йозе.— В какую дверь ни постучись, всюду один ответ: «Не нужно!» Взялся я было за продажу лотерейных билетов, за чистку обуви, да разве этим проживешь! А ведь мне надо хоть что-то посылать семье... Один остается выход: покинуть родину, податься на чужбину, как уже сделали многие мои земляки. Пришел я сюда, в эмиграционный отдел, наниматься на французскую ферму. Хоть и нет здесь, в очереди, никого из нашего села, зато судьба у многих схожа с моей...

Да, судьбы португальских крестьян очень схожи между собой, но какое это трагическое сходство! Лиссабонские рекламные проспекты, рассчитанные на иностранных туристов, предлагают им любоваться «неповторимыми сельскими пасторалями» и живописными пастухами — «кампино» в красных жилетах и зеленых шерстяных колпаках, которые верхом на лошадях пасут полудиких черных быков, предназначенных для корриды. Но рекламные проспекты умалчивают о том, что 2 тысячи крупных португальских латифундистов владеют таким же количеством земли, как более чем 400 тысяч малоземельных крестьян. Они умалчивают о том, что современная португальская деревня — та деревня, которая не предназначена для глаз туристов,— это разбросанные далеко друг от друга пригоршни мелких и мельчайших хозяйств, задыхающихся в тисках нужды, со средневековой «техникой» вроде самодельного плуга и деревянной бороны. Нужда такая, что даже простая кукурузная лепешка, даже «калдо верди» — крестьянский суп из листьев капусты и репы, и те кажутся редким лакомством. Стоит ли удивляться, что крестьяне массами покидают родные села и, не найдя работы в городе, уезжают на чужбину?

— Официальная печать не сообщает данных об эмиграции из страны, хотя всем известно, что с каждым годом в Португалии все больше таких сел, где остались лишь дети да старики и где уже в течение многих лет не было сыграно ни одной свадьбы,— рассказывает один из сотрудников лиссабонского журнала «Сеара нова».— По подсчетам нашего журнала, только за последние десять лет Португалию покинуло около миллиона человек, а всего сейчас во Франции, ФРГ, Бельгии, Канаде и других странах насчитывается более двух миллионов португальских рабочих. Это главным образом молодежь в возрасте от 16 до 20 лет. Многие из них эмигрировали, не желая служить в армии, воевать в Африке. В ходе последней мобилизационной кампании, например, на призывные пункты было вызвано 80 тысяч рекрутов, а явилось только 68 тысяч. Но главная причина бегства за границу — нехватка земли, безработица, беспросветная нищета...

...Очередь в «эмиграционный отдел» двигалась медленно, и я предложил Йозе отдохнуть в одном из тех крошечных уютных кафе, которыми усыпан Лиссабон и куда прохожие заглядывают на несколько минут, чтобы выпить чашечку душистого кофе или стаканчик традиционного красного вина. Мы сели за столик. Какой-то пожилой человек в поношенном костюме, видимо, тоже отлучившийся ненадолго из очереди, подошел к музыкальному автомату, бросил монетку — плавная мелодия заполнила маленький зал. Мария Альбертина, популярная португальская артистка, пела «Песенку эмигранта», исполненную глубокой тоски: «Мне пришлось уехать на чужбину, да, мне пришлось сделать это, но я еще вернусь к тебе, дорогая моя родина...»

— Может быть, мы и вернемся,— задумчиво сказал Йозе, отвечая своим невеселым мыслям.— Но когда?..

«ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА...»

Мигуэль, старый рыбак, развернул целлофановый пакет, извлеченный из внутреннего кармана куртки, и на его темную ладонь легла фотография молодого парня в клетчатой ковбойке.

— Мой сын,— сказал Мигуэль, протягивая снимок.— Нигде на побережье не было лучшего рулевого рыбацких шхун. А потом пришли эти... из мобилизационного пункта. Вот уже два года мой мальчик воюет в Анголе.

Мы беседовали, сидя на перевернутой шлюпке у околицы рыбачьего поселка. Из этих мест когда-то уходили к неведомым берегам корабли Васко да Гамы с красными восьмиконечными крестами на упругих парусах. Теперь по затянутому серой дымкой горизонту океана скользят острые, хищные силуэты военных кораблей НАТО. Может быть, это американские миноносцы, повадившиеся в последнее время навещать португальские берега с «дружественными визитами»? Или транспорты португальского ВМФ, отправляющиеся в Африку с очередной партией военного снаряжения и пушечного мяса на борту?

— Газеты не сообщают подробностей о боях в Анголе, но кто же не знает, сколько свинцовых гробов доставляют оттуда наши самолеты! — продолжает Мигуэль, и голос его дрожит.— Я молю бога, чтобы он пощадил моего сына, чтобы скорее кончилась эта проклятая война...

«Молим тебя, боже, пусть скорее кончится проклятая война!» — эту фразу ежедневно повторяют в Португалии тысячи и тысячи мужчин и женщин, когда они, освещенные желтым пламенем восковых свечей, склоняют колени на холодные камни бесчисленных католических алтарей. Бог не внемлет молитвам, и позорная колониальная война, которую португальские правящие круги ведут уже много лет, накладывает все более отчетливую печать на всю жизнь страны. Отряды солдат-новобранцев в новенькой, еще не смятой форме, марширующих в лиссабонский порт в окружении плачущих женщин, матерей и невест,— это война. Слепой инвалид на деревянной ноге, стоящий у фешенебельного столичного отеля «Риц», с протянутой навстречу прохожим жестяной кружкой,— это война. Объявление об очередном повышении цен, вывешенное в витрине продуктовой лавочки,— это тоже эхо войны, грохочущей в далекой Африке, в джунглях Мозамбика и «португальской» Гвинеи, на выжженных тропическим солнцем плоскогорьях Анголы.

По свидетельству американского журнала «Африка рипорт», колониальные войны, которые ведет Португалия,— это «самые длительные, обширные и кровавые из всех войн, которые когда-либо знала Африка». И чем дольше длятся эти войны, тем все более тяжким бременем ложатся они на экономику страны, на плечи португальских тружеников. Португальский министр экономики и финансов Диаш Розаш, выступая в апреле в институте военных исследований, сообщил, что если в 1961 году, когда Лиссабон начал первые операции против партизан в Анголе, военные расходы составляли 4,7 миллиарда эскудо, то есть 36 процентов всех государственных расходов страны, то в 1969 году эта цифра достигла 11,2 миллиарда эскудо, то есть 40,7 процента общего объема государственных расходов. Но и этих гигантских затрат недостаточно, чтобы обеспечить находящуюся в Африке 150-тысячную армию карателей. Лиссабон пользуется широкой военной и экономической помощью НАТО, получая от этого блока военные самолеты и танки, пулеметы и боевые суда, напалм и боеприпасы. И все же колонизаторы не только не в силах подавить национально-освободительные движения в Анголе, Мозамбике и Гвинее (Бисау), но, напротив, сами терпят поражение за поражением.

Кабинет М. Каэтану пытается сейчас разработать меры, которые помогли бы вывести страну из той изоляции на международной арене, в которой она оказалась из-за позорных колониальных войн в Африке. С этой целью, как мне говорили в Лиссабоне, правительство намерено уже в ближайшее время провести в колониях, которые оно официально именует «заморскими провинциями», референдум, цель которого — «продемонстрировать решимость населения этих провинций остаться в составе Португалии». Исход будущего референдума не

Португальский пастух.

Что их ждет!..

На рынке Лиссабона.

Картина художника Портела «Старьевщик».

волнует обитателей дворца Као-Бенто, где находится резиденция Каэтану: они прекрасно знают, что за спиной едва ли не каждого участника этого «волеизъявления народа» будет стоять присланный из метрополии солдат с заряженным автоматом в руках.

— Нам,— сказал мне Мигуэль,— одно, во всяком случае, ясно: если правительство такой референдум готовит, значит, оно намерено и дальше цепляться за Африку. Значит, эта проклятая война будет продолжаться и впредь. И когда только она кончится!..

Когда она кончится? Но ведь это во многом зависит от тебя, Мигуэль. И от таких, как ты.

СИМВОЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В лиссабонском «Дворце юстиции», угрюмом семиэтажном здании, чьи узкие окна надменно взирают на город с вершины высокого холма, можно увидеть фреску знаменитого португальского художника Северо Портела. На фреске изображен пророк Моисей с библейской скрижалью в руках, на которой начертаны древние, как мир, заповеди. А слева более свежей краской дорисована «Декларация прав человека и гражданина», родившаяся в огне французской революции 1789 года. «Это добавление я сделал после смерти Салазара,— сообщил мне Северо Портела.— Не только вы, журналисты, но и мы, художники, стремимся идти в ногу со временем!»

— Стремление у господина Портела хорошее, да только он, к сожалению, явно поторопился,— заметил известный адвокат, которому я рассказал эту историю.— Права человека — это в Португалии не реальность, а лишь требование демократической общественности. Если вам нужны примеры, пожалуйста, только на днях мы направили правительству петицию с требованием освободить группу студентов Опорто, арестованных по политическим мотивам.

Впрочем, Портела — лишь один из многих, кто попался на пропагандистскую удочку правительства. Три года назад, когда Каэтану пришел к власти, он объявил, что намерен «модернизировать» страну, и даже распустил «ПИДЕ» — салазаровскую политическую полицию, сформированную по образу и подобию гестапо при помощи такого известного заплечных дел мастера, как фон Крамер, коменданта гитлеровского лагеря смерти Бельзен. Некоторые поверили в то, что в Португалии действительно наступают новые времена. Мало кто знал тогда, что вместо «ПИДЕ» тут же было создано «Главное управление безопасности», которому и передали аппарат «ПИДЕ». Об этом узнали, только увидев на улицах картину, знакомую португальцам вот уже 40 лет: дюжих полицейских, которые волокут в тюрьму избитых в кровь студентов или закованных в наручники участников забастовок...

Он продолжает рассказ — и передо мной возникает мрачный силуэт той машины массовых репрессий и насилия, которая служит опорой режима. Эта машина огромна: в стране очень мало школ, не хватает больниц, но зато тюрьмы оборудованы в каждом городе, едва ли не в каждом поселке. Под тюрьмы приспособлены и средневековые замки, сырые и темные, как гробницы, и древние крепости Кашиас и Пенише, где стальные решетки вмонтированы прямо в пушечные бойницы, и подземелья старинных монастырей. Тюрьмы различны, но методы, применяемые тюремщиками и агентами «Главного управления безопасности», повсюду одинаковы. Заключенных заставляют часами стоять неподвижно под направленным в глаза электрическим светом — на полицейском жаргоне это называется «статуя». Их бросают в каменные мешки — карцеры, где пол покрыт слоем зловонной слизи, бьют, морят голодом, мучают жаждой... Говорят, что фон Крамер, «инструктировавший» в свое время агентов «ПИДЕ», получил за свой «труд» солидное вознаграждение. Что ж, деньги были заплачены ему не зря!

— В 1970 году в Португалии проведено семь политических процессов, за пять месяцев нынешнего года арестовано по политическим мотивам еще около ста человек,— продолжает мой собеседник.— Среди них не только коммунисты, которых режим считает «врагом № 1». Это и рабочие, отстаивающие свое право на забастовки, и студенты, требующие демократизации образования, и просто представители либеральной интеллигенции, сказавшие несколько «неосторожных» фраз в присутствии тайного агента. А эти агенты вездесущи: ведь их, насколько известно, насчитывается не менее десяти тысяч. Впрочем, теперь и доносчикам и их начальникам стало труднее, чем раньше: они уже не могут тайно расправляться со своими жертвами. Созданный в стране «Комитет помощи политзаключенным» делает все, чтобы общественность сразу же узнавала о каждом акте произвола...

«Комитет помощи политзаключенным» был создан по инициативе группы прогрессивной португальской интеллигенции. В его составе — видные юристы, ученые, артисты, писатели, многие из которых хорошо известны не только в Португалии, но и за рубежом. Режим, разумеется, не признал комитет, однако и не решился прямо запретить его. И члены комитета, рискуя собственной свободой, ведут открытую мужественную борьбу против полицейского произвола.

Старинная португальская легенда гласит, что много лет назад некий юноша, живший в районе Барселлош, был по навету врагов обвинен в страшном преступлении. В последний момент, когда судьба обвиняемого была, казалось, предрешена, юноша в отчаянии воскликнул: «Высокочтимые судьи, если вы приговорите к смерти невинного, даже петух, нарисованный на этой картине, запоет!» И не успел главный судья зачитать приговор, как все услышали крик петуха... Справедливость восторжествовала, юноша был освобожден и обвенчался со своей возлюбленной.

С тех пор петух считается в Португалии символом справедливости и счастья. Изображения петуха можно увидеть в официальных учреждениях и в витринах магазинов, фигурки птицы, искусно сделанные из меди, бронзы, вылепленные из глины, украшают отели, рестораны, кафе. Каждый, кто впервые посещает Португалию, непременно увозит с собой такую фигурку, и я не хотел быть исключением. В небольшом магазине сувениров в южной части города продавец вывалил на прилавок целую дюжину статуэток.

— Возьмите несколько, не пожалеете. Мы получаем товар прямо из тюрьмы, а заключенные работают тщательно, им некуда торопиться...

— ?

— Ну да, что тут особенного? В Португалии много заключенных, и, чтобы они не сидели без дела, им по предложению фирм дают разную работу: одни ткут ковры, другие плетут соломенные циновки, третьи лепят фигурки из глины. Это выгодно: ведь за работу им никто не платит...

Что и говорить, недаром нынешний режим в Португалии устанавливал диктатор-иезуит, усвоивший самые изощренные средневековые приемы двуличия и жестокости, созданные еще основателями иезуитского ордена. Даже «символ справедливости», и тот делается в Португалии за решеткой, руками людей, лишенных права на эту самую справедливость.

Одна из самых мрачных страниц истории Лиссабона — землетрясение 1755 года, описанное Вольтером в его «Кандиде»: «Море в порту, кипя, поднимается и разбивает корабли, стоявшие на якоре; вихри огня и пепла бушуют на улицах и площадях; дома рушатся; крыши падают наземь, стены рассыпаются в прах». Я перечитываю эти строки и невольно возвращаюсь мыслью к своим португальским встречам, вспоминаю эту раздираемую глубочайшими социальными противоречиями страну, которая задыхается в тисках диктатуры. Пусть «те времена» еще не прошли и сегодня режим еще в состоянии удерживать власть, но разве можно, будучи в Португалии, не ощутить, не почувствовать, как могучи силы, которые зреют и бьются в недрах гигантского социального вулкана? В стране накапливается огненная лава человеческого гнева,— и в тот день, когда эта лава вырвется, наконец, наружу, произойдет взрыв, который потрясет Португалию сильнее, чем любое землетрясение.

Лиссабон — Москва.

Н. ИГНАТОВА
Фото И. Александрова, И. Ефимова, В. Петрусовой, М. Чернова.

ПРИМЕТЫ ОБНОВЛЕНИЯ

Программки, программки... Целый ворох вырос на столе к концу сезона. Пора, наконец, их разобрать, пора привести накопившиеся впечатления в систему. Но какие же они разные, эти впечатления! И как трудно объединить их, влить в какое-то общее русло!.. А может быть, они вольются в это русло сами, если рассмотреть — поневоле бегло, конечно, — некоторые общие тенденции сегодняшней театральной жизни?..

Обновление — не это ли главная черта только что закончившегося сезона, проходившего под знаком подготовки к XXIV съезду партии?

Да, всюду черты обновления!

В репертуаре... Только московские театры поставили около сорока новых пьес. А ведь есть еще Ленинград, есть столицы союзных республик, да и вся необъятная театральная страна,— пятьсот с лишним драматических театров. Всюду идут новые пьесы, поставленные в нынешнем сезоне. Какую же они составят внушительную цифру!

В режиссуре... Около ста молодых режиссеров пришли за последние несколько лет к руководству театрами — областными и городскими, большими и малыми. И, судя по всему, истекший сезон был для многих по-настоящему удачным.

Заметно обновился и **состав трупп**. Смотришь ли спектакли московских театров, приезжаешь ли на премьеру в другие города — повсюду замечаешь: молодыми, свежими голосами звенит сцена. Все новые таланты выходят и становятся в первые ряды творцов сценического искусства.

Во многом обновились **методы руководства театрами**. Существеннее стала помощь драматургам; семинары, творческие лаборатории охватывают все большее число молодых художников сцены. Большой отряд драматургов отправляется в поездки по стране — в путь за новыми наблюдениями, новыми пьесами.

Да и драматургов тоже можно поздравить с новым **пополнением**. С первыми удачными пьесами выступили в этом сезоне многие писатели.

Новизна ощущается многими людьми, причастными к театру; она естественный результат накопленного десятилетиями опыта, но еще и результат особо целеустремленной, напряженной работы театров в последние годы, когда шла подготовка к великим юбилеям — 50-летию Октября, 100-летнему юбилею В. И. Ленина, 25-летию Победы.

Вот сразу три программки с белой чайкой в полете. Мхатовская эмблема. Что возникает за нею?

...Женщина в строгом костюме, немножко надменная: видно, привыкла отдавать распоряжения, не встречая возражения. Она хирург. У операционного стола бьется со смертью один на один.

Знаменитая Ангелина Степанова теперь уже надолго свяжется в памяти с новой ее героиней — Анной Степановной Сабуровой. Коммунистка, академик, общественный деятель — крупная личность и... просто «человеческая женщина», которой подчас бывает и горько и трудно, но все равно нужно держаться на той **высоте,** куда вознес ее талант.

Думаешь: конечно, в основе новой пьесы А. и П. Тур «Единственный свидетель» лежит случай сам по себе исключительный. Но разве не ко многим обращена пьеса?.. История, приключившаяся с академиком Сабуровой, звучит как нравственное предупреждение, как совет не заноситься, не менять главного, заветного на житейскую суету.

Постановщику спектакля В. Я. Станицыну, чувствуется, особенно дорога и важна — и это верно! — одна совсем небольшая роль доктора Лины Калиненко. Важны и дороги ее требовательность к себе, ее безбоязненно строгое отношение к авторитетам, ее нравственная чистота. И хотя актриса И. Мирошниченко, не пытаясь ничего «олицетворять», «обобщать», без нажима, просто и спокойно живет мыслями и чувствами своей Лины, невольно рождается мысль-обобщение: как же хороша сегодня молодость! По каким строжайшим идейным и нравственным законам стремится она жить!

На такой же программке — новое для театра имя драматурга: Евгений Рамзин. В жестковато названной пьесе «Обратный счет» речь идет о судьбе ученого в буржуазном мире, где доллар стремится скупить интеллект, честь, совесть людей. И хотя действие происходит в 30-е — 40-е годы нашего века (речь идет о создании атомной бомбы),— актуальность, разоблачающая сила, публицистичность спектакля не снижаются. На глазах у зрителя обнажается система подкупа, лжи, насилия и провокаций. Видишь, как гибнет ум ученого, унижается его человеческое достоинство. Талант, превращенный в робота, нравственно рушится.

Судьба печально знаменитого Оппенгеймера — в центре пьесы и спектакля. В этой роли выступают М. Козаков и С. Десницкий; оба актера раскрыли трагическую обреченность своего героя. Если ученый не становится борцом, он предает науку.

И еще одна мхатовская премьера — «Село Степанчиково и его обитатели», поставленная В. Богомоловым.

Не однажды приходилось видеть сценическую композицию романа Достоевского. И всегда, как бы впервые, поражает глубина психологизма, «глубоко человечественный и патетический элемент, в слиянии с юмористическим», по выражению Белинского.

В Фоме Опискине — этом лжеученом и лжечеловеке, Алексей Грибов открывает, кроме всех прочих низменных черт, еще и какую-то особую, ядовитую «наивность», отравляющую, но и привораживающую простые души.

Да только ли один Грибов нашел в спектакле неповторимую индивидуальность образа?.. А каков Ростанев — М. Зимин, а генеральша — О. Андровская, Настенька — Г. Стецюк, Мизинчиков — В. Невинный — не живые ли это типы и характеры того времени!.. И вместе с тем есть в них нечто глубоко сегодняшнее. Оно — в отношении режиссера и актеров к фактам жизни, характерам, к эпохе в целом. А Фалалей — этот «полюс молодости» в повести и в спектакле!.. Не брызжущее веселье и здоровье, не «наивный оптимизм» выявляют в Фалалее режиссер В. Богомолов и молодой способный актер А. Борзунов, а острую, органическую неспособность народа ко лжи. Сопротивление лжи. И это трогает, удивляет **новизной воплощения.**

...Наверное, белорусский драматург Андрей Макаёнок и много лет спустя будет с радостью вспоминать нынешний сезон, когда на афишах сразу двух московских театров появились названия двух его новых пьес. В Театре сатиры идет «Затюканный апостол», а в Московском драматическом — «Трибунал». И в Белоруссии и во многих театрах других республик тоже ставятся эти пьесы.

...Кружевной аппликацией застыла на серо-голубом заднике заснеженная деревня. Избы, палисадники, ветлы... Огромная выбеленная печь в центре сцены, поленница, тяжелые, широченные лавки и стол из досок не в обхват. Налаженная, привычная жизнь деревни... В нее-то и вторглись война, фашизм; пролилась кровь селян...

Впрочем, не буду пересказывать сюжет «Трибунала» (режиссеры А. Дунаев и Л. Дуров), попытаюсь рассказать лишь об удивительной игре Леонида Дурова в главной роли Терешки-Колобка.

Ведь вот как бывает: из года в год — и вот уже более десяти лет — видели вы актера в какой-то застывшей форме, каким-то напруженным, озлобленно-ироничным, и уже начинали считать его однообразным, хотя и способным... Но в один прекрасный вечер приходишь в театр, открывается занавес, и прежние твои представления вдруг разбиваются в пух и прах.

...Необычайно весел Колобок — Дуров: был пастухом, а стал при «новом порядке» хозяином над людьми, старостой. И весь он как будто брызжет удачей, вовсю старается угодить немцу-коменданту и начальнику полиции. Вот подкатился к жене Полине, бросил на поленницу шубейку и торопит, торопит семью: пора готовить угощение для «гостей» — вот-вот нагрянут! А за шутками — глубоко запрятанная тревога... От сцены к сцене его захлебывающаяся скороговорочка, его подмигивания будут привлекать ваше внимание все сильнее, и вы постепенно начнете понимать, какая драгоценность — душа этого человека, какой чистый пламень горит в ней.

А когда он все-таки откроет своей дорогой Полине, «матушке-командирше», важнейшую

Ф. Гойя (1746—1828). ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЧЕРНОЙ МАНТИЛЬЕ.

Киевский музей западного и восточного искусства.

Ф. Гойя. ВОДОНОСКА.

Музей изобразительных искусств. Будапешт.

тайну, расскажет о связи с партизанами, а Полина отдаст приказ детям слушать отца во всем — как же он счастлив и горд — и детьми, и Полиной, и собой...

Отлично сыграна роль.

А вот сразу две программки двух московских театров. Спектакль «А зори здесь тихие...»

Что заставило двух режиссеров одновременно обратиться к инсценировке повести Б. Васильева? Привлекли, конечно, тема Отечественной войны, которая никогда не перестанет волновать, и особая драматургичность сюжета, напряженность действия, на редкость глубоко отвечающие требованиям сцены.

Справедливую оценку получили в прессе «Зори», поставленные в Театре драмы и комедии на Таганке. Отмечалось мастерство постановщика Ю. Любимова, создавшего трагическую, яростно-горькую балладу о пяти девичьих жизнях, что, едва мелькнув в свете военного зарева, сгорели в нем.... Но совсем немного говорилось о «Зорях» в постановке Б. Эрина на сцене Театра Советской Армии, тогда как в спектакле этом, где, может быть, меньше оказалось чисто режиссерских находок, меньше щемящих душу подробностей довоенной жизни погибших девчат, все внимание зато сосредоточено на внутреннем процессе **мужания человека в бою.**

Свет и красота подвига, совершенного в защиту Родины,— таков лейтмотив лирического повествования на обеих сценах. Можно скрупулезно сравнивать спектакли, отдавая предпочтение тому или другому исполнителю, но есть у них гораздо более важная сторона: то, что их **объединяет.** И об этом-то стоит сказать.

В. Шаповалов, А. Попов и Г. Крынкин великолепно, хотя каждый по-своему, своей особой актерской стежкой ведут зрителя в тайники души героя — старшины Васкова... И такие запасы нравственной и гражданской прочности обнаруживают оба театра в герое, что замираешь от изумления и восхищения силой души народной, ее красотой и стойкостью.

Программка Московского академическогс театра имени Вл. Маяковского. «Три минуты Мартина Гроу». Автор пьесы Генрих Боровик вложил в свое произведение и сильный, бьющий в цель публицистический заряд и знание жизни Америки. А спектакль, поставленный большим мастером режиссуры А. А. Гончаровым, вобрал в себя и обострил все живое, интересное, что есть в пьесе.

Вспыхивают и гаснут предупредительные сигналы в холле телевизионной студии: три минуты, две минуты, одна минута остается до выступления Мартина Гроу, прокурора по делу об убийстве негритянского лидера Кларка. И пока идут эти минуты, Гроу окидывает взором все происшедшее с ним самим — его собственный путь к разоблачению убийц.

Сосредоточенный, как бы ушедший в себя, взвешивающий каждое слово — таков Мартин Гроу — В. Самойлов. Его богом еще недавно была карьера, и бог этот удобно соседствовал с элементарной порядочностью. Но вот пришел час, когда «хозяева» Мартина — политические боссы требуют от него скрыть совершенное ими преступление, свалив вину на коммунистов,— только при этом условии Гроу получит продвижение в сенаторы. Иначе... ему конец.

Гроу — Самойлов понимает: в случае отказа его ждет расправа, смерть — физическая и гражданская, его имя будет втоптано в грязь посредством доносов, фальшивок, инсинуаций... Ощущаешь, как трудно Гроу решиться на сопротивление. Ему, пожалуй, не хватает мужества, силы, сознания конечной цели; он боится, может быть, не столько за себя, сколько за дочь, которую ведь тоже не пощадят.

Обрести мужество Мартину Гроу помогают честные люди Америки.

Бой за человека — за его ум и сердце, за его настоящее и будущее — идет на всей планете. Разные принимает он формы. И по-разному отражает его искусство.

Бой за человека, за человеческое в нем — так, пожалуй, можно определить и сущность пьесы «Здравствуй, Крымов!» Р. Назарова. На программке Театра имени Евг. Вахтангова, извещавшей о премьере, слова: «Навстречу XXIV съезду КПСС». И это посвящение оправданно.

Из Москвы на Север, за тридевять земель, уехал человек на какую-то неведомую стройку. И не стал искать там работу полегче, а пошел в самую трудную бригаду, стал жить в общежитии, в одной комнате с бригадиром и его дружком,— и все для того, чтобы воспитать в «постороннем» парне Человека.

Могут сказать: что, мол, это за «хождение в народ»! Или: «ишь, как задумал отличиться!». Скажут — и не угадают!.. Доброта, требовательное отношение к себе, острое понимание человеческого долга — главное в Крымове, каким играет его Ю. Яковлев; доброта и активность отношения к жизни, к людям.

Ничего особенного, кажется, не совершает Крымов. Но всмотритесь в этого человека, говорит вам драматург, говорит актер, говорят режиссеры Е. Симонов и А. Ремизова,— и вы увидите, как богат душевный мир героя, как решительно подчиняет он свою жизнь главной задаче: помочь людям стать счастливее.

Но что есть счастье? В чем оно?..

«Обратный счет». А. П. Кторов — Эйнштейн и М. И. Прудкин—Мурхауз.

«Три минуты Мартина Гроу». Т. Карпова — Мадам.

«Затюканный апостол». А. Левинский в роли Сына.

«Здравствуй, Крымов!» Г. Пашкова — Маша, Ю. Яковлев — Крымов.

«А зори здесь тихие...». А. Попов (ЦТСА) и В. Шаповалов (Театр на Таганке) в роли Васкова.

О сегодняшнем понимании счастья, его «критериев» рассказывает новая пьеса молодого драматурга Л. Жуховицкого «Одни, без ангелов». О постановке ее в Академическом театре драмы имени М. Горького (режиссер А. Тумилович) в городе Горьком пойдет здесь речь.

Спектакль оформлен покойным художником В. Герасименко; оформление необычайно выразительно, изящно, легко, и удивительно «подходит» облику героев — молодых людей, разных по характеру и интеллекту. Среди них — в центре спектакля — врач Сергей. Способный актер Г. Эллинский прячет незаурядность своего героя за спокойной сдержанностью, скромностью, нелюбовью к цветистой фразе. А среди персонажей «неглавных» — Галя, пятнадцатилетний подросток; «утенок», у которого за спиной уже прорезались «крылья лебедя». Искренность сценического поведения актрисы Т. Брухацкой заставляет нас горячо симпатизировать Гале, поверить в ее первую, «несчастную» любовь, глубоко оценить ее стремление понять людей и выбрать свой путь, свое дело, нужное людям.

И все же — свободны ли пьеса и спектакль от недостатков?..

Пожалуй, самый существенный недостаток в том, что молодежь изображена изолированно. Отсутствие нравственных, жизненно необходимых и реально существующих контактов со старшим поколением обнаруживает некую нарочитость авторского замысла. А это не украшает, конечно, ни пьесу, ни спектакль при всей несомненной их и свежести и профессиональности.

И еще одна программка. В верхнем углу портрет М. С. Щепкина, чьим именем назван театр — Белгородский областной драматический... Помню: накануне Первомая сюда на праздничный вечер собрались рабочие и служащие — передовики производства, после торжественной части были показаны «Аристократы» Н. Погодина.

Веселый праздник — и вдруг «Аристократы»! Как-то примет публика пьесу тридцатых годов, хотя и вошедшую по праву в фонд советской классики?.. Прозвучит ли, выявится ли патетика трудовой «перековки»?..

Все прозвучало!.. Зрители смотрели спектакль с интересом не только потому, что пьеса несет в себе заряд информации о тех тревожных и героических днях, ставших историей; не только потому, что спектакль, поставленный Леонидом Моисеевым, безусловно, заслуживает похвалы. Но еще и потому, что жива благородная мысль о могучей воспитательной силе доверия и уважения к человеку. Обновленная сценически, она волнует и сегодня.

Мысль эту отчетливо доносят до зрителя способная молодая актриса С. Кубарева, исполнительница роли Сони, А. Баратов — Костя-капитан, В. Бондарук — Громов, В. Катаев — Садовский и другие исполнители... Отчетливо акцентированная, нравственная тема спектакля как бы заново освещает пьесу.

Так что же все-таки ведет все эти спектакли, о которых шла речь,— такие разные по содержанию, по жанрам, по сценической форме,— в то единое русло, куда они вливаются?..

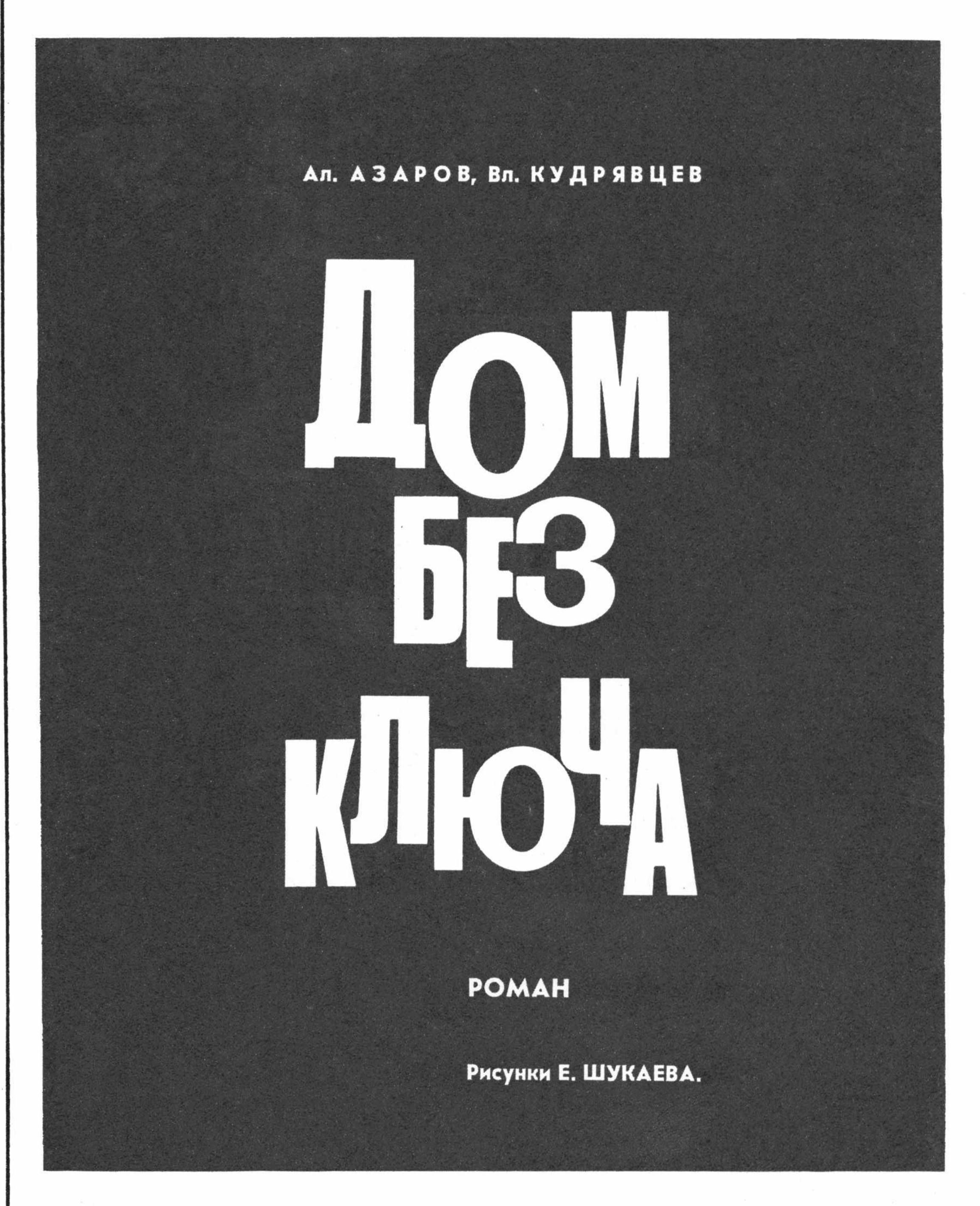
Наверное, русло это можно определить как **особый, ярко выраженный, несущий черты обновления интерес драматургов и театров** к большой **человеческой** проблеме... «Человек и окружающий его мир»; «человек и большое, полезное дело»; «человек и многообразие его связей — личностных и общественных»...

Скажут: а разве не было в сезоне спектаклей, которые стоят особняком, не впадая в такое русло?.. И так ли уж все гладко, так ровно в этом стремительном театральном потоке?..

Да вовсе нет!.. Именно в «неровностях», в преодолении различных трудностей, в обостренных подчас спорах рождались многие постановки этого в целом очень интересного сезона...

Но сколько же программок, увы, еще осталось на столе!

...Новые пьесы — черты нового в них, новизна в постановках старых пьес — все это можно обнаружить, пожалуй, в каждом театре, в любом театральном сезоне. Но, кажется, что в сезоне истекшем эти черты проявились особенно явственно, зримо.

Ал. АЗАРОВ, Вл. КУДРЯВЦЕВ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

РОМАН

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

22. ЯНВАРЬ, 1943. ПАРИЖ, ОТЕЛЬ «ЛЮТЕЦИЯ».

Еще со дня приезда в Париж Шустер приучил подчиненных к мысли, что по нему можно сверять часы. Точность во всем он относит к числу тех выдающихся качеств, которые отличают кадрового офицера от штафирки. Среди других качеств, менее выдающихся, числятся воля, настойчивость и умение соблюдать дистанцию как с высшими, так и с низшими. Кроме того, офицер — германский офицер! — должен быть предан фюреру и фатерланду. Жить в Париже, по мнению Шустера, все равно, что жить в Содоме, и тем не менее он ни разу не дал повода кривоногому Родэ написать донос в штаб Рейнике. Более того, Шустеру удалось самому уличить фельдфебеля в пристрастии к маленьким девочкам, и теперь Родэ ходит перед ним на цыпочках.

— Я строг, но справедлив,— сказал ему Шустер в конце беседы с глазу на глаз.— И я очень ценю солдат, помнящих, что непосредственный начальник есть лицо, облеченное доверием фюрера.

После скандальной неудачи в Марселе последовал приказ Рейнике об отстранении фон Моделя и передаче в подчинение Шустеру всех сил радио-абвера во Франции, в том числе и 621-й радиороты. От ярости бригадефюрера Моделя спас фон Бентивеньи, срочно отозвавший его в Берлин под предлогом доклада Канарису. Унтерштурмфюрер, упустивший на рю Хеффер незнакомца с просроченным удостоверением, был предан дисциплинарному суду и направлен на передовую. Описание незнакомца Рейнике сличил с картотекой гестапо и, не найдя в ней данных, решил было, что штурмбанфюрер попросту растяпа, не позаботившийся своевременно продлить документы, и сделал о нем представление в канцелярию гаулейтера Абеца. Ответ, полученный с обратной почтой, привел Рейнике в неистовство: заместитель Абеца решительно утверждал, что ни в 1938 году, ни в другое время офицер, интересующий бригадефюрера Рейнике, не входил в состав французского отдела Заграничного бюро НСДАП. Рейнике приказал арестовать проштрафившегося унтерштурмфюрера и вернуть его для допроса в Париж, но приказ выполнить не удалось: офицер был убит чуть ли не через час после прибытия на передовую... Легче всех, как ни странно, отделался Мейснер. Спасла ли его былая причастность к СД, или где-то в Берлине у лейтенанта оказалась крепкая рука, в нужный момент вытащившая его из ямы,— так или иначе, к удивлению Шустера, Мейснер получил только выговор и был прикомандирован без должности к штабу Рейнике. Встречаясь с ним в казино, Шустер всякий раз уподобляется Янусу. Один на один он преисполнен понимания и сочувствия; в присутствии коллег холоден и вежлив в той степени, которая свидетельствует, как низко пал Мейснер в его глазах после своей оплошности. В глубине души Шустер чуть-чуть злорадствует: когда бригадефюрер поручил операцию в Марселе Моделю и Мейснеру, Шустер чувствовал себя обойденным; теперь судьба сама восстановила справедливость.

«Мы идем,— напевает Шустер,— пыль Европы у нас под ногами...» Оттопырив языком щеку, он нежно натягивает кожу на подбородке и проводит по ней бритвой. Мыльная пена, тихо шипя, волнисто оседает над верхней губой. Утреннее бритье доставляет Шустеру неизъяснимое удовольствие. В зеркальце он видит собственное отражение — мужественное лицо солдата с мощным носом и хорошо посаженным подбородком. Щеки отливают закаленной сталью в тех местах, где золингеновская бритва сняла размягченную мылом щетину. Шустер подравнивает виски и выглядывает в окно. Оно выходит во двор, плиты которого отсюда, сверху, кажутся детской мозаикой. В углу двора, у распахнутой двери гаража, черным лакирован-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—26.

ным жучком уткнулся в стену ДКВ. Возле переднего колеса на корточках выпячивает свой необъятный зад Родэ. Мельком глянув на часы и отметив, что до шести не хватает трех минут, Шустер тщательно растирает лицо кельнской водой и запудривает крохотный порез у кадыка. Трех минут должно хватить на то, чтобы одолеть пять маршей лестницы, проверить, все ли пуговицы застегнуты, и выйти во двор походкой человека, точно знающего цену своему времени.

День начинается хорошо. Дежурный разбудил Шустера ровно в пять, а Родэ явился в половине шестого, хотя и не обязан был этого делать. Шустер не приказывал ему вчера, а только намекнул, что ему было бы приятно рвение фельдфебеля, и вот результат: Родэ, этот завзятый соня, пожертвовал утренним отдыхом и галопом прискакал через весь Париж. Что ни говори, но настоящий офицер должен знать маленькие тайны подчиненных и обращать их на пользу службе.

— Вольно,— говорит Шустер, пересекая двор, и снисходительно машет взметнувшемуся Родэ.— Как аппаратура?

Ноздри Шустера раздуваются. Утро приятно пахнет влагой, бензином и кельнской водой. Шелковое белье холодит не остывшее от сна тело. Часовой у ворот при виде Шустера подбирается и делает каменное лицо.

Родэ сдвигает пилотку на затылок. Показывает редкие крупные зубы.

— Господин капитан опробуют приборы сами?

— Ты осматривал их?

— Гониометр как часы... Я настраивался на Эйфелеву башню и брал разные режимы. Чудо что за штучка!

Крошка ДКВ до отказа набит радиоаппаратурой. Рамка пеленгатора, переделанная по чертежам Родэ, вмонтирована в пол салона; заднее сиденье снято, и вместо него на консолях подвешены приемные устройства фирмы «Радио-Вольф». С ними было немало возни. Шустер, наученный горьким опытом сорок первого года, собственноручно проверил монтаж и доброкачественность самой схемы, а после него это же сделал Родэ. Два года назад новенькие автопеленгаторы радио-абвера, только что выкатившиеся за пределы заводского двора, все как один оказались лжецами. Расхождение данных пеленга с истинными координатами составляло от 3 до 5 градусов; если поверить пеленгаторам, то передатчик, расположенный, к примеру на крыше Нотр-Дам, пришлось бы искать где-нибудь возле Пантеона. Гестапо пришлось изрядно потрудиться, прежде чем «Радио-Вольф» был очищен от замаскировавшихся красных, но у Шустера с той поры сохранилось стойкое предубеждение против фирмы и ее продукции. На этот раз, однако, аппаратура работает превосходно, и Шустер рискнул пригласить бригадефюрера на первый сеанс. Если все пройдет гладко, полтора десятка ДКВ, весьма безобидных на вид, превратятся в передвижные радиоловушки. Трюк с палатками изжил себя. Шустер, разумеется, не стал докладывать бригадефюреру подробности неудачной охоты в Версале, но про себя решил, что скорее всего именно палатки насторожили русского радиста и заставили его улизнуть... ДКВ, застрявший у тротуара, никому не бросится в глаза. Он может стоять хоть сутки, не наводя на дурные мысли: в представлении любого радиста пеленгатор никак не должен разместиться в микролитражке. Серийные пеленгаторы перевозятся на «майбахах». О своем новшестве Шустер тактично доложил и бригадефюреру и в Берлин, умолчав, что идея принадлежит Родэ.

В качестве первой жертвы Шустер избирает передатчик, окопавшийся в районе госпиталя Сан-Луи. По понедельникам он вылезает в эфир именно оттуда и начинает работу в 6.50. Волну он использует не дольше десяти минут, и это сильно мешает Шустеру. За такой промежуток трудно надежно скорректировать пеленг из неподвижной палатки и еще труднее бывает выбрать для нее новое место. А сколько хлопот с перетаскиванием аппаратуры и ее установкой! Мобильность ДКВ — залог успеха. За десять минут он сможет не меньше чем на километр подобраться к корреспондирующей станции, корректируя пеленг на ходу.

Шустер любовно поглаживает машину по блестящему крылу. ДКВ выглядит именинником: стекла промыты и протерты замшей, сиденье вычищено, коврик выбит. Родэ чистой ветошью шлифует колпаки на скатах; его физиономия, отражаясь в выпуклой хромированной стали, напоминает лягушачью морду. Шустер нисколько не удивился бы, услышав кваканье.

— Хватит,— говорит он, оглаживая крыло.— Живо в гараж и приведи себя в порядок. И запомни: ни слова! О чем бы ни спросили, отвечать буду я. Ты хорошо понял?

Вздохнув, Родэ разгибается и ныряет в гараж.

«Мы идем,— напевает Шустер.— Трепещите, евреи и красные террористы, идут истинные немцы...» Изумительная все-таки вещь — песня Хорста Весселя! Сила! Ритм! Каждое слово полирует кровь! «СА марширует... тара-бум-бум...» Трубы, барабаны и литавры. Никаких скрипочек.

Родэ выбирается из гаража, как из пещеры, как раз тогда, когда Рейнике появляется на ступенях подъезда. Шустер застывает, вскидывает руку:

— Хайль Гитлер!

Тонкая ладонь бригадефюрера, обтянутая серой замшей, плавает где-то на уровне живота; сонное лицо почти неподвижно.

— Хайль...

Команды «вольно» нет, и Шустер продолжает торчать столбом. Из-за плеча Рейнике высовывается физиономия Мейснера. Ну, конечно, и здесь без него не обошлось! Таскается за бригадефюрером как приклеенный... В руках у Мейснера большой желтый портфель; острая мордочка увенчана фуражкой. Другие офицеры стараются держаться в почтительном отдалении, но для Мейснера, по-видимому, нет правил поведения; он, точно адъютант, позволяет себе идти почти рядом с бригадефюрером, гордо неся его портфель. Странная роль — «прикомандированный без должности». Странная и опасная для других. На всякий случай Шустер, дав Рейнике пройти, улыбается Мейснеру.

— Ну? — спрашивает Рейнике и нетерпеливо поводит плечом.— Где ваше чудо, капитан? Когда мы его увидим?

— Все готово, бригадефюрер. На машину назначен фельдфебель Родэ, лучший специалист роты.

— И самая толстая задница в Париже,— добавляет Мейснер, вызывая усмешку Рейнике.

— Разрешите начать? — спрашивает Шустер и, уловив кивок, поворачивается к фельдфебелю: — Приступайте!

Родэ забирается в машину. На часах Шустера 6.49. Рамка пеленгатора поскрипывает из глубины салона ДКВ.

— Включаю,— бубнит Родэ.

— Направление?

— Сто два!

Шустер отодвигается, давая возможность бригадефюреру заглянуть в глубь кузова. Наклоняется сам, ощущая, как к прежнему запаху воды и кельнского одеколона примешивается сильный аромат лаванды.

— Контакт?

— Контакта нет! — отзывается Родэ.

— Направление?

— Сто два точно, но контакта нет, господин капитан!

Шустер ужом проскальзывает мимо Рейнике в дверцу и едва не падает на экран. Осциллограф светится тусклой зеленью. Всплесков нет. Родэ механическим приводом разворачивает рамку, работает верньерами. Экран фосфоресцирующей гнилушкой раздражает глаза. Голова Родэ, оседланная наушниками, качается перед носом Шустера. Родэ оборачивается.

— Приема нет.

На шкале волн — 16,1. Все правильно: понедельник, 6.52, волна шестнадцать и одна, направление сто два градуса. Все на месте, кроме главного — рация пропала...

Шустер выбирается из машины совершенно раздавленный. Родэ все еще копается в аппаратуре, разворачивает рамку. Рейнике подергивает коленом.

— Есть! — кричит Родэ.

Шустер переводит дух.

— Направление девяносто пять...

— Проверь!

— Девяносто пять точно... Его почерк...

— Что случилось? — спрашивает Рейнике.

— Сменили место...

— Только место?

— Пока не знаю, бригадефюрер. По расписанию эта рация должна работать в зоне госпиталя... Что-то изменилось... надо разобраться...

— Разберитесь! — ледяным тоном говорит Рейнике и подтягивает перчатку.— Желаю удачи, капитан!

Мейснер, прищурившись, мечтательно рассматривает воробьев, скачущих по крыше гаража. Глядя на него, Шустер наливается тихой злобой. Нет сомнения, что на обратном пути лейтенант растолкует Рейнике смысл происшедшего. На прошлой неделе Шустер докладывал, что систему русских можно считать в общих чертах расшифрованной. И вот... Хорошо, если сменились только квартиры, а график выхода в эфир остался прежним. Даже в этом случае понадобятся недели, чтобы подобраться к передатчикам; если же и график пересмотрен, то все придется начать сначала... Черт его принес сюда, этого Мейснера!..

А между тем Мейснер как раз весьма далек сейчас от мысли подставить ножку Шустеру. И желтый портфель принадлежит не Рейнике, а ему самому. На дне этого портфеля лежит одинединственный листок бумаги, ради которого лейтенанта ни свет ни заря поднял с постели курьер из французской политической полиции. Получив листок, Мейснер помчался в «Лютецию» и перехватил бригадефюрера у самого порога, немало удивив его своим появлением. Бумажка стоит того, чтобы явиться незваным, и Мейснер надеется встретить понимание. Следя сейчас за воробьями, он думает о своем, нисколько не интересуясь смыслом доклада Шустера. Новость, принесенная им, неизмеримо важнее данных всех пеленгаторов, вместе взятых: Мейснер нашел связную из Марселя! Да, именно так!.. Какая удача, что, покидая Марсель, он не поленился притащить в Париж тех троих секретных агентов распущенной в сороковом «Сюртэ женераль», которые были приставлены им к пансиону на рю Жарден! Он прихватил их сюда без крайней надобности, хотя в данную минуту готов утверждать, что уже тогда не сомневался в успехе и глубоко продумал план действий. Шансов за то, что связная объявится в Париже, практически не было, и Мейснер подкармливал свою троицу во имя бога Случая. И Случай помог! Вчера вечером один из агентов, болтавшийся без дела в пассаже Лидо, увидел связную, сидящей за столиком кафе. Пока агент звонил по телефону в ближайший комиссариат, связная удрала из пассажа... По дурацкому совпадению Мейснер весь день проторчал в штабе генерала Штюльпнагеля, улаживая вопрос о новом своем назначении, и агент не сумел дозвониться ему на квартиру. Вечер Мейснер провел в офицерском кабаре, а большую часть ночи — у одной забавной толстушки, зовущей его «Пуппи».

Рискуя вызвать неудовольствие и даже разнос Рейнике, Мейснер ни на шаг не отстает от него до самой машины, оттирая плечом офицеров охраны. Шустер плетется в хвосте процессии и, кажется, только и ждет, когда все наконец уедут. Мейснер распахивает дверцу и, плотнее прижав к боку драгоценный портфель, набирается смелости.

— Бригадефюрер... Очень важное сообщение!

Рейнике убирает ногу с подножки. Ему, очевидно, понравилась шутка в адрес Родэ, и сейчас он смотрит на Мейснера не слишком холодно.

— Вот как? Настолько важное, чтобы докладывать на улице?

— О нет, бригадефюрер!

— Садитесь!

Миг торжества. Красные кожаные подушки беззвучно оседают под Мейснером. С легким шелестом «оппель-адмирал» срывается с места, оставив на тротуаре возле отеля раздосадованного Шустера, едва успевшего вытянуть руку в прощальном жесте. Мейснер сидит, придерживая портфель на коленях, и ждет вопросов.

Рейнике щелкает портсигаром, закуривает.

— Так в чем же дело?

Мейснер извлекает рапорт со дна портфеля с таким видом, словно там у него сколько угодно подобных документов. В штабе Штюльпнагеля и в аппарате Рейнике он приобрел некоторые навыки, могущие поспособствовать карьере.

Рейнике, держа листок на отлете, приставляет к глазам очки. Он дальнозорок, но старается не пользоваться стеклами на людях; очки его безобразят. Мейснер, волнуясь, открывает и закрывает замок портфеля. Губы его сохнут.

Рейнике жует золоченый мундштук сигареты.

— Вы правы, это важно... Ваш человек не мог ошибиться?

— Уверен, что нет.

— Фотография девицы у нас есть?

— Целое досье. Изъяты при обыске у родителей. Кроме того, комиссар Гаузнер составил ее словесный портрет — еще в Брюсселе.

— Где ваш человек?

— Отдыхает.

Рейнике роняет пепел на мундир.

— Скажите ему, что в следующий раз, если он упустит объект, я отправлю его в Сантэ. Нет, не в Сантэ, а в Дахау!.. Дайте ему пятьсот марок, и пусть ищет! Остальные тоже!.. Он что, спугнул ее?

— Не думаю. Скорее всего девица пообедала и ушла.

— Займитесь пассажем. Узнайте у хозяина кафе все, что надо.

Мейснер, сидя, щелкает каблуками.

— Да, бригадефюрер!

Рейнике странно улыбается.

— А вы ловкая шельма, Мейснер! Маленькие секреты от начальства и утренние сюрпризы. Кто научил вас всему этому?

Тон его ласков, но у Мейснера на висках выступает пот. Говорят, что рейхсфюрер Гиммлер всегда бывает особенно нежен с теми, кого готовится спровадить в пропасть. Как знать, не взял ли Рейнике себе за образец господина рейхсфюрера? Размышлений об этом Мейснеру вполне хватает на всю дорогу от «Лютеции» до Булонского леса.

23. ЯНВАРЬ, 1943. ЖЕНЕВА, РЮ ЛОЗАНН, 113.

Если настенный электрохронометр «Докса» полтора часа подряд показывает 9.21, то смело можно считать, что он испортился. Но если тот же хронометр подсоединен к передатчику и выключается на время сеанса, а сам сеанс никак не должен длиться так долго, правильнее будет полагать, что у Бушей не все в порядке... Ширвиндт, не задерживаясь, переходит на противоположный тротуар, останавливается и завязывает шнурок на ботинке, пытаясь одновременно разглядеть сигнал опасности в левом верхнем окне. В случае всяких осложнений Буши выставляют в нем фарфоровую танцовщицу в пачке. Жалюзи спущены, дверь магазина закрыта, и Ширвиндт, так ничего и не решив, возится со шнурком. «Докса» над дверью магазина продолжает показывать 9.21. Входить нельзя!

Ширвиндт вывязывает симметричный бантик и притопывает каблуком, словно проверяя, все ли в порядке. Дольше задерживаться не стоит. Жена Буша, Минна, позвонит, очевидно, в контору, и все разъяснится. Вчера она дала знать, что ждет в одиннадцать часов: речь шла о какой-то сумме, которую Минна собиралась вручить «Геомонд» для принятия на банковский счет. Ширвиндт толком не понял, откуда получены деньги и почему они оказались у Бушей, возможно, их прислал Жак-Анри? Связной тоже ничего не мог объяснить: его обязанности ограничивались передачей записки.

Поправив штанину, Вальтер делает первый шаг, чтобы уйти, но останавливается: дверь магазина открывается, и одновременно в глубине помещения звонко и весело звенит колокольчик. Это не Минна. И не покупатель. Господин в сером котелке, перешагивающий порог, не обременен покупками. Ширвиндт делает несколько шагов, понимая, что уже поздно...

— Господин Ширвиндт?

Вальтер оборачивается.

— Признаться, я так и думал, что вы придете сюда...

— С кем имею честь?

Серый котелок повисает в воздухе.

— Шриттмейер... Если вы не спешите, мы могли бы побеседовать.

Ширвиндт мысленно обшаривает свои карманы. Бумажник, ключ, носовой платок. Ничего компрометирующего. А в конторе?.. Идет ли там обыск?

— Я вас не знаю! — говорит он резко.

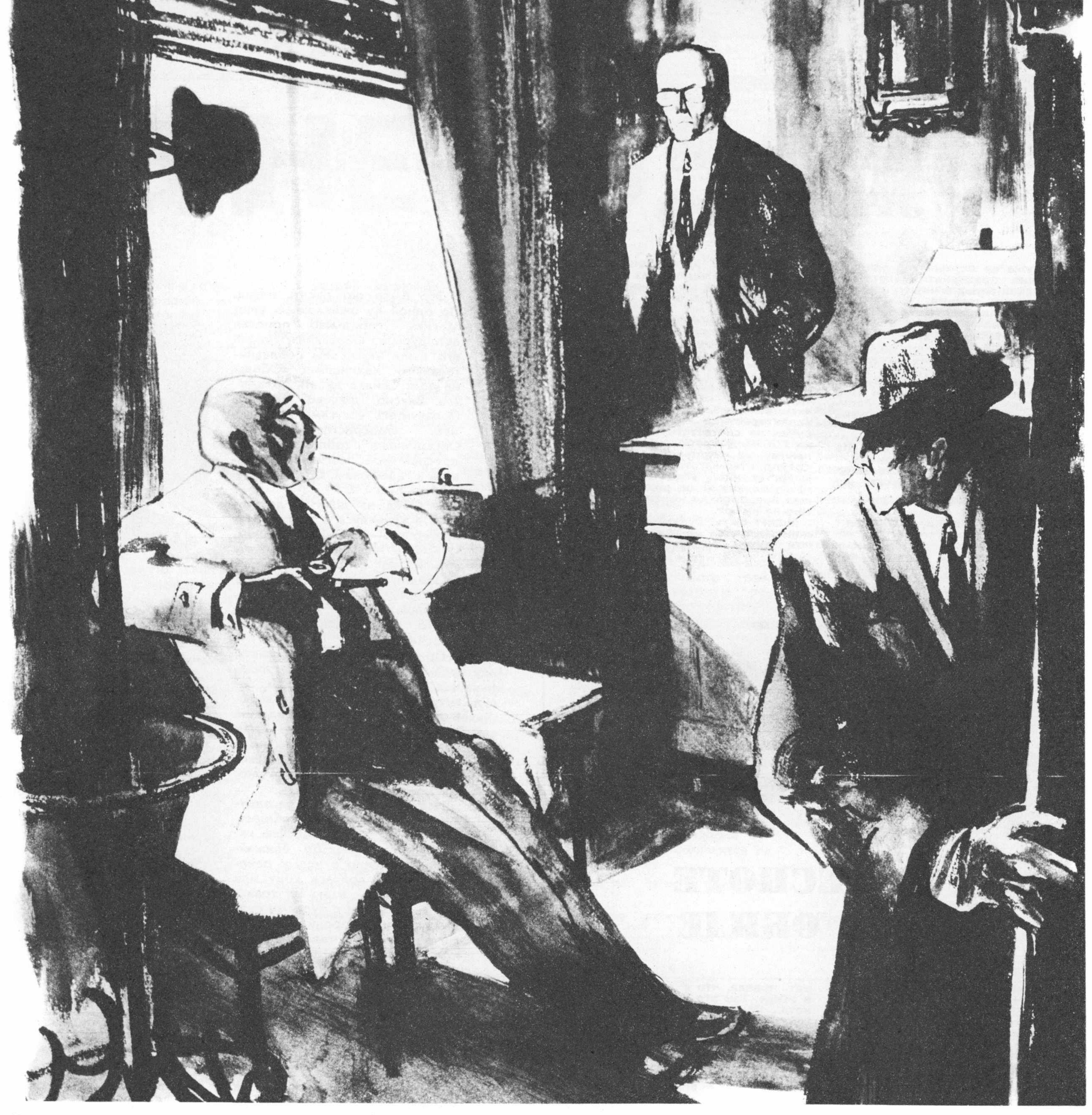
Шриттмейер осторожно, почти робко прикасается к его руке.

— Я из полиции. Показать документы?

— Это официальный разговор?
— О нет...
Продолжая идти, Ширвиндт роняет:
— У меня нет дел с полицией. Тем более частных.
— Вы не поняли,— тихо говорит Шриттмейер.— Это, конечно, не допрос, но и не частная беседа. Мне кажется, нам лучше продолжить у вас в конторе. Сегодня как раз воскресенье, и нас не будут отвлекать.
— Хорошо, пойдемте!
Больше не о чем пока говорить, и они идут молча. Шриттмейер с достоинством несет свой котелок на яйцеобразной голове. Кажется, что она сидит не на шее, а на пьедестале. У подъезда «Геомонд» к ним присоединяется широкоплечий здоровяк в макинтоше, вышедший из подворотни.
— Я не один,— словно извиняясь, говорит Шриттмейер.— Он нам не помешает.
— Это уже слишком, инспектор!
— Комиссар, если позволите.
— Тем более! Вторжение в частное владение?.. Я немедленно звоню адвокату!..
Шриттмейер смущен.
— О, прошу вас... не надо лишних слов. Ордер подписан генеральным прокурором конфедерации. Разве я рискнул бы нарушить закон?
Ордер в порядке. Ширвиндт убеждается в этом, прочитав документ от заголовка до подписи. Не заполнена только графа: «По подозрению или обвинению в...» Там стоит прочерк.
Войдя в кабинет, Ширвиндт бросает бумагу на письменный стол.
— Ищите!
— Сначала, если позволите, несколько вопросов.
Шриттмейер деликатно присаживается у стены, кладет котелок на колени. У него вид просителя, а не полицейской ищейки. «Черт бы побрал все эти фокусы!— думает Ширвиндт.— Когда взяли Минну?.. Неужели за передатчиком?..»
— Вы знали Роз? — спрашивает Шриттмейер.— Роз Марешаль.
— Она служила у меня.
— Долго?
— Это допрос?
— Я не веду протокола... Марешаль долго работала с вами?
— В «Геомонд»?
— Где же еще!
— Я не стану отвечать.
Шриттмейер огорченно вздыхает.
— Напрасно, господин Ширвиндт. Вы один из немногих, кто мог бы пролить свет на ее исчезновение.
— С чего вы взяли?
— Мне так кажется... Вам известны ее привычки, увлечения, черты характера?
— В какой-то мере да.
— Вот видите! — Голос Шриттмейера все так же тих.— В ее студии в Давосе не нашлось ничего, что позволило бы нам выдвинуть обоснованную версию, в пансионе тоже... За исключением вот этого. Угодно взглянуть?
На ладони Шриттмейера лежит радиолампа. Ширвиндт, не сдержавшись, проглатывает слюну. К этому он не был готов. Как и почему лампа осталась в студии? Почему связной не нашел ее и не унес?
— Ну и что? — говорит он довольно спокойно.
— Ничего. Просто лампа.
Ширвиндт воинственно надвигается на комиссара.
— Лампа!.. Марешаль!.. Студия!.. Вы только что вышли из радиомагазина, господин Шриттмейер! Почем мне знать, не там ли вы ее прихватили? Уверен, что на прилавках магазина полным-полно подобного добра!
Шриттмейер держит лампу двумя пальцами. Огорчение, написанное на его лице, достигает наивысшей точки. Он буквально переполнен душевной болью за Ширвиндта, не понимающего самых простых вещей. Вальтер ждет, что комедия вот-вот кончится и будет то, что и должно быть: крик, угрозы, наручники, протокол...
— Вы не правы,— еще тише говорит Шриттмейер.— Это не совсем обычная лампа. Таких в продаже нет. Будь вы радистом, она сразу же показалась бы вам подозрительной. Но вы же не радист?
— Говорите прямо: что вам надо?
— Позвольте повесить котелок?
Вальтер кивает на вешалку и ждет продолжения. Странный разговор начинает его интересовать. Этот Шриттмейер удивительно откровенен.
— Я не радист,— говорит Ширвиндт.
— А Марешаль?
— Откуда мне знать?
Шриттмейер всем своим видом выражает согласие.
— Действительно, откуда? Будь я приватно связан с английской или немецкой разведкой, я бы, разумеется, не стал информировать об этом фирму, в которой служу. Если допустить мысль, что Марешаль была человеком «Интеллидженс сервис», то зачем бы она призналась вам?
— Вы говорите — англичане? А почему не немцы?
— На немцев Марешаль не работала. Нелогично было бы для СД или абвера похищать собственного агента. Ведь так?
Дверь открывается, и на лице Шриттмейера мелькает досада. Полицейский заглядывает в кабинет.
— В чем дело?
— Уже двенадцать, комиссар.
— Ах да... Начинайте, но поаккуратнее! Постарайтесь ничего не порвать и не разбить... Он нам не помешает, господин Ширвиндт.
Полицейский неслышно закрывает дверь, и тут же за стеной кабинета что-то со звоном падает на пол. «Саксонские часы!— догадывается Ширвиндт.— Хорошее начало!» Шриттмейер поджимает губы и беспомощно разводит руками.

— Прошу вас,— двусмысленно говорит Ширвиндт и любезно улыбается.— Продолжайте, пожалуйста. Все так интересно...
Почти восточная дипломатия! Каждый старается «не потерять лицо», и если так пойдет дальше, то дело кончится заверениями во взаимной дружбе... Несмотря на серьезность положения, Ширвиндт посмеивается про себя. Голова его работает холодно и трезво. Он уже успел отметить, что Шриттмейер говорит с акцентом, характерным для уроженца северо-западных кантонов, где преобладает немецкое население и немецкая речь. Отметил он и то, что комиссар без всякой надобности преждевременно выкладывает на стол доказательства, словно давая возможность подготовиться и опровергнуть их там, где пойдет настоящий допрос.
— Нас отвлекли,— говорит Шриттмейер, выдержав вежливую паузу.— Роз Марешаль — француженка, но дружила с семьей Бушей, немцев, имеющих швейцарское подданство. Буш — торговец радиотоварами. Я готов был бы предположить, что лампа — подарок господина Буша, невинный сувенир, если бы не то, что госпожу Буш застали сегодня за работой на передатчике... Видите ли, господин Ширвиндт, в июле или августе в мой отдел пришла анонимка. Я собирался было забыть о ней, но делопроизводитель уже внес ее в реестр. Мой бог, если б вы знали, сколько доносов получаем мы каждый день! Судя по ним, все иностранцы, получившие убежище в Швейцарии, занимаются шпионажем. Шпиономания и война всегда сопутствуют друг другу... Так вот, анонимку передали мне, а я был слишком занят, чтобы уделить ей должное внимание. Тем более что мадемуазель Марешаль обвиняли в связи с одной из разведок, не приводя ровным счетом никаких доказательств... Вы следите за моей мыслью?
— Да,— говорит Ширвиндт и садится напротив.— Продолжайте.
— Швейцария — маленькая страна. Очень маленькая, господин Ширвиндт. Ей не по силам воевать. Помните, в сороковом, когда носились слухи об оккупации — германо-итальянской, естественно! — что творилось здесь, в Женеве? Банки готовились приостановить платежи, а часовые фирмы намечали свернуть производство! Что сталось бы со Швейцарией, будь она оккупирована? Взгляните на Францию, мощную и цветущую Францию! Ей в пору стать у порога с протянутой рукой!.. Этот господин Гитлер — вы не находите, что он опасен?
— Опасен?
— Даже больше! Моя жена называет его «господин Обжора»... Впрочем, вы ведь немец?
— Как и вы...
— Я — нет. Я швейцарец, хотя и предпочитаю говорить по-немецки: что поделаешь, каждому близок и дорог язык, выученный с детства. Но вы немец? И, конечно, антифашист?
Ширвиндт поеживается. Ощущение, словно ходишь по скользкому льду: никак не угадаешь, где упадешь. Достав сигареты, Ширвиндт медлит, закуривает. Дает спичке догореть до конца. Гасит, следя за черной нитью дымка. Рассеивая, дует на него и глубоко затягивается сигаретой.
— В чем обвиняли Марешаль? Это секрет?
Шриттмейер достает из пиджака трубку. Вертит ее в пальцах.
— В том, что она хочет разгрома Германии и способствует ему!
— Ни больше ни меньше?! Выдающаяся роль! Что-нибудь подтвердилось?
— В известной мере да. Похищение, лампа, передатчик у госпожи Буш...
— Это ее профессия, комиссар!
— Чья — госпожи Буш?
— Разумеется. Магазин торгует радиотоварами, следовательно, и передающими устройствами тоже.
Шриттмейер ковыряет спичкой в трубке.
— Да, да,— говорит он спокойно.— Ее никто и не обвиняет. Особенно, если принять во внимание солидность ее аргументов. В Швейцарии не запрещено торговать передатчиками и тем более не запрещено проверять их качество перед продажей. Вот если бы у госпожи Буш нашли шифры, записи, секретные документы!..
Дверь скрипит, и агент опять возникает на пороге.
— Я осмотрел низ, комиссар.
— Поищите наверху. Что вы там уронили?
— Колпак от часов.
— Я же просил — осторожнее!
Полицейский агент прикрывает дверь. Шриттмейер провожает его взглядом и толстыми пальцами приминает табак в трубке... Котелок... Трубка... Дома он скорее всего ходит в мягких шлепанцах без задников и по вечерам на кухне читает иллюстрированную газету. С женой он сух и неоткровенен, а дети боятся его, как епископа... А в сущности, он просто заурядный чиновник, живущий от повышения к повышению и откладывающий франки про черный день. Вот и все.
— Я плохо знаю семью Бушей,— осторожно говорит Ширвиндт.— Только как покупатель, не больше.
— Тем лучше... Господин Буш в отъезде, а Минна Буш, надеюсь, покинет Швейцарию. Так будет полезнее для нее. Не сомневаюсь, что лица, перечисленные в доносе, подвергаются реальной опасности. Да и что она теряет здесь? Магазин продан, родственники в Германии. Почему бы ей не перебраться подальше от нашей коричневой Европы? Некоторые латиноамериканские страны объявили о нейтралитете, а гестапо труднее проникнуть в Новый свет, чем в Женеву!
— Не берусь судить.
— Я говорю гипотетически. Это только частный совет, данный мною госпоже Буш. Она сама должна решить, как поступить... О господи, опять вы?

Полицейский мнется на пороге.
— Вы кончили?
— Остался кабинет...
— Хорошо. Начинайте, мы тоже побудем здесь.
«Минна продала магазин? — думает Ширвиндт.— Так вот откуда деньги для «Геомонд»!.. Если Минну не арестуют, ей придется уехать. Но, черт возьми, как все смахивает на провокацию!»
Агент делает свое дело молча. Сдвигает стулья, перебирает бумаги на столе. С особенным пристрастием разглядывает пробные оттиски карт. Ломая ногти, пытается открыть шкатулку для бумаг. Ширвиндт нажимает на боковую планочку — и крышка отскакивает. Вальтер спокоен: в шкатулке одни векселя.
«Пусть ищут»,— думает он, отходя и усаживаясь на козетке.
Агент, словно фигурка на рулетке, движется по ходу часовой стрелки. Быстрыми и точными движениями ощупывает каждую плитку паркета, листает конторские книги, передвигает, обстукав мебель. На лице у него ни усталости, ни разочарования. Шриттмейер сосет незажженную трубку и молчит. Ноги его в толстых, грубых ботинках удобно вытянуты, видны клетчатые шелковые носки. Где и когда Ширвиндт видел такие ботинки? На ком?
Воспоминание приходит не сразу... Дюрок!
Выигрывая время, Ширвиндт лезет за платком и, рассеянно улыбаясь, вытирает углы рта. Догадка может оказаться ошибочной, и тогда придется расплатиться дорогой ценой... «Решайся, Вальтер!..» Момент подходящий: Шриттмейер занят трубкой, а его помощник пытается отодвинуть книжный шкаф. Ширвиндт одним движением опускает руки в карманы брюк и негромко произносит:
— Не шевелиться! Стреляю!
Карманы его пусты. Вытянутые указательные пальцы оттопыривают материю... Что будет, если кто-нибудь все-таки шевельнется?!
Агент замирает у шкафа. Ширвиндт пятится к двери, не сводя взгляда с него и Шриттмейера, сидящего у стены. Руки Шриттмейера лежат на коленях.
— Так... Хорошо...— говорит Ширвиндт.— Полиция будет здесь минут через пять. И как вы не догадались, что к плинтусу подведена сигнализация?
Шриттмейер дергает щекой.
— Послушайте...
— Сидеть!— кричит Ширвиндт.— Впрочем, нет... Встань и иди к стене! Руки на затылок. Быстрее!
Медлить нельзя. Шок от внезапности не бывает длительным. Держа правую руку в кармане, Ширвиндт обыскивает Шриттмейера.
— Очень хорошо,— говорит он, доставая из пиджака комиссара пистолет.— Вы просто гениальный актер, Шриттмейер! Такая искренность! Попробуйте с той же дозой убедительности доказать полиции, что вы жулик, а не агент гестапо, и, может быть, отделаетесь полугодом тюрьмы.
В эту минуту Ширвиндт больше всего жалеет, что сигнализация, якобы подведенная к плинтусу, выдумана им, а не существует на самом деле: оставаться в комнате наедине с гестаповцами ему не улыбается. Но и уйти нельзя. Положение почти безвыходное.
— Стоять!— говорит он, отходя к двери и держа руку с пистолетом у бедра.— У нас мало времени, и мне нужна правда. Что с Минной Буш?
Шриттмейер тихо смеется:
— Ничего. Мы действительно из полиции, господин Ширвиндт. На вашем месте я все-таки взглянул бы на мое удостоверение. Оно в нагрудном кармане.
«А вдруг ошибка?! Но ботинки?.. Извечный немецкий стандарт...»
Ширвиндт не убирает пальца с гашетки.
— Вы покажете его инспектору. Не спешите, Шриттмейер.
— Я и не тороплюсь.
— Кто вас послал?
— Генеральный прокурор. Мы приехали из Берна. Здесь нас не знают.
— Даже главный комиссар Женевы?
— Даже он. Позвоните в Берн.
Помощник Шриттмейера не вмешивается в разговор. С руками на затылке стоит у шкафа. Настоящий полицейский вел бы себя иначе и попытался бы что-нибудь предпринять.
— Позвоните в Берн,— настаивает Шриттмейер.
— И не подумаю.
Не спуская глаз с немцев, Ширвиндт снимает трубку телефона и вызывает радиомагазин. Голос Минны возникает в мембране почти сразу же вслед за гудком.
— Говорит Ширвиндт!
— Вальтер?.. Слава богу!..
— Что у вас?
— Был обыск...
— Знаю. Где они?
— Один ушел часа два назад, а второй — только что. Что мне делать, Вальтер?
— Закройте магазин. Я скоро позвоню.
Ширвиндт опускает трубку на рычаг и задумывается. Ну и ситуация! Двое немцев и он один! Вызвать уголовную полицию? Нет, не стоит; показания немцев могут обернуться против «Геомонд». Они, пожалуй, достаточно разнюхали о его контактах с Роз и радиомагазином.
«Хорошо поставлено!— думает Ширвиндт.— И расчет недурен: запугать и заставить надолго прекратить работу. По логике Шриттмейера, что я должен делать? Конечно же, немедленно покинуть республику Гельвецию. На это и вся ставка! Не думал же он всерьез, что я забуду проверить в комиссариате личность некоего

Шриттмейера, перевернувшего вверх дном мою контору?»

Ширвиндт перекатывает сигарету из угла в угол рта. Свободной рукой трет подбородок. Невесело улыбается про себя. «Да, вышло бы, с точки зрения гестапо, очень забавно!.. Я звоню, мне отвечают, что комиссара с таким именем не существует, а ордер на обыск подложный, и Центр, учитывая положение, приказывает мне бросить все — связи, радистов, почтовые ящики — и бежать из Швейцарии... О нас в РСХА судят по своим собственным зарубежным резидентурам. Их человек на моем месте вышел бы из игры. Не потому ли Шриттмейер и не оказал сопротивления, что считает план выполненным? Пусть не по схеме, пусть с поправками на обстоятельства, но в целом — доведенным до логического завершения?..»

Ширвиндт делает вид, что колеблется.

— И все же не верится, что вы из полиции, господа.

У Шриттмейера дергается щека.

— Глупости. Позвоните в Берн.

— Будь мы из гестапо,— подает голос агент,— я размозжил бы вам голову. Нас все-таки двое, не забывайте об этом!

— К сожалению, помню.

— Он прав,— вмешивается Шриттмейер.— Если вы связаны с Марешаль, а мы гестапо, то почему бы нам не прикончить вас? Мы могли бы сделать это и раньше. Скажем, вчера. Где-нибудь на улице, вечером.

Ширвиндт чуть опускает ствол пистолета. Пусть считают, что он вконец озадачен... По сути, Шриттмейер сейчас играет ему на руку.

— При чем здесь Марешаль? Я думал, что вы грабители, пока вы сами не стали нести околесицу о шпионаже.

— Мы из полиции,—твердо повторяет Шриттмейер и осторожно косится на Ширвиндта.— Справьтесь в Берне. Мы из отдела Л-семь, главного комиссариата.

— Подождем инспектора.

— Ваш сигнал не сработал, иначе инспектор был бы уже здесь... Нам всем повезло, господин Ширвиндт: признаться, мне было бы не слишком приятно предстать перед коллегами в подобном виде. Да и вам трудно было бы объяснить, зачем вы все это проделали. Верните оружие, господин Ширвиндт, и позвоните в Берн.

Ширвиндт как можно убедительнее изображает человека, обуреваемого сомнениями. Лоб наморщен.

— Ну нет... Вернуть оружие — это уж слишком! Я не хочу рисковать. Если вы из полиции, то вечером придете за ним вместе с представителем местных властей. Согласны?

— Но это нелепо!..

— Другого я не предложу!.. А теперь вон отсюда!

С пистолетом наготове Ширвиндт провожает немцев до самого выхода на улицу. Запирает дверь и сдвигает заслонку глазка. Шриттмейер торопится уйти, агент спешит за ним. Сердце Ширвиндта, точно кувалда, проламывает себе дорогу в грудной клетке: ему тесно там, внутри, стиснутому обручами ребер. Ширвиндт смотрит в глазок, пока Шриттмейер и его подручный не скрываются из виду. Ощущая тяжесть в ногах, поднимается наверх. Садится.

Что же теперь?

Прежде всего выбросить пистолет. За ним не придут. Затем позвонить Минне Буш. Пусть готовится к отъезду. Власти не станут чинить ей препятствий: она швейцарская гражданка и вольна ехать, куда хочет. Адрес в Испании отпадает; Мадрид и Барселона — самые неподходящие места для человека, преследуемого нацистами. Остается Италия. Там ее не станут искать. Сегодня же ночью Минна Буш должна пересечь границу... Ну, а он сам? А «Геомонд»?

Ширвиндт обжигает пальцы о сигарету. Для него отъезд равносилен бегству капитана с мостика во время шторма. Он остается. При известных мерах предосторожности работу можно и нужно продолжать. Связи, конечно, следует изменить, от встреч с информаторами полностью отказаться, перейдя на аварийную схему контактов. И немедленно известить Центр.

На столе поблескивает стеклянным колпачком забытая Шриттмейером радиолампа. Ширвиндт двумя пальцами берет ее и подносит к глазам. Роз ли оставила ее в студии, или Шриттмейер взял в магазине — сейчас это не имеет значения... Ширвиндт прячет ее в шкатулку с векселями. Всякий раз, когда лампа попадется на глаза, она будет напоминать ему об осторожности. Заперев шкатулку, он снимает с полки книгу и, сверяясь с шифром, пишет короткое сообщение Центру. Ни слова лишнего. Только суть и итог: «Перехожу на аварийный вариант. Прошу утвердить. Работу продолжаю...»

Продолжение следует.

ИЗ КАКОЙ ЭРЫ?

Вот уже не первый год одно из сухумских предприятий пытается внести свой вклад в науку, изучающую орудия письма. Оно год за годом гонит шариковые авторучки, которыми нельзя двух слов связать — таков их коэффициент вредного действия.

Доверчивый любитель авторучек посмел все-таки приобрести в одном из южных магазинов три авторучки с надписью: «Сухуми». При первой же попытке что-то написать такой авторучкой стержень провалился в пустоту ее недр. Пришлось снять колпачок — он выпал с поразительной легкостью. На стержень нарастили спичку — лишь с таким «усовершенствованием» ручка позволяла записать номер телефона...

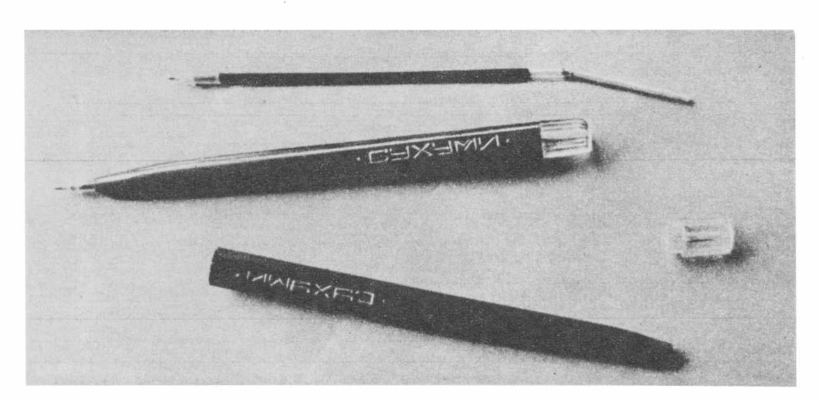
Но не более.

Никудышная поделка производит удручающее впечатление. И некрасивы сухумские авторучки и плохи в работе. На недавней выставке-ярмарке авторучек рядом с современными изделиями они казались пришельцами из какой-то доавторучечной эры. Такими они и остались. Такими они и будут, пока не переведутся попытки выпускать точнейшие приборы, какими авторучки являются, неприспособленными заводиками, артелями. Не выпускают ведь на такой манер часы?!

Передо мной ГОСТ 14130-69 «Авторучки автоматические шариковые. Типы, параметры и технические требования». Ни одна характеристика сухумских авторучек не соответствует требованиям ГОСТа. И претензии предъявить некому: на авторучках нет штампа предприятия-изготовителя, а к Союзоргтехнике, ведающей авторучечными заводами, некоторые южные предприятия никакого отношения не имеют.

Может быть, Сухумский горсовет заинтересуется местным поставщиком ручек архивысокого «КВД»?

К. БАРЫКИН

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

В вашем журнале был опубликован материал под новой рубрикой — КВД: «Коэффициент вредного действия». Вы писали, что «коэффициент» этот многолик, многообразен и проявляется самым неожиданным образом в самых разных сферах нашего бытия. Что ж! Увы, мы, подписавшие это письмо, убедились в том на собственном опыте.

Вот, например, одна из таких сфер — автотранспорт. Возьмем хотя бы наш город. Он называется Васильков. Это районный центр, расположенный всего в тридцати с лишним километрах от Киева. Хороший у нас город, но есть в его хозяйстве и недостатки. Главный из них как раз и связан с автотранспортом.

Васильковский автопарк обслуживает три основных для нашего района автобусных маршрута: Васильков — Киев, Васильков — Глеваха, Васильков — Калиновка. Вроде бы вовсе не плохо, что такой город, как наш, обслуживают три автобусных маршрута. Да, но как обслуживают! Ходят автобусы не по расписанию, во всяком случае, не по тому, что вывешено на остановках. Нередки даже случаи, когда рейсов, указанных в расписании, вообще не бывает. Кто их отменяет и почему, пассажирам не объясняют. В часы «пик» — а они довольно продолжительны — автобусы не могут вместить всех желающих. И столько пассажиров набивается в автобусы по утрам и вечерам, что на последующих остановках машины не останавливаются. А там ведь ждут люди... Но, допустим, вам посчастливилось, и вы сели в переполненный автобус. Не радуйтесь прежде времени: ваши муки только начинаются. Говорят, правда, что в тесноте — да не в обиде. Так это смотря какая теснота... Однако поездка в наших автобусах не доставит вам удовольствия не только по этой причине. Какой бы привлекательный пейзаж ни расстилался за окнами салона, вы его не разглядите: стекла залеплены грязью. Ни глазам радости, ни ушам — эти же самые стекла утомительно дребезжат. Нос свой тоже поберегите: нередко в автобусе висит едкий бензиновый смрад. И еще, не становитесь, пожалуйста, возле дверей — закрываются они неплотно. Да и возле мотора или у обогревательной системы не спешите устроиться: там очень жарко. И последний совет тем, кто пожелает путешествовать в васильковском автобусе: не берите с собой тяжелых сумок, ибо крючки, на которые их надлежит вешать, отсутствуют...

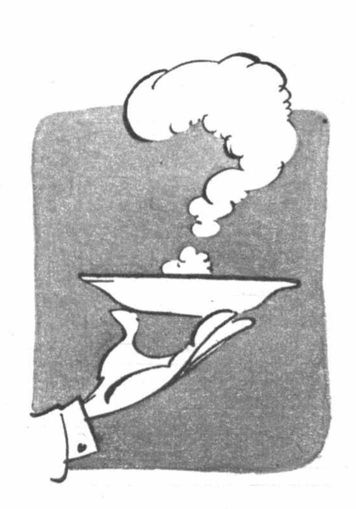
Впрочем, не надо впадать в пессимизм: перечисленные здесь недостатки не всегда имеют место. Бывают даже случаи, когда их нет. Заметим к тому же, что эти недостатки, конечно, не «смертельны». Однако в качестве КВД они действуют безукоризненно. Нам, пассажирам, хочется, чтобы эти недостатки были совсем искоренены. Ведь это возможно. Об этом свидетельствуют такие факты, как благоустройство автобусных остановок и появление в автопарке двух автобусов новой марки. Но вот ведь беда: все недостатки присущи и этим автобусам.

Студенты Киевского государственного университета А. ИГНАТЕНКО и В. БОНДАРЕНКО, инженер-технолог Н. НИКИТИНА, пенсионер И. ИГНАТЕНКО

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

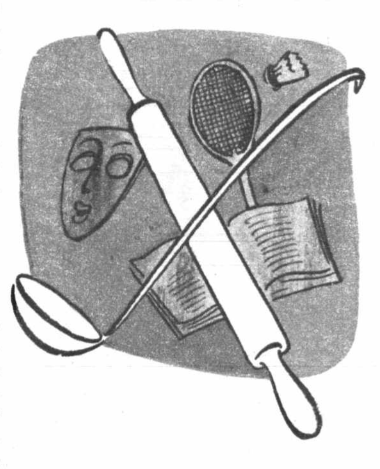
Это было лет десять назад. По одной из оживленных улиц Москвы горделиво проехал автофургон «Москвич». Борта его были украшены соблазнительными надписями: «Обеды на дом. Скидка десять процентов. Вкусно, дешево, удобно! Пользуйтесь услугами ресторанов «Мосресторантреста»!» Окрыленные соблазнительной перспективой, москвичи бросились к телефонам. Среди окрыленных был и я.

— Обед на дом? С доставкой? — удивились в первом же ресторане.— Впервые слышим.

— Еще чего захотели! — ответили во втором.— Желаете победать, приходите и займите очередь...— И, должно быть, вспомнив чье-то наставление, хмуро проворчали: — Милости просим.

Примерно те же ответы услышал я и в других ресторанах, а затем и в столовых, закусочных, кафе. Правда, выяснилось, что получать обеды на дом все-таки можно, и даже со скидкой. Но прийти надо со своими судками. Дешево, может быть, и вкусно, но, уж конечно, неудобно.

Над проблемой стоило задуматься. Предприятий общественного питания в Москве явно недостаточно. До ближайшего, особенно в новых районах, иногда полчаса ходу или минут десять езды на транспорте. Тащиться с пустыми судками в одну сторону, с полными обратно? Да что еще запоют вам пассажиры переполненного автобуса, если вы прольете на чужое пальто чуточку суточных щей или компот? Пожалуй, лучше уж действительно встать в очередь. Тем более что «милости просим».

А почему бы и в самом деле не организовать, да и не только в Москве, доставку обедов на дом? Ну хотя бы на первых порах в масштабе микрорайона, где находится столовая или ресторан. В конце концов ведь можно же снять трубку, позвонить в «Гастроном» и получить на дом заказ.

Социологи давно подсчитали, какую часть своего времени тратит хозяйка на приготовление обеда. Цифра удручающая. Сколько драгоценных часов, недель, месяцев, лет могли бы быть отданы отдыху, чтению, самообразованию, театру, спорту!..

Как же решается эта проблема? Пока наметилось два пути. Говорю наметилось, ибо здесь сделаны еще первые и далеко не семимильные шаги: магазины кулинарии и домовые кухни.

В Москве около двухсот магазинов «Кулинария». В сущности, все это филиалы рестора-

АТЬ НЕ ПОДАНО

нов, столовых, фабрик-кухонь. Давайте заглянем в один из таких магазинов, скажем, на Рублевском шоссе, дом 91. Это «Кулинария» ресторана «Юпитер». Посмотрим на ассортимент: котлеты, рубленые шницели, антрекоты, гуляш, шашлык, голубцы, блинчики, жареная рыба, отварное мясо, есть готовая гречневая каша, вареная свекла и морковь. За соседним прилавком — кондитерские изделия, кефир, молоко. Что ж, ассортимент неплохой. Конечно, полуфабрикаты — большое облегчение для хозяйки. Но какой же семейный обед без супа? Впрочем, в других магазинах и того нет. Наконец, и это самое главное, магазинов «Кулинария» пока еще мало.

Нет, полностью они не решают проблемы освобождения женщины от приготовления обеда на кухне.

Ну, а домовые кухни? Пожалуй, не найдется хозяйки, которая не благословляла бы судьбу, если в доме, где она живет, или поблизости от него есть домовая кухня. Пожалуйста, готовые супы, разнообразные вторые блюда с гарниром на любой вкус. Остается только подогреть — и обед готов. Можно даже заказать обед по собственному вкусу. Но и тут та же беда: на всю Москву всего 124 домовых кухни. Значит, и они не решают проблемы.

А теперь вернемся к рекламному «Москвичу».

В газете «Вечерняя Москва» появились рекламные объявления ресторанов «Прага», «Пекин» и «Советский»: «Заказывайте обеды на дом». Читатели были приятно удивлены. В «Прагу», «Пекин» и «Советский» звонили из разных концов города. Естественно, рестораны могли обслужить только свои микрорайоны. Круг заказчиков сузился. Тем не менее счастливчики были довольны. Утром можно было позвонить по телефону, узнать меню (цены вполне умеренные: днем рестораны отпускают обычные, дешевые обеды), а в назначенное время прибывал заказанный обед. С десятипроцентной скидкой! За доставку несколько копеек с блюда.

Но постепенно доброе дело начало хиреть: слишком хлопотно. «Прага» и «Советский» прекратили доставку обедов. Устоял лишь один «Пекин». Честь и слава ему. Есть, правда, одно «но». Постепенно круг счастливчиков резко сузился, и все это преимущественно инвалиды и престарелые пенсионеры.

Тоже, конечно, благородное дело. Но тут ресторан «Пекин», к счастью, не одинок. Как сообщили в Главном управлении общественного питания Моссовета, 140 московских столовых ежедневно доставляют более тысячи обедов для престарелых и инвалидов.

Итак, тысяча престарелых и инвалидов обеспечены обедами. Ну, а как же остальные? Почему любая хозяйка не может утром снять трубку и заказать в расположенной близ ее дома столовой или ресторане недорогой готовый обед?

— Во-первых, невыгодно,— честно признается директор ресторана «Пекин» А. Сурин.— Обеды на дом отпускаются с десятипроцентной скидкой, а за доставку мы берем всего четыре копейки с блюда. В результате убыток около трехсот рублей в год. Во-вторых, нет специального транспорта. Машина, которую предоставляет нам Мосторгтранс, едва успевает справляться с другими срочными делами, и на доставку обедов остается час-другой в день.

Проблемы, прямо скажем, не такие уж неразрешимые. Проще всего, вероятно, решить вопрос с оплатой за доставку. В конце концов если обед стоимостью в 40—70 копеек станет на несколько копеек дороже, ничего страшного. Ведь и при доставке продуктов на дом узаконена небольшая наценка. Любая хозяйка, вероятно, согласится на такую надбавку.

Ну, а как быть с транспортом?

Вот что рассказывает начальник Мосторгтранса Ю. И. Лесов:

— Каждый день на линию выходят тысяча сто автомашин специально для обслуживания предприятий общественного питания. Но среднесуточный пробег одной машины составляет... 30 километров. Почему? Из-за простоев, объясняющихся бесхозяйственностью, нерациональным использованием транспорта.

Значит, и проблему транспорта можно решить! Значит, можно осуществить и то благое начинание, которое десять лет назад возвестила реклама!

...Представьте себе, дорогие хозяйки, такую картину. В один прекрасный день вы получаете по почте красивую открытку. Дирекция районной фабрики-кухни (столовой, ресторана, кафе и т. п.) сообщает: «Дорогие товарищи! Не хотите ли получать обеды на дом? Вкусно, недорого, удобно! Достаточно позвонить нам по телефону. Обед будет доставлен в назначенное время. Имеются недельные и месячные абонементы». И однажды раздается звонок, и приветливая девушка в наколке (можно помириться на деликатном мужчине в колпаке) объявляет: «Кушать подано», или «Обед готов!», или еще что-нибудь в этом роде. Соблазнительная картина, не правда ли?

Увы, пока это только мираж. Кушать не подано...

ОТ РЕДАКЦИИ

Репортаж «Кушать не подано» мы попросили прокомментировать ответственных работников Министерства торговли, Госплана СССР и Комитета цен при Совете Министров СССР. Вот что они ответили корреспонденту «Огонька» М. Ходакову.

А. Н. ЕРШОВ, НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ СССР:

— Вопрос, поднятый «Огоньком», чрезвычайно своевременен и важен. Действительно, доставка обедов на дом может в значительной мере облегчить труд домашних хозяек. Это будет претворением в жизнь той директивы XXIV съезда КПСС, которая предусматривает осуществление широкой системы мероприятий, направленных на экономию времени населения.

Пока, надо признать, работниками общественного питания в этом направлении делаются еще только первые шаги. Конечно, в значительной мере сэкономить время домашним хозяйкам помогли бы домовые кухни и магазины кулинарии. Но их не хватает.

Что касается такого вида «добрых услуг», как доставка обедов на дом — и не только инвалидам, но и всем желающим,— то тут действительно имеются пока препятствия, о которых говорится в репортаже: отсутствие специального транспорта и заинтересованности в доставке.

Машины для доставки обедов на дом должны быть оборудованы специальными гнездами для установки судков. В такой машине обеды может развозить даже сам шофер, получая за это дополнительную оплату, и, следовательно, не придется вводить в штат предприятия специальную единицу.

Но так или иначе проблема доставки обедов на дом должна быть решена. На наш взгляд, министерствам торговли союзных республик совместно с исполкомами местных Советов депутатов трудящихся необходимо безотлагательно определить в каждом районе и даже микрорайоне предприятия, которые могут организовать доставку обедов на дом.

А. Н. КОМИН, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ЦЕН ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР:

— Естественно, что за доставку обедов на дом населению должны быть установлены соответствующие тарифы, возмещающие связанные с этим расходы столовых и ресторанов. Чем больше будет развиваться эта новая форма обслуживания населения, тем выгоднее она станет для столовых и ресторанов. Плата за доставку обедов на дом должна устанавливаться местными Советами депутатов трудящихся по представлению организаций общественного питания.

В. С. ТЮКОВ, ЧЛЕН ГОСПЛАНА СССР:

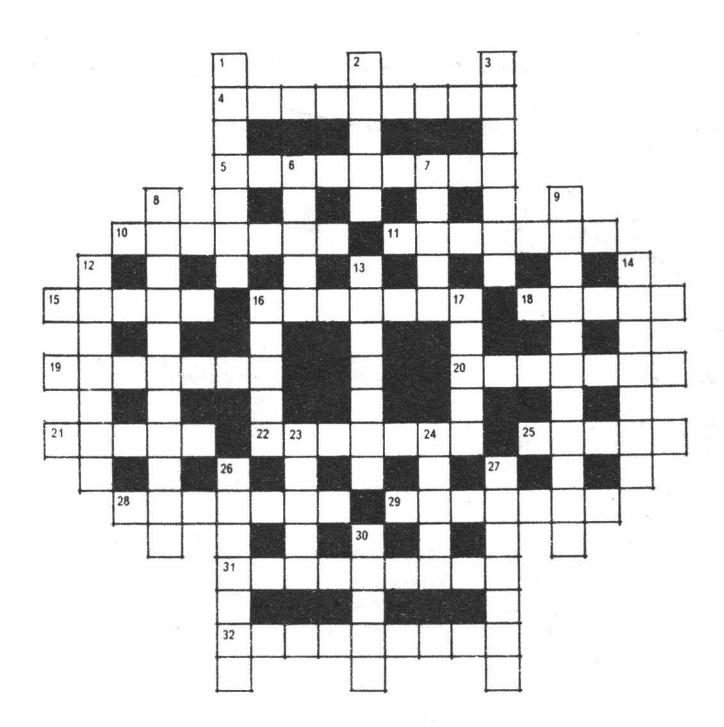
— Опыт москвичей — и ресторана «Пекин» и десятков столовых — убедительно показывает, что доставка обедов на дом для самых широких кругов населения вполне осуществима. Экономические преимущества такого мероприятия, имея в виду освобождение женщин от непроизводительного домашнего труда, неоспоримы.

На мой взгляд, эта важная бытовая услуга не упирается сейчас в необходимость выделения специального транспорта, увеличения штатов и т. п. Если работники общественного питания по-настоящему возьмутся за это дело, они на первых порах найдут и транспорт и людей.

Когда же доставка обедов на дом получит широкое распространение, то необходимую помощь предприятиям общественного питания смогут оказать Советы Министров союзных республик и местные Советы депутатов трудящихся.

* * *

Итак, инициатива москвичей, судя по всему, заслуживает внимания. Доставка обедов может и должна стать повседневным, обычным делом. Что думают об этом наши читатели? Каковы меры, намечаемые работниками общественного питания? Мы ждем от них ответа на эти вопросы.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Советский педагог и писатель. 5. Опера Дж. Верди. 10. Научное сочинение. 11. Вид ивы. 15. Рассказ А. П. Чехова. 16. Легкое торговое помещение. 18. Глубокая крутосклонная рытвина. 19. Химический элемент. 20. Музыкант оркестра. 21. Сильный вихрь. 22. Прыжок в балете. 25. Спутник планеты Сатурн. 28. Советский конструктор авиационных двигателей. 29. Эфирномасличное растение. 31. Гора на Среднем Урале. 32. Керамическое изделие.

По вертикали: 1. Часть света. 2. Стиль плавания. 3. Приток Сухоны. 6. Раздел книги, статьи. 7. Река на Северном Кавказе. 8. Чертежный прибор. 9. Всемирные студенческие игры. 12. Тесьма для украшения одежды, портьер. 13. Возвышение для лектора, оратора. 14. Североамериканский черный медведь. 16. Областной центр в РСФСР. 17. Морская рыба. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 24. Холодное оружие. 26. День недели. 27. Венгерский композитор, автор оперетт. 30. Полудрагоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 4. Бородин. 7. «Новь». 8. Крот. 10. Одуванчик. 12. Лоцман. 14. Алехин. 16. Пастила. 20. Динамометр. 21. Гренадерка. 22. Сопилка. 24. Снеток. 26. Фасоль. 27. Аргентина. 28. Лето. 30. Уток. 31. Арбенин.

По вертикали: 1. Кронштадт. 2. Конь. 3. Цинк. 5. Фотон. 6. Носка. 9. «Хованщина». 11. Гипербола. 13. Ариосто. 15. Лопатка. 16. Пресс. 17. Сироп. 18. Ингул. 19. Арена. 23. Ионосфера. 25. Катет. 26. Фасон. 29. Охра. 30. Упит.

На первой странице обложки: Металлургический завод имени Ф. Э. Дзержинского в Днепродзержинске.

Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: Русский пейзаж.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем—253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/VI-71 г. А 00579. Подп. к печ. 30/VI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1329. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1478.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

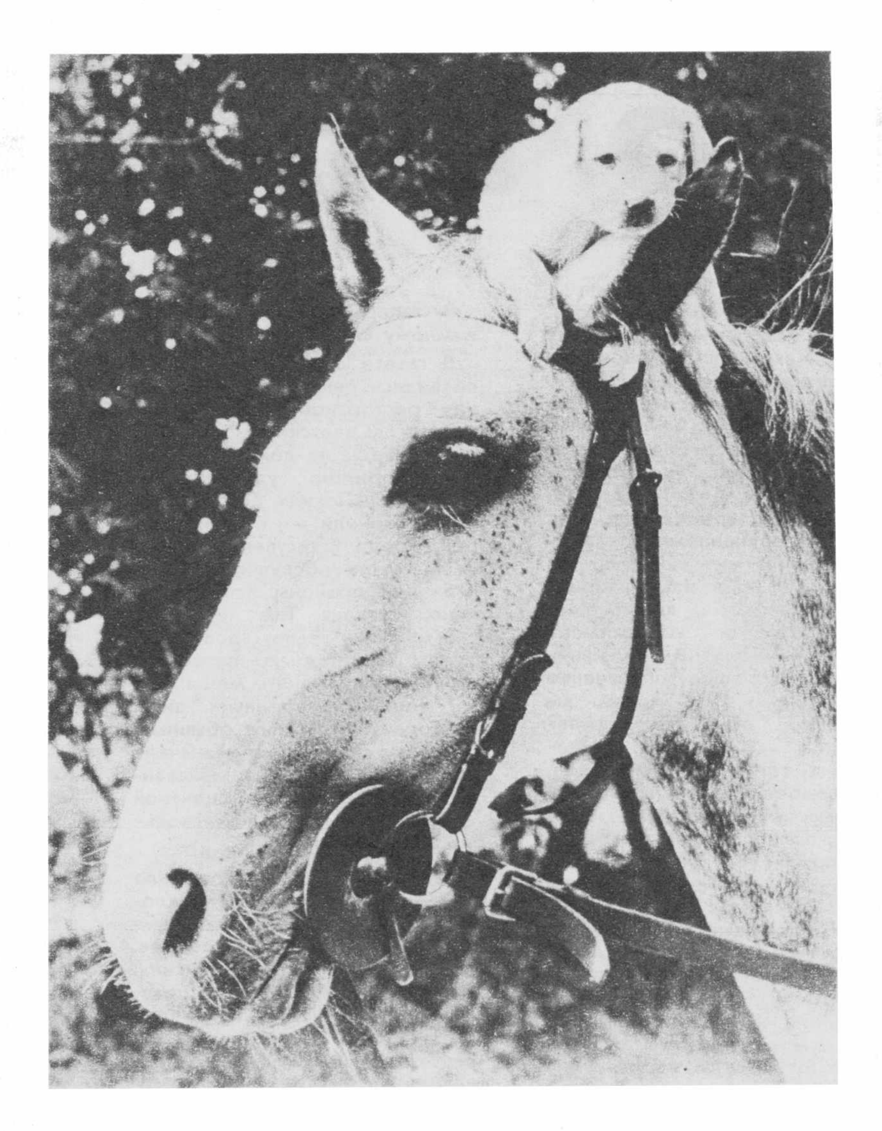

Фото М. Баранова.

СЛОВА-КРЫЛЬЯ

Говорят, что песня — душа народа. Если это так, то крыльями песни являются слова.

С незапамятных времен люди стремятся в острых, лаконичных словах высказать самое сокровенное. Это самое сокровенное с течением столетий осело в пословицах и поговорках языкотворца-народа. Словно золотые россыпи, сверкают пословицы и поговорки каждого народа.

Щедры на мудрость и меткие слова разноплеменных сынов Кавказа. Об этом превосходно свидетельствует изданная в Нальчике маленькая книжка «Мудрые слова», хотя она и вобрала в себя только скромную долю той поистине великой и бесценной рукописи, имя автора которой — Народ.

Составитель книги — ростовский журналист Андрей Куцко. Им записаны десятки тысяч пословиц и поговорок. В рецензируемом сборнике — тысяча кавказских пословиц: армянских, грузинских, азербайджанских, абхазских, адыгейских, кабардинских, балкарских, осетинских, черкесских, чеченских...

«Мудрые слова» — благодарный труд и составителя и издательства. Андрей Куцко годами собирал золотые россыпи народной речи. И в дни мира и в дни войны. С кавказским фольклором журналист впервые столкнулся, как говорится, лицом к лицу в окопах минувшей войны. Мудрые слова были на вооружении у солдат.

В приведенных в сборнике пословицах — чеканная поэтическая мудрость, в них — сила народов, их идеи, мораль, традиции, обычаи, житейский опыт целых поколений, любовь к родной земле, отношение к труду, семье, войне, миру, высокие понятия любви, верности, чести, добра...

Впрочем, об этом лучше всего говорят страницы самой книги, пословицы и поговорки, собранные А. Куцко: «Доброе имя лучше богатства», «Лучший друг — мать, лучшая страна — Родина», «Мудрый тот, кто советуется с народом», «Быть без песен — бездомным быть», «Захочет человек — на голой вершине цветы зацветут», «Образование — гость, ум — хозяин», «Красота до вечера, а доброта навеки»...

Спору нет: издательство «Эльбрус» обратилось к читателям с умным и добрым словом.

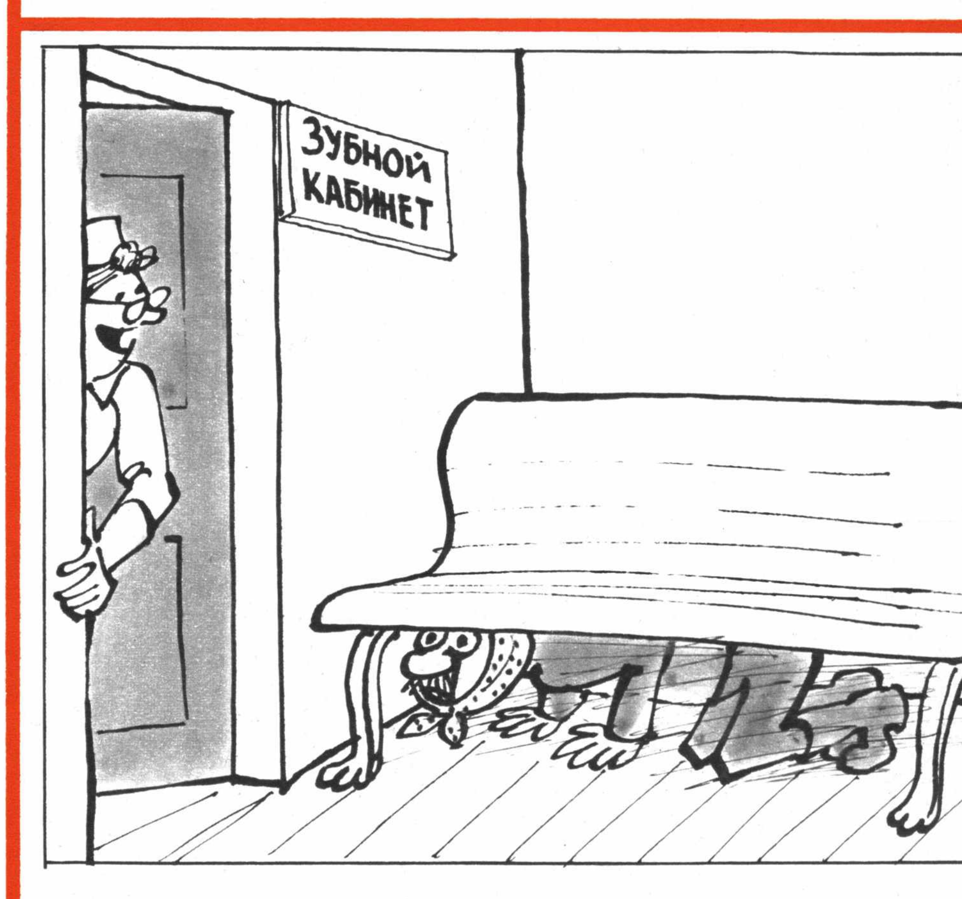
Мудрые слова. Составитель А. П. Куцко. Издательство «Эльбрус». Нальчик. 1970.

Михаил АНДРИАСОВ
Ростов-на-Дону.

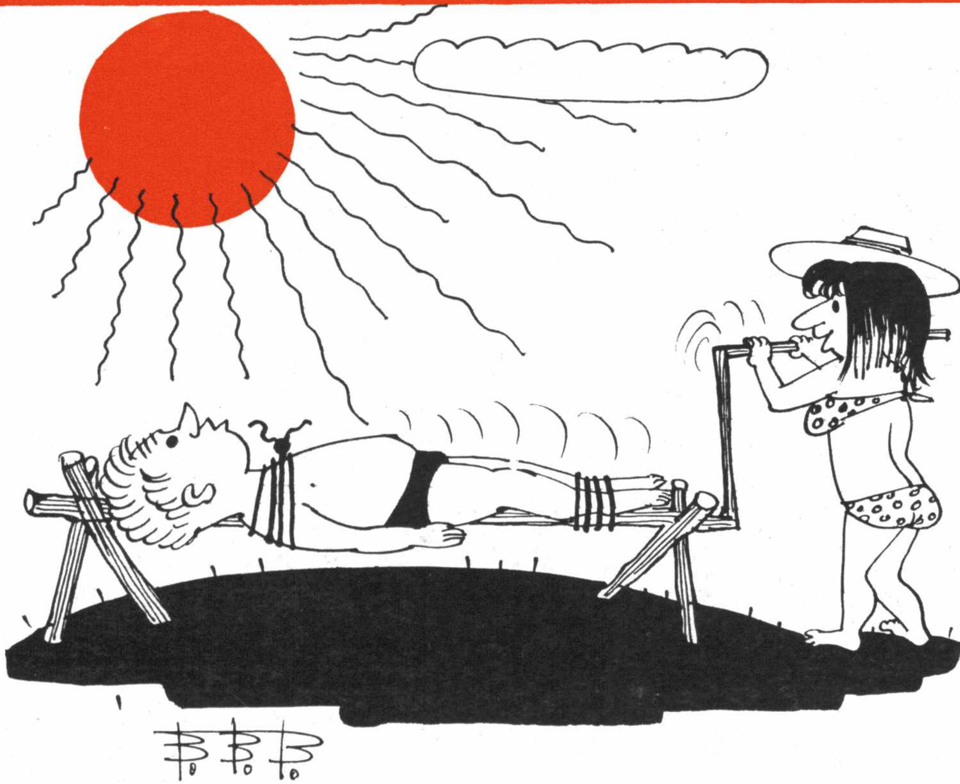
Рисунки В. Воеводина.

— Хозяин, на который этаж мебель поднимать!
— Я буду вам показывать.

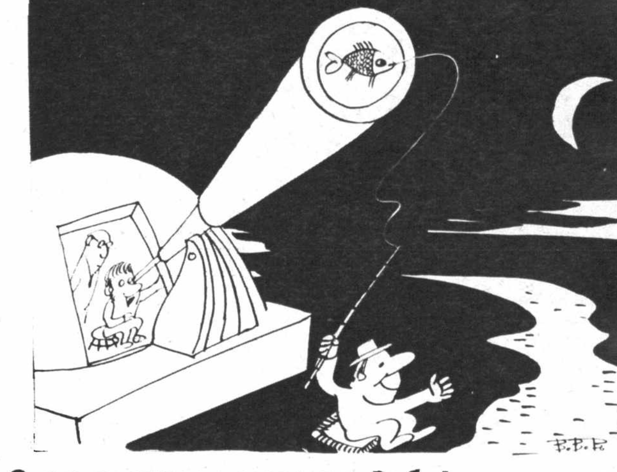

— Следующий!

Рисунок Е. Горохова.

— Со всех сторон, Петя, у тебя будет равномерный загар.

— О, что-то новое в созвездии Рыбы!

— Поверь мне, стреляному воробью: для гнезда это — самое безопасное место.

Рисунок В. Черникова.

— Врач мне прописал хвойные ванны.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.